

ISSN 2587-6589

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2, 2017

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Научный журнал
№ 2, 2017**

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ивашкевич Ирина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Магелланас Фернандо Латас — доктор филологических наук, профессор (Испания, г. Мадрид, университет Complutense, факультет немецкой филологии), профессор университета Севильи (Испания, г. Севилья, Институт германистики)

Мирчевска-Бошева Биляна — ассоциированный профессор, заведующий кафедрой славистики (Македония, г. Скопье, университет им. Св. Кирилла и Мефодия)

Мышкина Нэлли Леонидовна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский национальный исследовательский политехнический университет)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна — доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нижнева Наталья Николаевна — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Табидзе Манана Шотаевна — доктор филологических наук, профессор, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, феллоу профессор, гуманитарный факультет (Грузия, г. Тбилиси, Грузинский университет им. св. Андрея Первозванного Патриаршества Грузии)

Травински Беата — Ph. D., профессор (Германия, г. Маннгейм, Институт немецкого языка)

Ходжиматова Гулчехра Масандовна — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Шавхелишвили Бела Абрамовна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института Картвелологии (Грузия, г. Тбилиси, Сухумский государственный университет)

Яхьяпур Марзие — профессор кафедры русского языка и литературы, факультет иностранных языков (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна — главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна — заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Алексеева Лариса Михайловна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Безукладников Константин Эдуардович — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания иностранных языков (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Бартош Дана Казимировна — доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Зеленина Тамара Ивановна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Иоселани Аза Давидовна — доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Комарова Юлия Александровна — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой интенсивного обучения иностранным языкам (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена)

Мишланова Светлана Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Проскурнин Борис Михайлович — доктор филологических наук, профессор, декан факультета современных иностранных языков и литератур (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семенов Наталия Николаевна — доктор филологических наук, профессор (Россия, Старый Оскол, Белгородский государственный университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики)

Файзинова Галина Владимировна — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Платонова Елена Анатольевна — ответственный секретарь, кандидат филологических наук (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Плюснина Екатерина Михайловна — ответственный секретарь, кандидат филологических наук (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

© Редакционная коллегия, 2017

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет».
Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Подписано в печать 20.11.2017. Формат 60 × 84/16.
Усл. печ. л. 16,27. Тираж 500 экз. Заказ № 52.

Территория распространения – Российская Федерация.

ВЫПУСК ЖУРНАЛА
"ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ"
ПОСВЯЩАЕТСЯ 10-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ.....	4
Аверина А. В. К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ И ДИСКУРСИВНЫХ ЧАСТИЦ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	4
Башкиров А. Г. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭВФЕМИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	7
Ким М. Й. «МУЖ» И «ЖЕНА» КАК КОМПОНЕНТЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СЕМЬЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА).....	11
Лапчинская Т. Н. СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ТЕКСТЕ НЕМЕЦКОГО КОРОТКОГО РАССКАЗА.....	15
Хадеми М. М. А. ТИПЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ	18
Огородникова Е. А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ШАБЛОНОВ ДЛЯ ФОРМАЛИЗАЦИИ РОДО-ВИДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ.....	20
Попов Д. С., Алексеева Л. М. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «АРХИТЕКТУРА – ЭТО ЧЕЛОВЕК» В АРХИТЕКТУРНОМ ДИСКУРСЕ.....	24
Рузиева Л. Т. ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И АФОРИЗМЫ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	28
Сюткина Н. П. ЭМОТИВНЫЕ КАУЗАТИВЫ: К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ	31
Ремяникова Д. О., Мишланова С. Л. МЕТАФОНИМИЯ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ.....	39
Единак О. В. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ДИСКУРСЕ ПОБЕДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИЦИСТИКИ) .	43
Миненко Е. В. ФРАГМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМ ДЕМОКРАТИЯ/DEMOCRACY	47
Шалгина Е. А. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «CHARITÉ / МИЛОСЕРДИЕ».....	50
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	59
Арутюнян Л. А. СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ОДОРЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ПАРФЮМЕРНОМ ДИСКУРСЕ.....	59
Шамбезода Х. Д., Нагзибекова Т. Н. КЛАССИФИКАЦИЯ ТАДЖИКСКИХ РЕАЛИЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	63
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	67
Клочко К. А. О РЕАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ «ТОПИК – КОММЕНТАРИЙ» В ПОЛИКОДОВОМ ТЕКСТЕ.....	67

Осадчая М. Н. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА.....	74
СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКА	79
Ерофеева Т. И. ЛИНГВИСТИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В МЕТОДИЧЕСКОМ РАКУРСЕ РАССМОТРЕНИЯ.....	79
ЛИНГВОДИДАКТИКА.....	83
Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. ПОНЯТИЕ ТРАНССЕМИОТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ.....	83
Иванова Г. Н. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	89
Нагзибекова М. Б., Собирова Ф. А. МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ.....	92
Полякова С. В., Гриценко Е. А. CROSS CULTURAL ESP PROJECT: USING A DOCUMENTARY FILM IN TEACHING SOCIAL WORK STUDENTS.....	97
Розенкова Х. Е., Шустова С. В. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ, РОЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	101
Тимиркина М. Э., Мишланова С. Л., Мильц Е. В., Ветрова К. О. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ.....	105
Филиппова А. А. РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК».....	109
Ходжиматова Г. М., Хабибова М. О., Сафарова М. А. ОБОГАЩЕНИЕ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА УЧАЩИХСЯ–ТАДЖИКОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ	114
Царенко Н. М., Шустова С. В. КОНТРОЛЬ СФОРМИРОВАННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ	118
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	123
Кондаков Б. В., Красноярова А. А. КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ И КИТАЙСКИЙ КОНТЕКСТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ).....	123
Махбубзаде С., Яхьяпур М. ЛИТЕРАТУРА ПЕРСИДСКОГО И РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И ЕЕ ИСТОРИЯ	128
Пейсахович А. Д., Графова О., И. ИССЛЕДОВАНИЕ ИДИОСТИЛИЯ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА Т. ХЬЮЗА «ЯСТРЕБ ПОД ДОЖДЕМ»).....	131
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ.....	137
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ.....	140

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.11-112

Аверина Анна Викторовна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германской филологии, Московский государственный областной университет.

105082, Москва, Переведеновский переулок, д. 5.

Тел.: 8 495 780 09 42

E-mail: Anna.averina@list.ru

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ И ДИСКУРСИВНЫХ ЧАСТИЦ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрены общие и отличительные черты модальных и дискурсивных частиц в немецком языке. Показано, что отличия касаются функционального назначения частиц, позиции в линейной структуре предложения, а также интонирования.

Ключевые слова: модальные частицы, дискурсивные частицы, ударение, логические связи.

Введение

В немецком языке существует множество частиц, относимых к различным классам, или разрядам: модальные, фокусные, усилительные частицы и т. д. Сами по себе частицы отличаются от других классов слов по ряду признаков: 1) они не являются членами предложения; 2) в отличие от модальных слов, они не могут выступать в роли самостоятельного ответа на вопрос; 3) к ним нельзя задать вопрос; 4) они не могут быть отрицаемы [Кривоносов, 2001; Аверина, 2010; Averina, 2015]. В немецкой и в отечественной германистике активно обсуждается вопрос относительно еще одного класса частиц – дискурсивных. Критерии дискурсивных и модальных частиц порой совпадают, а во многих исследованиях модальные частицы зачастую обозначаются термином дискурсивные частицы. В нашей работе мы хотели бы остановиться на решении следующих вопросов: в чем специфика семантики дискурсивных частиц? В чем специфика семантики модальных частиц? Какие свойства являются общими, а какие – отличительными для обоих разрядов частиц? Какие функции выполняют модальные и дискурсивные частицы?

В качестве материалов исследования послужил газетный корпус, веб-корпус COLiBRi Свободного университета г. Берлин и корпуса DeWaC и Parlamentsreden Гумбольдтовского университета г. Берлин.

Основная часть

Рассмотрим сначала различные трактовки и характеристики терминов «модальные частицы» и «дискурсивные частицы». М. Крюгер оперирует термином «дискурсивные частицы» применительно к частицам *ja*, *doch* и *denn* на том основании, что они используются на уровне адресат-адресант и являются поэтому более динамичными, чем модальные глаголы [Krüger, 2001, S. 91].

Р. Вальтерайт указывает на следующие особенности дискурсивных частиц, которые отличают их от других разрядов частиц:

- неизменяемость;
- позиция на границе дискурсивной единицы;
- возможность быть ударной;
- широкий скопус, или сфера действия;
- невозможность быть запрашиваемой и отрицаемой;
- ограничения применительно к использованию в различных типах предложений.

По мнению Р. Вальтерайта, основное отличие модальных частиц от дискурсивных состоит в том, что модальные частицы относятся к целому предложению, в то время как сфера действия дискурсивной частицы распространяется не только на предложение, но и на несколько предложений [Waltereit, 2006]. Аналогичного мнения придерживается и Д.О. Добровольский, указывая на то, что «...модальные частицы относятся, как правило, ко всему предложению и соотносят его содержание с коммуникативными (в том числе, аргументированными) целями и установками говорящего, в то время как основная функция дис-

курсивных частиц – обеспечение связи между отдельными высказываниями и фрагментами вербального и невербального контекста, а также с коммуникативной ситуацией в целом; при этом некоторые из них могут также заполнять паузы в разговоре» [Добровольский, 2013, с. 37].

Термином «модальная частица» оперирует Л. Брюнье (2014). О модальных частицах пишет В. Абрахам (2011), подчеркивая их способность стоять в среднем поле немецкого предложения и многоплановую дейктичность: (1) говорящий оценивает информированность собеседника, (2) дает ему об этом знать и (3) провоцирует у него реакцию на высказанное [Abraham, 2011, S. 140]. Это свойство мы можем проследить на примере следующего высказывания:

(1) Das alles geht **ja** an der CDU und CSU nicht vorbei (Die Zeit Online, 03.01.2015).

В приведенном примере используется модальная частица *ja* в среднем поле предложения. Тем самым говорящий показывает, что данная информация в общих чертах известна слушателю, и, выражая свою позицию, говорящий ожидает, что слушатель разделит его точку зрения.

Модальные частицы всегда безударны. На это указывает в своих работах В. Абрахам (2011), М. Котин (2011). Эту позицию, однако, не разделяет Й. Майбауер (1994). К модальным частицам он относит не только безударные частицы *ja*, *doch* и т.д., но и ударные частицы *JA*, *DOCH*, *WOHL*, *SCHON*, *EH* и т.д. Более того, ударные и безударные частицы, по мнению исследователя, – это аналоги одной и той же частицы. Так, например, семантика ударной частицы *JA* складывается из семантики безударной частицы *ja* и ударения. По его наблюдениям, побудительные предложения, содержащие ударную частицу *JA*, идентичны таковым с ударением на предикате, сравним:

(2) (a) Mach **JA** deine Hausaufgaben!

(b) **MACH ja** deine Hausaufgaben! (примеры Й. Майбауера)

Это означает, что, если семантика предложений идентична, то и функция ударной частицы аналогична функции стоящего под ударением предиката. В приведенных примерах в обоих случаях имеет место кодировка феномена Verum, описанного Т. Хеле [Höhle, 1988]. В русской терминологии мы предложили эквивалент «фокус истинности» [Аверина, 2015]. Суть его заключается в том, что посредством интонирования личной формы глагола, субьюнктора (подчинительного союза), либо частицы говорящий подчеркивает истинность своей позиции и ее отличие от позиции собеседника. В примерах (2a) и (2b) говорящий хочет подчеркнуть, что он очень сильно сомневается в том, что собеседник собирается делать уроки – в результате на первый план выступает намерение говорящего выразить последнее предупреждение, угрозу и т. д.

Мы полагаем, что ударные частицы не являются аналогами безударных частиц. Причину, прежде всего, мы видим в том, что они не могут использоваться в одних и тех же видах предложений, что, например, отчетливо можно проследить на примере придаточных предложений, сравним:

(3) Wir freuen uns vor allem, dass es jetzt doch wirklich losgeht, nachdem **ja** (**JA***) fast 20 Jahre diskutiert, geplant, verworfen, wieder geplant wurde (COLiBRi).

В приведенном предложении модальная частица *ja* стоит в придаточном предложении времени с союзом *nachdem*, семантика которого отчасти пересекается с семантикой причины. Модальная частица *ja* возможна в этом предложении, однако включение ударной частицы *JA* будетagramматичным.

Еще одна причина, по которой модальные безударные частицы отличаются от ударных – их функциональное отличие. Одна из функций безударных частиц состоит в том, что они способны выступать в роли коннекторов, что уже было описано нами ранее [Averina, 2015]. Для описания этого свойства возьмем фрагмент из романа Г. Гессе «Der Steppenwolf»:

(4) Natürlich wollen sie nicht schwimmen! Sie sind **ja** für den Boden geboren, nicht fürs Wasser.

В приведенном примере логическое умозаключение строится на правиле вывода *modus ponens* [Averina, 2012], суть которого заключается в том, что утверждение условного высказывания и его основания позволяет утверждать следствие высказывания. Так, предложение (4) можно представить следующим образом:

A → B: Wenn man für den Boden geboren ist, will man nicht schwimmen.

A: Sie sind für den Boden geboren.

B (заключение): Sie wollen nicht schwimmen.

где A → B – сложная посылка, A – простая посылка, B – заключение.

Способность передавать логическое умозаключение присуща только безударным частицам и никак не свойственна ударным. Аналогичную ситуацию мы можем проследить и на примере безударной частицы *doch* и ударной частицы *DOCH*:

(5) Statt durch Strafzölle US-Unternehmen zu schützen, solle Trump die eigene Wirtschaft durch Bildungsinvestitionen langfristig stärken, forderte Azevedo: "Sie können **doch** als Politiker nicht bloß andere

Länder und böse Kräfte von außen dafür verantwortlich machen", sagte der WTO-Chef an den US-Präsidenten gerichtet [Zeit Online, 28.02.2017].

(6) Kein Wunder, dass die Wirtschaft kaum wächst. Und DOCH geschehen genau jetzt entscheidende Veränderungen [Zeit Online, 13.05.2005].

В отрывке (5) безударная частица *doch* участвует в передаче причинно-следственных отношений, которые можно представить следующим образом:

A → B: Wenn man Politiker ist, kann man nicht andere Länder und böse Kräfte von außen dafür verantwortlich machen.

A: Sie sind Politiker.

B: Sie können doch als Politiker nicht bloß andere Länder und böse Kräfte von außen dafür verantwortlich machen.

В следующем фрагменте (6) ударная частица DOCH выполняет совсем иное назначение: речь идет не о логическом умозаключении, а о создании контраста между предыдущим предложением и предложением с частицей DOCH.

Итак, ударные частицы мы могли бы обозначить как дискурсивные частицы. Конечно, модальные частицы обладают широким скопусом, или сферой действия (термин скопус см. [Zifonun, et al. 1998]), что характерно и для дискурсивных частиц, однако, сфера их влияния обусловлена, прежде всего, способностью создавать логические отношения на уровне микротекста, что никак не характерно для дискурсивных частиц. Взаимосвязь предложений, в структуре которых имеют место дискурсивные частицы, совсем иного рода: дискурсивные частицы не выражают логические отношения, а позволяют создать контраст между предыдущим и последующим фрагментом.

Еще одно отличие модальных частиц от дискурсивных состоит в их позиции в линейной структуре предложения. Как мы видели из приведенных выше примеров, дискурсивные частицы могут стоять не только в среднем поле предложения, но и занимать инициальную позицию, а частица DOCH может выступать в роли самостоятельного предложения. Это мы можем продемонстрировать на примере следующих высказываний.

(7) KONTRASTE: «Warum nicht?»

Rezzo Schlauch (Bündnis 90 / Die Grünen): «**Ja weil** ich nicht alles kommentieren muss...» [Parlamentsreden].

(8) Dabei ist es nicht so, dass er sich als gerecht bezeichnen würde. **Ja er** bekennt manchmal seine Sünde spontan relativ offen [DeWaC].

(9) A: Ist er nicht rechtzeitig gekommen?

B: DOCH!

Заключение

Модальные частицы 1) не являются членами предложения; 2) не могут выступать в роли самостоятельного ответа на вопрос; 3) к ним нельзя задать вопрос; 4) не могут быть отрицаемы; 5) стоят в среднем поле немецкого предложения; 6) способны участвовать в оформлении логических отношений между предложениями или фрагментами текста; 7) они всегда безударны. Дискурсивные частицы обладают следующими свойствами: как и модальные частицы, они 1) не являются членами предложения; 2) не могут выступать в роли самостоятельного ответа на вопрос; 3) к ним нельзя задать вопрос и 4) они не могут быть отрицаемы. Их отличие от модальных частиц состоит в следующем: 1) они могут занимать инициальную позицию; 2) способны выступать в роли самостоятельного предложения; 3) могут создавать контраст между позицией говорящего и собеседника, либо между предыдущим фрагментом и последующим; 4) не создают логических отношений между предложениями и 5) могут быть ударными.

Список литературы

1. Аверина А.В. Эпистемическая модальность как языковой феномен. Москва: УРСС, 2012. 192 с.
2. Аверина А.В. Феномен *Vegetum* в немецком языке как глубинный модальный компонент высказывания и его русские соответствия // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». № 2 (26). 2015. С. 36–46.
3. Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. Москва: Языки славянских культур, 2013. 752 с.
4. Кривоносов А.Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (философские основы теоретической грамматики). Москва, Нью-Йорк: ЧеРо, 2001. 846 с.
5. Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. Focus: Trier 2011, S. 125–147.

6. Averina A. Phorik bei den Epistemizitätsmarkern im Deutschen //Die Sprache in Aktion: Pragmatik – Sprechakte – Diskurs. Universitätsverlag Winter: Heidelberg, 2012. S. 33–45.
7. Averina A. Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2015. 244 S.
8. Brünjes L. Das Paradigma deutscher Modalpartikeln. Dialoggrammatische Funktion und paradigminterne Oppositionen. Berlin: De Gruyter, 2014.
9. Höhle, Tilman N. „Verum-Fokus“ // Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte. Lund, 1988.
10. Kotin M. Ik gihorta dat seggen...Modalität, Evidentialität, Sprachwandel und das Problem der grammatischen Kategorisierung // Modalität und Evidentialität. Focus: Trier? 2011. S. 35–48.
11. Krüger M. Übersetzungskompetenz: modale Semantik. Eine Studie am Sprachenpaar Dänisch-Deutsch. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001. 184 S.
12. Waltereit R. Abtönung: Zur Pragmatik und historischen Semantik von Modalpartikeln und ihren funktionalen Äquivalenten in romanischen Sprachen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006. 205 S.
13. Zifonun G. & Hoffmann L. & Strecker B. Grammatik der deutschen Sprache. De Gruyter: Berlin et al. 1997.

Материалы исследования

1. DeWaC. URL: <https://www.linguistik.hu-berlin.de/institut/professuren/korpuslinguistik/> korpora (дата обращения: 25.12.2015).
2. Die Zeit Online 13.05.2005, Die Zeit 03.01.2015, Die Zeit 28.02.2017.
3. Hesse H. Der Steppenwolf. Zürich: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1999.
4. COLiBRi. URL: <http://hpsg.fu-berlin.de/cow/colibri/> (дата обращения: март 2017).

Averina A.V.

*Doctor of Philology, Professor,
Moscow State Regional University*

TO THE PROBLEM OF DESTINCTION OF MODAL AND DISCOURSIIVE PARTICLES IN GERMAN

The article discusses common and different features of modal and discourse particles. The difference between them is in their functions, position in the sentence and in the stress as well.

Key words: modal particles, discourse particles, stress, logical relations.

УДК 811.112.2

Башкиров Алексей Георгиевич

Старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Институт общественных наук, Российская Академия Народного хозяйства
и Государственной службы при президенте РФ.
129329, Москва, ул. Вересковая д. 1, корпус 1.
Тел: 8915 349 9321
E-mail: netanet@mail.ru

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭВФЕМИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена анализу коммуникативно-прагматических аспектов функционирования эвфемизмов в немецком политическом дискурсе. Рассмотрены понятия «эвфемизм» и «политический эвфемизм», исследованы и обозначены характеристики и функции эвфемизмов в немецком политическом дискурсе.

Ключевые слова: эвфемизм, политический эвфемизм, политический дискурс, коммуникативно-прагматический аспект.

Введение

Политический дискурс неоднократно привлекал внимание ученых из разных отраслей, в том числе и лингвистов. Такой вид дискурса является наиболее влиятельным явлением, поэтому он предпола-

ет определенные стратегии и тактики с учетом коммуникативно-целевого, смыслового и стилистического назначения. Политики обычно вынуждены прибегать к употреблению лексических единиц, которые завуалируют негативные общественные явления, украшают реальность, искажают важную информацию, скрывают методы нечестной политической игры, с помощью которых политический деятель может удержаться на политической сцене и снискать расположение адресата. Поэтому политики часто используют в своих речах приемы эвфемизации [Миронина, 2010, с. 29–33; Сафина, 2015, с. 112–120; Яфарова, 2015, с. 214–217].

Основная часть

Цель данной работы – исследовать понятия «эвфемизм» и «политический эвфемизм», а также проанализировать функционирование эвфемизмов в немецком политическом дискурсе с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. Объектом исследования выступает явление эвфемизации в немецком языке. Предмет исследования – эвфемизмы, а также приемы и особенности функционирования эвфемизмов, которые употребляются в политическом дискурсе. Материалом исследования послужили эвфемизмы из статей политических рубрик немецких газет, отобранные методом сплошной выборки.

Изучение эвфемии сегодня является актуальной лингвистической проблемой, ведь в последнее время процессы образования эвфемизмов происходят чрезвычайно интенсивно. В частности употребление эвфемизмов в СМИ, в значимых для общества сферах речевой деятельности, способствует их масштабному распространению [Бушев, 2004, с. 52–71; Миронина, 2013, с. 213–216]. В современных условиях все большее развитие приобретают самые разнообразные способы и средства эвфемизации, которые касаются социально значимых тем, различных сфер деятельности человека, его отношений с другими людьми, обществом, властью [Миронина, 2013, с. 213–216].

Проблеме теоретического обоснования эвфемизации и использования эвфемизмов в политическом дискурсе СМИ уделяется огромное внимание. Те или иные аспекты эвфемизации в определенной степени исследованы и описаны в трудах многих языковедов, таких как А.Б. Бушев [2004, с. 52–71], И.Р. Гальперин [1981, с. 316], А. Искос [1970, с. 273], Л.П. Крысин [1994, с. 28–49], В.П. Москвин [2006, с. 640], Е.А. Переверзев [2008, с. 74–79], А.Н. Прудывус [2006, с. 188], О.И. Шейгал [2004, с. 326], С. Люхтенберг [1985, с. 299], Н. Целльнер [1997, с. 444].

Все чаще освещение событий, происходящих в духовной, политической, социально-экономической жизни общества требует от средств массовой информации эвфемистических способов выражения мысли. В наше время политическая речь используется не только как инструмент формирования и выражения мнения, но как способ ее сокрытия. Характер политического дискурса определяет соответствующий выбор средств для достижения коммуникативной цели [Яфарова, 2015, с. 214–217]. Одним из таких средств являются эвфемизмы.

Проанализируем сущность этого понятия. Сегодня существует большое количество дефиниций данного термина. «Эвфемизм» происходит от греческого слова *eufhemismos* (eu – «вежливо, хорошо» и *rhemí* – «говорю»), то есть: «говорю вежливо», «говорю хорошо». В лингвистике понятие эвфемизм понимают как благозвучное слово или выражение, используемое для замены неприличных, нежелательных или запрещенных слов [Прудывус, 2006, с. 16].

В литературоведческом словаре А. Искос приводит следующее определение: «эвфемизм – это избегание общественно-непринятых или табуированных слов и выражений» [Искос, 1977, с. 22]. В.П. Москвин определяет эвфемизм как перифразу, цель которой – замена неприятного высказывания приятным, невежливого – вежливым, нежелательного – желанным [Москвин, 2006, с. 164].

Двойко рассматривает эвфемизм С. Люхтенберг. По мнению автора, это или смягченное и украшенное обозначение определенных предметов или явлений, или же их завуалирование с целью искажения действительности [Luchtenberg, 1985, S. 26].

Н. Целльнер характеризует эвфемизм как общественное языковое явление, которое необходимо рассматривать в прагматическом аспекте [Целльнер, 1997, с. 53]. То есть, эвфемизм функционирует в определенном обществе, вне которого возможна потеря им эвфемистического значения.

По определению Е.А. Переверзева, эвфемизмы – это единицы вторичной номинации с относительно положительной коннотацией, используемые для замены прямых наименований, употребление которых с социально или психологически обусловленных причин считают нежелательным [Переверзев, 2008, с. 74].

Одни ученые отмечают, что в основе эвфемизма заложено табу; другие – что это сокрытие неприятных явлений действительности, которые непосредственно не связаны с табуированием. Мы же рас-

смастриваем эвфемизацию и как стратегию вуалирования, затушевывания нежелательной информации, что позволяет сделать менее очевидными неприятные факты, и как избегание общественных, социальных и религиозных табу, с целью предотвращения коммуникативного дискомфорта.

Эвфемизмы выполняют в политическом дискурсе следующие основные функции: назывную, информативно-эстетическую и коммуникативно-прагматическую. Российские ученые А. Искос и А. Ленкова различают по тематике четыре группы эвфемизмов:

– *религиозные*, отражающие совокупность духовных представлений, основанных на вере в существование Бога, сверхъестественные силы, а также соответствующее поведение и действия человека (*den Geist aufgeben*);

– *социально-нравственные*, обусловленные этическими нормами общества, охватывая различные негативно-нравственные явления: пьянство, воровство, преступления и т.п. (*Unwahrheit; klauen; sich entledigen*);

– *общественно-эстетические*, для обозначения денотатов физиологии человека, болезней и т.п., с целью сохранения принципа тактичности и вежливости (*geisteskrank; einfältig; rund, kräftig gebaut; transpirieren*);

– *политические эвфемизмы*, касающиеся, прежде всего, военной тематики [Искос, 1970, с. 94–95].

Политическими эвфемизмами принято считать группу эвфемизмов, которые используют в политической коммуникации для смягчения неприятных сообщений, во избежание прямой номинации всего, что может вызвать негативную оценку или оскорбить чувства адресата политической коммуникации, завуалирования негативных аспектов политической деятельности, а также целенаправленного воздействия на адресата [Миронина, 2013, с. 213–216]. В нашем понимании политические эвфемизмы не являются отдельной тематической группой, отграниченной от социально-нравственной, общественно-эстетической и религиозной тематики. Напротив, они включают все сферы общественной жизни.

Таким образом, можно выделить следующие характерные черты политических эвфемизмов:

– политические эвфемизмы охватывают все тематические группы (религиозную, социально-нравственную, общественно-эстетическую): "*Wegen seiner beispiellosen Brutalität sind mehrere Menschen hinuntergegangen*" – вместо "getötet"; "*Es mag ja sein, dass die Begegnung mit anderen Kriminellen im Gefängnis einen ohnehin anfälligen Jugendlichen noch gefährlicher machen kann*" – вместо "Kriminelle"; "*Hinzu kommt das Beharrungsvermögen jener inzwischen großen Apparate, die sich um auffällige Kinder und Jugendliche kümmern sollen und für die jedes Eingeständnis von Fehlern auch ihre Existenzberechtigung infrage stellt*" – вместо "verrückte" [Zeit, 27.01.2011];

– политические эвфемизмы функционируют и как фиксированные в языке лексические единицы, и как окказиональные (индивидуальные, нефиксированные в языке) образования: "*Es ist ein historisches Ruhmesblatt der alten europäischen Westmächte Frankreich und Großbritannien, dass sie in diesem Augenblick für Humanität und Menschenrechte zu den Waffen griffen (...)*" – узуальный оборот; "*Die Demonstranten begehrten schließlich ebenso gegen ihre berufliche Perspektivlosigkeit wie gegen ihre politische Entmündigung auf*" – окказиональное выражение; "*Sie tun das nicht nur, weil sie arm sind, nicht nur, weil sie denken, dass die wirtschaftliche Erholung Tunesiens allzu lange dauern wird*" – окказиональное выражение; "*Aus schlichtem Egoismus, der menschlich verständlich, aber nicht sehr menschlich ist, (...)*" [Zeit, 27.01.2011] – окказиональное выражение;

– при определенных прагматических обстоятельствах любое слово или выражение может осуществлять эвфемистической функцию; и наоборот, любое эвфемистическое выражение может нейтрализовать эвфемистический потенциал в другом контексте: "*Und muss man sich irgendwann nicht der Erkenntnis beugen, dass es auch schon sehr junge Menschen gibt, die so kaputt sind, dass Einsperren auf Zeit immer noch besser ist, als Unschuldige ihren Gewaltexplosionen auszuliefern?*" [Zeit, 27.01.2011] Vgl. 1. Das Auto ist kaputt. "*Libyen ist nicht einfach exotisch*" (выделенное слово вовсе не обозначает удивительный мир природы или необычные особенности культуры и обычаев страны, а чрезвычайную жестокость правящего режима).

Две последние характерные черты политических эвфемизмов предусматривают их незаурядную способность к манипуляции реципиентом. Ведь, во-первых, они скрывают истинную сущность явления за счет создания нейтральной или положительной коннотации; во-вторых, чтобы предоставить слову статус эвфемизма, необходимо идентифицировать скрытый денотат, иначе эвфемизм не обнаружится. Поскольку обычный получатель информации не замечает эвфемистической тактики адресанта через окказиональный характер политических эвфемизмов, то манипулятивное влияние осуществится легко.

Специфика политического дискурса порождает тенденцию к употреблению окказиональных эвфемичных образований.

Заключение

Политические эвфемизмы являются важной коммуникативной стратегией скрыть, замаскировать, украсить или показать в лучшем свете политическую действительность, избежать нарушений устоявшихся общественных норм, а также повлиять на сознание, поведение и поступки адресата с целью политического лидерства. Таким образом, употребление эвфемизмов в политическом дискурсе вызвано не только социально-культурными, морально-этическими и эстетично конвенциональными нормами общества. Исследование показало, что любое выражение при определенных прагматических обстоятельствах может стать эвфемизмом или же любое эвфемистическое выражение может стать стилистически нейтральным в любом другом контексте.

Список литературы

1. Бушев А.Б. Языковые феномены политического дискурса // Теория коммуникации и прикладная коммуникация: Сб. науч. тр. Ростов-на-Дону: ИУБиП, 2004. С. 52–71.
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. Изд-е 3-е. Москва: Высшая школа, 1981. 316 с.
3. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994. № 1–2. С. 28–49.
4. Миронина А.Ю. Прагматическое формирование и функционирование эвфемизмов в современном политическом дискурсе // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: Научный журнал. № 4(2). Киров, 2010. С. 29–33.
5. Миронина А.Ю. Способы и средства эвфемизации в современном политическом дискурсе // Академическая наука – проблемы и достижения: Материалы международной научно-практической конференции, г. Москва, 30–31 января 2013 г. North Charleston, SC, USA: Create Space, 2013. С. 213–216.
6. Москвин В.П. Стилистика русского языка: теоретический курс. Изд-е 4-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 640 с.
7. Переверзев Е.А., Кожемякин Е. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестник ВГУ. Белгород, 2008. № 2. С. 74–79.
8. Прудывус А.Н. Эвфемизмы в современном немецком языке. Дисс. ... к. филол. н. Санкт-Петербург, 2006. 188 с.
9. Сафина Р.А., Хадеева Д.Р. Семантические механизмы эвфемизации политического дискурса в русском и немецком языках // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. № 5. Казань, 2015. С. 112–120.
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. Москва: Гнозис, 2004. 326 с.
11. Яфарова Г.Х. Эвфемизмы как семантические сдвиги в политическом дискурсе немецкого языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики: Научный журнал. № 10 (52). Тамбов: Грамота, 2015. С. 214–217.
12. Die Zeit, 27 Januar, 2011; Die Zeit, 17 Februar, 2011.
13. Iskos A. Deutsche Lexikologie / Iskos A, Lenkova A. Ленинград: Просвещение, 1970. 273 с.
14. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch. Frankfurt am Main: P. Lang, 1985. 299 S.
15. Zöllner N. Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen. Frankfurt am Main: P. Lang, 1997. 444 S.

Bashkirov A.G.

*Seniour Lecturer, University of Common Studies,
Russian Academy of National Facilities and State Service
under the President of The Russian Federation*

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECTS OF EUPHEMISMS IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE

This article analyzes the communicative-pragmatic aspects of euphemisms functioning in the German political discourse. The concepts of euphemism and a political euphemism are outlined; characteristics and functions of euphemisms in the German political discourse are studied and defined.

Keywords: euphemism, political euphemism, political discourse, communicative-pragmatic aspect.

УДК 811.531

Ким Ми Йонг

Магистрант, факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396 477
E-mail: uralmun@naver.com

**«МУЖ» И «ЖЕНА» КАК КОМПОНЕНТЫ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СЕМЬЯ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА)**

В настоящей статье исследуется значение лексем «муж» и «жена» и их семантическое отношение с целью выявить специфику отношений между мужем и женой в корейских паремиях. Предлагается классификация в паремиях.

Ключевые слова: лексемы, лексико-семантическое поле, компонент поля, паремия, значение, семантическое отношение.

Введение

Семья является важнейшим звеном в обществе и выполняет репродуктивную функцию не только в плане продолжения физического рода, но в ней рождаются, сохраняются и передаются традиции, обычаи, ритуалы, обряды, церемонии народа, отражающие его языковую картину мира. Актуальность исследования обусловлена тем, что лексемы «муж» и «жена» занимают существенную долю в лексико-семантическом поле «семья» и являются ядром семейных отношений. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить специфику отношений между мужем и женой в корейской семейной жизни на основе анализа паремий.

Основная часть

В «Большом толковом словаре корейского языка» семья определяется как группа близких родственников таких, как супруги, сын, дочь, внук и внучка [김흥규, 2009]. «Большой толковый словарь корейского языка» дает следующее толкование: группа близких родственников (супруги, родители, дети, брат и сестра) [김성혁, 2000]. В электронном словаре корейского языка предлагается следующее описание: группа близких родственников, создавшая семью на основе бракосочетания, кровного отношения, усыновления и удочерения [네이버 국어사전 Нейвер корейский словарь, эл.р]. «Корейская национальная энциклопедия культуры» дает следующее определение: группа определенных людей и ее членов, появившихся благодаря бракосочетанию, родственной связи, усыновлению и удочерению [한국민족문화대백과 Корейская национальная энциклопедия культуры, эл. р]. Исходя из четырех дефиниций можно прийти к выводу, что ядром семьи являются супруги, то есть муж и жена, благодаря которым создается и сохраняется семья. Лексемы «муж» и «жена» являются компонентами лексико-семантического поля «семья». В данном исследовании изучается их семантическое значение на материале словарей, а также рассматриваются их семантические отношения на материале корейских пословиц.

Слова, обозначающие мужа, делятся на исконно корейские и заимствованные из китайского. Исконно корейское слово «지|아비- муж» состоит из слов «지|», обозначающих дом, и слова «아비- отец» и означает «отец дома» [우리말어원 Этимология корейского языка, эл.р]. А заимствованное с китайского «남편男便» определяется следующим: женатый мужчина, по отношению его жены [김흥규, 2009]. Также существуют другие слова для обозначения мужа: 바깥어른 (в отличии от жены, занимается официальными делами вне дома), 바깥양반兩班 (в китайском иероглифе тоже самое значение как 바깥어른), 가장家長 (глава семьи) 영감令監 (приказывающий), 서방書房 (муж), 낭군郎君

(муж в ласковом выражении), 부군夫君 (уважительная форма про чужого мужа) [김흥규, 2009]. Из них 남편男便 является наиболее употребляемым и в современном корейском языке и в пословицах. В паремиях встречаются также 서방書房 (муж), 영감令監 (приказывающий). Анализ значения слова «муж» в корейском языке позволяет нам сделать вывод, что муж – это женатый мужчина, играющий главную управляющую роль в семье, занимающийся официальными делами, связанными с семьей.

Слова, обозначающие жену, также делятся на исконно корейские и заимствованные из китайского языка. Исконно корейское слово «지어미– жена» состоит из слова «지», обозначающего дом, и из слова «어미 – мать», и означает «мать дома». Слово «계집– жена» образовано от слова «계» (основа глагола со значением «находиться») и слова «집» (дом) и обозначает человека, который находится дома. Оба слова устаревшие, с унижительной оценкой в отношении жены [우리말어원 Этимология корейского языка, эл.р]. Слово «색시» обозначает девушку, которая недавно вышла замуж. Слово «아내– жена» состоит из слова «안» (внутри чего-л.) и «해» (принадлежность) и означает «человек внутри дома». Это слово широко употребляется и в современном корейском языке, и в пословицах. Зафиксировано слово «집사람» («집» – дом и «사람» – человек), значением которого является «домашний человек». Заимствованные из китайского языка слова со значением «жена» – это слова 처妻 (жена), 부인婦人 (уважительная форма слова жены другого человека), 여편네女便 (унижительная форма по отношению к своей или другой жене) [김흥규, 2009]. Вышеупомянутые слова встречаются в пословицах, по частотности 아내 употребляется чаще всех. Исходя из разных толкований значения «жена» в корейском языке можно представить жену как замужнюю женщину, в основном отвечающую за домашние дела, а унижительное отношение к ней является влиянием конфуцианства, в котором утверждается, что женщина стоит ниже мужчины и должна во всем слушаться своего мужа.

Семантическое поле «семья» изучено разными исследователями [Дмитриева, 2014; Павлова, 2013; Пьянкова, 2001]. В него включаются: поле предметов бытовой жизни (дом, печь, хлеб–соль); поле семейных отношений (родня, отец, мать, муж и жена); поле абстрактных номинаций (родина, отечество); изучаемые нами лексемы «муж» и «жена» входят в поле семейных отношении [Стернин, 2006; Фан Ян, 2007]. Нами разработана следующая классификация паремий (перевод с корейского на русский язык выполнен автором).

1. Роль в семье: 남편은 두레박, 아내는 항아리 (Муж зарабатывает, а жена сохраняет богатство).

2. Семейные обязанности: 아기 버릇, 임의 버릇 (Жене нужно ухаживать за мужем, как за ребенком); 쥐 안 잡는 고양이와 일 안 하는 남편도 써 먹을 때가 있다 (Нужно терпеть мужа, даже если он бесполезен, как кошка, не умеющая ловить мышей); 한 말에 두 안장 없다 (В семье должны быть только один муж и одна жена); 조복데기를 치면 저녁 먹이 나와도 여편네를 치면 끼니를 굶는다. (Нельзя бить свою жену).

3. Зависимость друг от друга и влияние друг на друга: 그남편에그여편네 (Каков муж, такова и жена); 배개 밑의 송사가 옥합을 뚫는다 (Муж слушает жену и подвергается ее влиянию); 여편네팔자는뒤옹박팔자라 (Муж – судьба жены); 호박 넝쿨과 딸은 옮겨 놓은 데로 간다 (Жена зависит от мужа); 제 처 말 안 듣는 사람 없다 (Не бывает мужа, который не слушает свою жену).

4. Семейный порядок: 장닭이 울어야 날이 새지 (Муж должен быть главным); 암탉이울면집안이망한다 (Жена не должна господствовать над мужем).

5. Основные условия счастливой жизни: 짚게 타발과 사람 타발은 하지 말랬다 (Муж не должен жаловаться ни на еду в семье, ни на людей в обществе.); 돌부처도 꿈적이다 (Мужу нельзя злоупотреблять долготерпением жены, заводя себе наложницу); 장가는 알이 들고 시집은 높이가랴다 (Жениться на бед-

ной девушке и выйти замуж за богатого, чтобы жена не унижала своего мужа за его бедность); 열 서방을 친할라 말고 한 서방을 사귀라 (Не искать 10 мужей, а найти одного мужа.); 남의 옷을 얻어 입으면 걸레감만 남고 남의 서방 얻어 가면 송장치레만 한다. (Чужой муж, как чужая одежда); 아내 없는 처갓집은 가나마나 (Не стоит идти к родителям жены без нее.); 일색소박은 있어도 박색소박은 없다 (Муж любит свою жену не за ее красоту, а за ее смирение); 아내 행실은 다홍치마 적에 얹혀야 한다 (Надо учить жену с первого дня замужества); 집과 계집은 가꾸기 탓 (Дом и жена зависят от того, сколько ты ухаживаешь за ними); 종자는 새각시 고르듯해야 한다 (Нужно внимательно выбирать жену).

6. Положительное отношение к супругу: 임 없는 밥은 돌도 반 누도 반 (Без мужа еда невкусная); 달 밝은 밤이 흐린 낮만 못하다 (Муж лучше детей или жена лучше детей); 이 방 저 방 좋아도 내 서방이 짬 좋고, 이 집 저 집 좋아도 내 계집이 짬 좋다 (Свой муж – самый лучший мужчина, своя жена – самая лучшая женщина); 영감밥은 누워 먹고 아들밥은 앉아 먹고 딸의 밥은 서서 먹는다 (Муж – кормилец жены); 아내가 귀여우면 처갓집 말뚝 보고도 절한다 (За добрую жену муж благодарит ее родителей.); 효자가 악처만 못하다 (Злая жена лучше доброго сына); 열 자식이 한 처만 못하다 (Одна жена лучше десяти сыновей); 더러운 처와 악한 첩이 빈 방보다 낫다 (Неумытая жена и злая наложница лучше пустой комнаты); 먹지 않는 종, 투기 없는 아내 (Независтливая жена – идеальная жена, то есть такой не бывает); 문서 없는 종 (Жена – раба без трудового договора); 제 여편네가 해주는 범벅이 제 에미가 해주는 이밥보다 맛있다 (Жена готовит вкуснее мамы).

7. Отрицательное отношение к супругу: 과부는 찬물만 먹어도 살이 찐다 (Без мужа – без забот); 남편을 잘못 만나면 평생원수 (Плохой муж – вечный враг); 반찬 향아리가 열둘이라도 서방님 비위를 못 맞추겠다 (Трудно угодить капризному мужу); 노름에미쳐나면여편네도 팔아먹는다 (Муж продает жену за долги); 함지밥 보고 마누라 내쫓는다 (Муж выгоняет жену за то, что она есть много); 지불기 맞겠다 (Муж получает упреки от жены); 모진 놈 계집 치고, 흐린 놈 세간 친다 (Жестокий муж бьет свою жену, мягкий – утварь); 한 놈의 계집은 한 덩굴에 열린다 (Жена и наложницы становятся похожими, так как они живут в одном доме мужа); 여편네 활수하면 벌어들여도 시루에 물 붓기 (Если жена не экономит, то муж трудится напрасно); 아내 나쁜 것은 백년 원수, 된장 신 것은 일년 원수 (Злая жена – враг на 100 лет); 아내에게 한 말은 나도 소에게 한 말은 안 난다 (Жена передает другим слова мужа); 일생 화근은 성품 고약한 아내 (Беда мужа – злая жена); 제 처 흥은 모른다 (Муж не знает недостатки своей жены); 물과 불과 악처는 삼대재앙 (Вода, огонь и злая жена – три главных беды); 하루 화근은 식전 취한 술이요, 일년 화근은 발에 끼는 갓신이요, 일생 화근은 성품 고약한 안해라 (Беда на один день – водка до завтрака, беда на год – маленькая обувь, беда на всю жизнь – злая жена); 음식 싫은 건 개나 주지 사람 싫은 건 할 수 없다 (Не можешь убежать от жены, хотя не любишь ее).

Лексемы «муж» и «жена» выходят за пределы лексико-семантического поля «семья» и охватывают сферу общественной жизни. 서울 가서 김서방 찾는다 (Искать мистера Ким в Сеуле); 입만 있으면 서울 이서방 집도 찾아간다 (Язык до Киева доведет); 놀부 부인 (Бессовестная женщина); 여편네 아니 걸린 살인 없다 (С плохими делами всегда связана женщина). В данных случаях лексемы «서방 – муж» и «여편네 – жена» представляют неопределенных мужчину и женщину.

Заключение

В корейских паремиях муж и жена сопоставляются как *петух и курица, колодезная бадья и кувшин*, чтобы подчеркнуть их тесную связь и четкое разделение семейных ролей и отношений. В корейской языковой картине мира дано общепринятое представление о семье, в соответствии с которым муж – это кормилец, а жена – домохозяйка. При этом образ мужа чаще проявляется как негативный, то есть муж наделен властью, но в то же время бесполезен, может заводить наложниц, бывает безответственным, капризным и агрессивным, бьет жену, даже выгоняет ее за то, что она много ест. Отрицательный образ жены выражается в сравнении ее с *водой, огнем, собакой, коровой*, представлении ее в качестве опасного и низкого существа. Это свидетельствует о пренебрежительном отношении к женщинам, сложившимся под влиянием конфуцианства. В паремиях отношения между мужем и женой описываются как отношения между врагами, хотя в целом преобладают положительные оценки. *Муж лучше родного сына, а жена лучше родной мамы*, и они созданы друг для друга; никто даже из родных не может заменить их. Таким образом, лексемы «муж» и «жена» выступают в качестве компонентов лексико-семантического поля «семья» и служат основой описания отношений между мужем и женой в корейском языке.

Список литературы

1. Дмитриева А.А. Семантическое пол «Семья» в «воспоминаниях» А.Г. Достоевской // Костромской государственной университет. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 20. С. 176–178.
2. Павлова Д.Д. Лексико-семантическое поле концептов «природа», «семья» и языковые способы их реализации в романе Р.А. Анайи «Благослови, Ульtima!» // Молодой ученый. 2013. № 6. С. 507–509.
3. Пьянкова Т.В. Лексическое представление ассоциативно-семантического поля "Семья" в современной женской прозе (на материале произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской) // Научная библиотека диссертаций и авторефератов URL:<http://www.dissercat.com/content/leksicheskoe-predstavlenie-assotsiativno-semanticheskogo-polya-semya-v-sovremennoy-zhenskoi-#ixzz4yXM5kqoc> (дата обращения: 15.11.2017).
4. Стернин И.А. Методика лингвоконцептологического анализа // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Выпуск VIII, 2006. 406 с.
5. Фан Ян. Концепт «Семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323, № 6, С. 250–254.
6. 김흥규, 고려대 한국어대사전 I (Большой толковый словарь корейского языка). Сеул: Изд-во «Корейский ун-т», 2009.
7. 김흥규, 고려대 한국어대사전 I I (Большой толковый словарь корейского языка). Сеул: Изд-во «Корейский ун-т», 2009.
8. 김성혁, 국어대사전 (Большой толковый словарь корейского языка). Сеул: Изд-во Кымсонг, 2000.
9. 네이버 국어사전 (Нейверкорейский словарь) URL: <http://krdic.naver.com/detail.nhn?docid=404000명사> (дата обращения: 23.10.2017).
10. 네이버 속담사전 (Словарь пословиц) URL: <http://krdic.naver.com/search.nhn?kind=idiom&query> (дата обращения: 14.11.2017).
11. 한국민족문화대백과 (Корейская национальная энциклопедия культуры). URL: <http://terms.naver.com/entry.nhn?docId=794278&cid=46635&categoryId=46635> (дата обращения: 23.10.2017).
12. 우리말어원 (Этимология корейского языка). URL: <http://kang.chungbuk.ac.kr/eowon/145550> (дата обращения: 23.10.2017).

Kim Mi Yong

Master Student, Linguodidactics Department,
Perm State University

“HUSBAND” AND “WIFE” AS COMPONENTS OF THE LEXICAL AND SEMANTIC FIELD “FAMILY” (ON THE MATERIAL OF THE PAREMIAS OF THE KOREAN LANGUAGE)

In this article the semantic meaning of the lexeme “husband” and “wife” and their semantic relationship are explored with the aim of revealing the specifics of the relationship between husband and wife in Korean paremias. Paremias of the Korean language are classified in the article.

Key words: lexeme, lexical and semantic field, field component, paremia, semantic meaning, semantic relation.

УДК 81'42

Лапчинская Татьяна Новомировна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,

Тюменский государственный университет.

625001, г. Тюмень, ул. Республики, д. 9.

Тел.: 8 (3452) 59-75-09

E-mail: deutsch@utmn.ru

**СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ
В ТЕКСТЕ НЕМЕЦКОГО КОРОТКОГО РАССКАЗА**

В настоящей статье исследуется смыслообразующая функция имен собственных в тексте немецкого короткого рассказа. Анализ их смысловой нагрузки в отдельно взятом тексте позволил расширить возможности восприятия смысла текста.

Ключевые слова: немецкий короткий рассказ, имена собственные, смыслообразующая функция, авторский замысел, интерпретация.

Введение

Короткий рассказ (Kurzgeschichte) появился в Германии и немецкоязычном пространстве в первые годы после второй мировой войны. В отличие от других форм малой прозы, его можно считать очень молодым жанром. С конца 40-х гг. XX в. по настоящее время немецкий короткий рассказ активно исследуется в немецкой лингводидактике. Теоретические и практические исследования посвящены, в первую очередь, описанию жанровых признаков немецкого короткого рассказа и его отграничению от других малых эпических форм. В контексте жанровых признаков рассматривается одна из особенностей немецкого короткого рассказа – все самое важное, о чем хочет сказать автор, спрятано внутри, находится между строк и подлежит расшифровке, а понимания того, что лежит на поверхности, недостаточно. Авторы теоретических исследований и учебных пособий по интерпретации немецкого короткого рассказа акцентируют его закодированность (Verschlüsselung) и неоднозначность (Mehrdeutigkeit), что отражается в наличии подтекста, косвенных указаний, намеков, пропусков в тексте (Auffermann, 2004; Bellmann, 2005; Brenner, 2001; Donnenberg, 2004; Durzak, 2004; Meyer, 2002 и.а.). Отдельные предметы, слова, жесты указывают на закулисную сторону событий, незначительные вещи становятся многозначными. Язык короткого рассказа отличается точной выверенностью и лаконичностью, в качестве одной из главных семантических особенностей короткого рассказа отмечается высокая степень коннотации отдельных слов и выражений, значение которых раскрывается в целостности контекста.

Основная часть

В работах исследователей немецкого короткого рассказа, неоднократно подчеркивается, что его язык требует высочайшего искусного мастерства авторов. Например, S. Unselд называет язык выдающихся авторов короткого рассказа «искусством атомов прозы» (Kunst der Prosa-Atome) [Unselд, 2004, S. 59]. Н. Motekat отмечает, что «оптика» рассказчика, которая через искусное языковое изображение становится и «оптикой» читателя, от первого до последнего слова должна быть тщательно и точно выверена (sorgfältig und genau eingestellt). Естественным условием для этого, по его мнению, является точно подобранное слово (das ganz genau treffende Wort) [Motekat, 2004, S. 71]. К. Kusenberг рассуждает о неповторимом словесном рисунке (ein durchaus eigentümliches Wortgefälle) каждого предложения в тексте короткого рассказа, которое должно содержать неотъемлимое от целого высказывание и непринужденным, незаметным образом быть экспрессивным [Kusenberг, 2004, S. 41]. R. Könecke говорит о точно скалькулированном языковом выражении текста короткого рассказа (eine genau kalkulierte sprachliche Durchgestaltung), которое обнаруживается в большинстве случаев при ближайшем рассмотрении [Könecke, 1994, S. 14]. М. Durzak (2004) пишет об определяемых высшей степенью расчета (von äußerstem Kalkül) контекстах значения в коротком рассказе [Durzak, 2004, S. 138].

Учитывая особую выверенность языкового выражения, а, значит, и отсутствие «ненужных» и «случайных» слов в тексте немецкого короткого рассказа, мы попытались установить, с какой целью

авторы вводят в текст имена собственные и обратились к анализу их смыслообразующей функции. Для этого мы определили ключевое смысловое событие текста – макрособытие, а затем спроецировали на него имена собственные. Для выявления макрособытия мы: 1) разделили текст на фрагменты, связанные между собой по смыслу, при этом начало каждого последующего отрезка соотносится со а) сменой места действия; б) началом нового временного отрезка; в) появлением новых действующих лиц; г) сменой действия; 2) озаглавили каждый фрагмент и представили последовательно заголовки в виде событийной цепочки; 3) выявили макрособытие.

Обратимся к результатам исследования на примере коротких рассказов «Gespenster» и «Popp und Mingel», (M.L. Kaschnitz).

1. Событийная цепочка текста «Gespenster» (M.L. Kaschnitz) включает следующие события: *Der Weg ins Theater – Die schöne Unbekannte – Pause. Bekanntschaft – Fortsetzung der Aufführung – Taxifahrt – Besuch im sonderbaren Haus – Tanz – Der Weg ins Hotel – Zigarettentui – Gespräch mit der Nachbarin – Besuch im leeren Haus.*

Повествование ведется от имени молодой женщины, приехавшей в Лондон в путешествие с супругом Антоном. История начинается с посещения ими известного лондонского театра, где молодая красивая незнакомка, (позднее в тексте называется её имя – Вивьен), пытается установить контакт с Антоном. Она не сводит с него глаз с первых минут спектакля, роняет театральную программу, проходя мимо во время перерыва, вступает в разговор с Антоном, знакомится с ним и его супругой, а после спектакля приглашает их в гости. Подобное средство установления контакта («Anknüpfungsmittel») автор сравнивает с известным в давние времена способом завязывания знакомства: оброненный дамой кружевной платочек означает «следуйте за мной». Примечательно, что все события текста логически соединяются друг с другом через присутствующие в тексте своеобразные средства связи (Anknüpfungsmittel), благодаря которым разворачиваются события текста (город Лондон, спектакль, театральная программа, дождь, такси, дом Вивьен и ее брата, радио, портсигар и т.д.). Ключевым событием, или макрособытием, данного текста является вербально обозначенное в тексте понятие «Anknüpfungsmittel» как элемент, структурирующий его событийную цепочку. Причиной описанных событий стала глубоко спрятанная в тексте попытка установления контакта, сначала со стороны Антона, а затем со стороны Вивьен во время их первой встречи во время пробки на горной дороге. Макрособытие обобщает событийную цепочку текста и дает прямой выход на смысл текста, которым является не история с привидениями, а сила притяжения мужчины и женщины.

При внимательном «вчитывании» в текст становится очевидным, что город Лондон является единственно возможным местом действия для описываемых событий. Именно в Лондоне находится дом Вивьен – привидения, сошедшего с небес ради встречи с любимым человеком. Имеющее в данном тексте название города становится средством установления логических связей в событийной цепочке и одним из ключей к пониманию смысла всего текста.

В коротком рассказе «Gespenster» (M.L. Kaschnitz) присутствует четыре действующих персонажа: семейная пара и брат с сестрой. Имена личные есть не у всех, их автор дает только одному из супругов (Anton), а также сестре (Vivian) и ее брату (Laurie). Жена Антона, которая является рассказчицей истории, остается «в тени», её можно назвать наблюдателем, поскольку активных действий в этой истории она не предпринимает и на исход событий не влияет. Важным моментом является то, что она не присутствует и во время первой встречи Антона и Вивьен, в автомобиле ее муж находится один. Антропонимы помогают нам определить главных героев текста, которые принимают непосредственное участие в происходящих событиях. Брат Вивьен также имеет имя, он стал своеобразным «заложником ситуации», находясь при первой встрече вместе с сестрой в автомобиле. В дальнейшем он «привязан» к своей сестре уже в качестве призрака и вынужден повсюду следовать за ней. Жена Антона остается безымянной, она лишь передает эту историю читателям.

2. Событийную цепочку текста «Popp und Mingel» (M.L. Kaschnitz) составляют следующие компоненты: *Nach der Schule nach Hause kommen – Suche nach der Phantasie-Familie – Verlust und schwere Folgen – Fragerei – Erwachsen werden*, их обобщает макрособытие «Allein sein».

Ребенок вынужден проводить практически все свое свободное время в одиночестве, его родители заняты работой, общением друг с другом и друзьями, погоней за дорогими вещами: действие короткого рассказа происходит в Германии в 50-е гг. XX в., которые характеризуются особым стремлением людей к «обществу изобилия» (Wohlstandsgesellschaft). Мальчик страдает от недостатка родительской заботы, участия, сердечной теплоты и создает из старых игрушек вымышленную семью, в которой находит все, чего ему не достает в реальной жизни: любящих родителей, брата и сестру. Каждый день, приходя из школы домой, он погружается в мир игры и проводит время с семьей своей мечты.

День, когда «его семья» исчезает из коробки с игрушками, становится очень драматичным и приводит к серьезным последствиям. Название праздника *Allerseelen* (2 ноября), упомянутое в самом начале текста, указывает на временные рамки происходящих событий. Как известно, ноябрь в Германии считается самым серым и пасмурным месяцем, что отражается в известном понятии «*das novemberliche Grau*», то есть это время, когда ребенку особенно тяжело находиться в одиночестве. После долгих напрасных поисков потерянной «семьи» мальчик испытывает чувство страха в наступившей темноте и включает все четыре пламени кухонной плиты. Примечательно, что в день *Allerseelen* принято зажигать свечи в память о тех, кого уже нет. Не зная об этом, он как будто бы зажигает четыре огня для безвозвратно потерянных «Popp», «Mingel», «Luzia» и «Harry». По понятным причинам реальные родители мальчика не наделены автором текста именами личными, в то время как все члены воображаемой семьи имеют свои имена.

Заключение

Анализ смыслообразующей функции имен собственных позволил расширить возможности восприятия смысла текста, раскрывая его многообразные дополнительные смысловые оттенки, характеризующие отдельных героев, их взаимоотношения, временные и территориальные элементы содержания, ситуацию в целом и т. д. В результате исследования мы выявили, что практически все имена собственные раскрывают свое символическое метафорическое значение в контексте отдельно взятого текста, репрезентируют макрособытие как осевое смысловое событие текста и актуализируют авторский замысел.

Список литературы

1. Auffermann V. Vorwort – Spione der Gegenwart zu Beste deutsche Erzähler 2001 // *Theorie der Kurzgeschichte*. Stuttgart, 2004. 160 S.
2. Bellmann W. Interpretationen. Klassische deutsche Kurzgeschichten. Stuttgart, 2004. 309 S.
3. Brenner G. Kurzprosa: Kreatives Schreiben und Textverstehen Handbuch für den Unterricht. Berlin, 2000. 48 S.
4. Donnerberg J., *Bevorzugte Gattungen I: Kurzgeschichte, Reportage, Protokoll // Theorie der Kurzgeschichte*. Stuttgart, 2004. 160 S.
5. Durzak M. Die deutsche Kurzgeschichte der Gegenwart // *Theorie der Kurzgeschichte*. Stuttgart, 2004. 160 S.
6. Meyer U. Kleine literarische Formen in Einzeldarstellungen. Stuttgart, 2002. 278 S.
7. Kaschnitz M.L. *Gespenster // Kaschnitz M.L. Der Tulpenmann. Erzählungen*. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2001. S. 48–58.
8. Kaschnitz M.L. *Popp und Mingel // Vom Nullpunkt zur Wende. Deutschsprachige Literatur 1945–1990 / Hrsg. von H. Krauss*. Essen: Klartext, 1994. S. 158–169.
9. Könecke R., *Interpretationshilfen Deutsche Kurzgeschichten 1945–1968*. Stuttgart Düsseldorf Leipzig, 1994. 189 S.
10. Kusenberg K., *Über die Kurzgeschichte // Theorie der Kurzgeschichte*. Stuttgart, 2004. 160 S.
11. Motekat H., *Gedanken zur Kurzgeschichte // Theorie der Kurzgeschichte*. Stuttgart, 2004. 160 S.
12. Unseld S., *An diesem Dienstag. Unvorgreifliche Gedanken über die Kurzgeschichte // Theorie der Kurzgeschichte*. Stuttgart, 2004. 160 S.

Lapchinskaya T.N.

*PhD, Associate Professor of the Department of German Philology,
Tyumen State University*

SENSE-MAKING FUNCTION OF PROPER NAMES IN THE GERMAN SHORT STORY

The article touches upon the sense-making function of proper names in the text of the German short story. The semantic analysis of their meaningfulness in a single text allowed to expand the potentialities of the meaning-text model decoding.

Key words: German short story, proper names, sense-making function, author's intention, interpretation.

УДК 811.161.1

Хадеми Могаддам Мохсен Али

Преподаватель кафедры русского языка,

Мазандеранский университет, г. Баболсар, Иран.

Тел.: +98-937-362-8712

E-mail: mohsenkhademi.63@gmail.com

ТИПЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются термин «словосочетание» в русских и персидских грамматиках и классификация словосочетаний в двух языках. Особое внимание обращается на то, что словосочетания в персидском языке грамматически разделяются на большее количество групп, чем в русском.

Ключевые слова: словосочетание, тип словосочетания, русский язык, персидский язык.

Введение

Словосочетание в русском языке – это синтаксическая конструкция, образующаяся на основе подчинительных связей: согласования, управления и примыкания. В словосочетание полностью переносятся все те отношения, те общие и частные, более конкретные значения, которые возникают при присловной подчинительной связи: эти отношения представляют собой значения словосочетаний. В составе словосочетания выделяются компонент стержневой и компонент зависимый: стержневым компонентом является грамматически главенствующее слово, своими лексико-грамматическими свойствами предопределяющее связь; зависимым компонентом – форма слова (формы слов), грамматически подчиненная (подчиненные).

Основная часть

В зависимости от того, какое слово является стержневым, все словосочетания делятся на глагольные (стержневое слово – глагол), субстантивные (стержневое слово – существительное, включая местоимение-существительное и числительное), адъективные (стержневое слово – прилагательное), наречные (стержневое слово – наречие); к наречным словосочетаниям условно относятся также словосочетания со стержневым словом – компаративом. В одних случаях для установления образца словосочетания достаточно указания только на самые общие грамматические характеристики соединяющихся слов.

Таков, например, образец словосочетаний "существительное – согласуемое с ним прилагательное" (*новый дом*), значением которых являются собственно определительные отношения. В других случаях определение образца должно включать в себя более конкретные языковые характеристики, необходимые для установления его значения, например: "глагол – конкретное существительное в форме род.п. с предлогом пространственного значения": *ехать с горы, писать из города* (отношения определительные [обстоятельственные] – пространственные); "существительное с процессуальным значением – род. п. существительного, способного называть субъект действия": *приезд ревизора, деятельность института* (значение субъектно-определительное); «существительное с конкретным значением – род.п. существительного с конкретным значением»: *дом отца, крыльцо дома, парки Москвы* (значение определительное – по принадлежности, обладанию); «существительное с процессуальным значением – род. п. существительного, способного называть объект действия»: *чтение книги, постройка дома, изучение вопроса, излечение больного* (значение объектное).

Все те характеристики, которые даются при описании отношений, возникающих при подчинительных связях, одновременно являются необходимыми характеристиками образцов словосочетаний, образующихся на основе этих связей; примеры, иллюстрирующие подчинительную связь, одновременно являются и примерами соответствующих словосочетаний.

Образцы словосочетаний существуют в языке независимо от предложения: они формируются на основе лексико-грамматических свойств знаменательных слов. Как и всякая синтаксическая единица, словосочетание – в определенном своем лексическом наполнении – предстает в предложении, в со-

ставе текста или – вне предложения – в качестве именуемой единицы (в названиях, заголовках, надписях) [Русская грамматика, 1980, пар. 1818–1885].

Типы словосочетаний в русском языке

Тип словосочетания определяется тем, какой частью речи является господствующий член. От этого зависит и выбор подчиненной словоформы, и содержание отношений, и вид грамматической связи. Основными типами словосочетаний в русском языке являются глагольные, именные, наречные.

Глагольные словосочетания

Глагольные словосочетания являются самыми разнообразными и самыми употребительными. В них выражаются отношения между действием и его «участниками» (объектные) или разнообразные характеристики действия (обстоятельственные). Эти значения и грамматическая связь одинаково проявляются в глагольных словосочетаниях, в которых господствующим членом являются различные формы глагола: говорить громко, говорят громко, говорившие громко, говоря громко; всматриваться в лица, всматриваются в лица, всматривающийся в лица, всматриваясь в лица и т. д.

Наречные словосочетания

Наречные словосочетания тоже редки (наречию более «привычно» зависимое положение – при глаголе). Наречие в качестве господствующего члена сочетается с существительным или с другим наречием (*далеко от города, незаметно для глаза, очень громко*).

Господствующий член определяет и вид связи: глагол управляет падежными формами, имя существительное диктует согласование и т. д.

Именные словосочетания

Именные словосочетания имеют несколько разновидностей – по выражению господствующего члена разными частями речи.

Словосочетания с именем существительным (субстантивные) в основном имеют определительное (атрибутивное) содержание («предмет – признак»): *майский день, бегущий олень, изба рыбака, час пик, прибывший поезд, моя улица, кофе по-турецки*. В словосочетаниях с отвлеченными существительными могут быть выражены отношения объектные, пространственные, причинные и т.п.: *разговор с фининспектором о поэзии, встреча на Эльбе, опоздание из-за мороза* (но: *веселый разговор, памятная встреча, непредвиденное опоздание* – определительные).

Словосочетания с прилагательными (адъективные) в основном выражают качественную или количественную характеристику признака (*по-детски наивный, очень любопытный*), другие – обстоятельственные значения (*всегда веселый, годный для работы, румяный от мороза*), а также объектные (*полный до краев, бедная влагой*).

О словосочетаниях с числительными (количественными) мы уже говорили. Особенность их в том, что господствующим членом числительное является только в форме именительного–винительного падежей (*пять городов, трое друзей*), в других падежных формах числительные являются подчиненными.

Словосочетания с местоимениями очень малочисленны (*кто-то тайный, каждый из ребят, некоторые из жителей*).

Словосочетание в персидском языке

Словосочетание – это совокупность одного или нескольких слов, которая действует в качестве самостоятельной единицы. У каждого словосочетания есть главное слово, имеющее несколько зависимых. Словосочетания делятся на именные, глагольные, прилагательные, наречные и предложные.

Типы словосочетаний в персидском языке

1. Именное словосочетание: Главное слово – это «имя».
2. Глагольное словосочетание: Главное слово – «глагол».
3. Прилагательное словосочетание: Главное слово – «прилагательное».
4. Наречное словосочетание: Главное слово – «наречие».
5. Предложное словосочетание: Главное слово – «предлог».

Именное словосочетание: Совокупность из одного или нескольких слов, которая установит это грамматическое словосочетание.

Оно содержит две основные части: Главное и зависимое слово. Например:

«دانشجویان ممتاز دانشگاه تهران برای یک سفر تفریحی به دهلی اعزام شدند».

Каждое из этих *دانشجویان ممتاز دانشگاه تهران* и *دانشجویان تفریحی* – именное словосочетание.

Глагольное словосочетание: Один из видов грамматической конструкции. Глагольное словосочетание каждого предложения содержит все элементы этого предложения, кроме подлежащего. Это значит, что сказуемое действительно создаёт глагольное словосочетание.

Прилагательное словосочетание: Слово или совокупность из слов, которые опишет одно слово. Главное слово в данных словосочетаниях – прилагательное. Например:

کتابهایی در این زمینه نوشته شده است.

словосочетание *در این زمینه* здесь прилагательное.

Наречное словосочетание: Группа из двух и более слов, играющих синтаксическую роль наречия в предложении. Например: *من زود درخت را بریدم*.

Слово *زود* здесь наречие времени

Предложное словосочетание: 1) предлог стоит в инициальной позиции, 2) предлог стоит в финальной позиции. В персидском языке существует только первый случай. Например:

«به» خان

«به»

Заключение

Словосочетания строятся по определенным моделям. Эти типы словосочетаний представляют собой отвлечения от таких грамматических и лексико-семантических характеристик соединившихся слов, которые существенны для формального устройства и значения словосочетания.

Список литературы

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Москва: Просвещение, 1987.
2. Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. Москва: Просвещение, 2009.
3. Haegman L. Introduction to Government & Binding Theory, London: Blackwell. 1994.
4. <http://www.textologia.ru/russkiy/sintaksis/slovosochetanie/chto-takoe-slovosochetanie-v-russkom-yazike/192/?q=463&n=192>
5. تهران: نشر مرکز، ۱۳۹۱. امید طیببزاده دستور زبان فارسی بر پایه نظریه گروه های خودگردان،
6. تهران: نشر مرکز، ۱۳۸۵. امید طیببزاده ظرفیت فعل و ساخت های بنیادین جمله در فارسی امروز،

Khademi Moghaddam Mohsen Ali,

Teacher, Department of Russian Language,
University of Mazandaran, Babolsar, Iran

WORD COMBINATIONS AND THEIR TYPES IN RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES

The article deals with the term «word combination» in Russian and Persian grammars and the classification of this term in two languages. Particular attention is drawn to the fact that word combinations in Persian are grammatically divided into more groups than in Russian.

Key words: word combination, type of word combination, Russian language, Persian language.

УДК 81-13

Огородникова Екатерина Алексеевна

Магистрант, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет. 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
Тел.: +7 (343) 375-44-44
E-mail: depling@ya.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ШАБЛОНОВ ДЛЯ ФОРМАЛИЗАЦИИ РОДО-ВИДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

В статье рассматривается возможность использования метода лексико-синтаксических шаблонов для извлечения родо-видовых отношений глаголов. Данный метод уже используется для обработки существительных, но его эффективность при работе с глагольной лексикой не изучалась ранее.

Ключевые слова: тезаурус, лексико-синтаксические шаблоны, глагол, гипонимия, семантика

Введение

Одним из наиболее популярных и быстро развивающихся видов лексикографических ресурсов в последнее время является тезаурус. Благодаря особому формату, позволяющему использовать такие словари в различных прикладных целях, тезаурусы дают возможность представить лексику не в семантически разрозненном алфавитном порядке, а в более логичном и стройном с точки зрения содержания языковых единиц, тематическом разделении.

Основная часть

Отдельной ветвью развития электронных тезаурусов стала разработка WordNet-тезаурусов, первым из которых был Princeton WordNet¹. Лексика в таких словарях представлена в виде синсетов (синонимических рядов), объединённых различными типами семантических отношений [Fellbaum, 1998, p. 8], например, такими, как гипонимия, антонимия, меронимия, каузация и т.д. Структурообразующей иерархической связью в рамках WordNet-тезаурусов является гипонимия, или родо-видовая связь. Глагольную гипонимию принято рассматривать как отношения тропонимии (от греч. *tropos* – «способ, манера») – этот термин был впервые введён создателями Princeton WordNet [Miller, 1993, p. 47].

Традиционные бумажные словари редко представляют отношения гипонимии, так как, во-первых, они редко являются предметом интереса рядового пользователя словаря, а во-вторых, для их отображения необходим особый формат, позволяющий отобразить большой объём информации в наглядном виде. Однако родо-видовые отношения широко используются при решении типичных прикладных лингвистических задач, например, в создании программ автоматической обработки текста, вопросно-ответных систем, в разрешении лексической многозначности, машинном переводе, автоматическом реферировании и т.д. Широкий спектр сфер для применения полученных результатов обуславливает актуальность проводимого исследования.

Гипонимические отношения могут быть выделены двумя способами: ручным методом с привлечением экспертов-лингвистов и автоматическим методом. В статье «Глагольная лексика в структуре электронных тезаурусов: проблема выделения тропонимических отношений» [Мухин, 2016] описан вариант извлечения тропонимических отношений с помощью компонентного анализа [Кобозева, 2000, с. 110] и метода ступенчатой идентификации дефиниций [Кузнецова, 1989, с. 38] из словарных статей. Такая обработка словарных данных позволяет получить результаты высокого качества, но, в то же время, она требует больших временных затрат.

Оптимизировать процесс извлечения родо-видовых отношений можно с помощью привлечения автоматических методов. Так, метод лексико-синтаксических шаблонов зарекомендовал себя по отношению к существительным русского языка [Киселев, 2016], однако целесообразность его применения для обработки глагольной лексики ещё не подтверждена.

Метод анализа языкового материала на основе лексико-синтаксических шаблонов изначально использовался для извлечения различных семантических отношений из англоязычных текстов. Например, Марти Хэрст [Hearst, 1992; Hearst, 1998] выявила набор шаблонов для идентификации гипонимических отношений между существительными. Основным способом формирования новых шаблонов в её подходе является подбор уже готовых гипо-гиперонимических пар из WordNet и их тестирование в корпусе текстов. Так, из полученных результатов фиксируются окружения, в которых встречаются оба слова или выражения. Далее такие контексты анализируются, и на основе определённого количества контекстов формулируются лексико-синтаксические шаблоны.

Подобный метод применяли и другие исследователи при установлении семантических отношений между языковыми единицами. В частности, Сноу и др. в статье “Learning syntactic patterns for automatic hypernym discovery” [Snow, 2004] описали алгоритм извлечения лексико-синтаксических шаблонов на основе уже известных гипо-гиперонимических пар. Исследователи предлагают следующий способ: необходимо вычлнить из контекстов предложения, содержащие два понятия, таксономические отношения между которыми уже установлены, затем проанализировать эти предложения и выделить из них устойчивые лексико-синтаксические шаблоны. Полученные результаты авторы апробируют на тестовом наборе существительных, определяя, действительно ли они связаны гипо-гиперонимическими отношениями.

¹ Princeton WordNet. URL: <http://wordnet.princeton.edu/>

Исследования, нацеленные на автоматизацию методов извлечения гипо-гиперонимических отношений на основе лексико-синтаксических шаблонов, показывают сравнительно высокие результаты и качество выходного материала. Однако основной проблемой остаётся охват только одной части речи – имени существительного. Выделение родо-видовых отношений в рамках других частей речи остаётся всё так же актуальным.

Применение подходов, протестированных на существительных, к глагольным группам ограничивается рядом трудностей, связанных со спецификой глагольной лексики. Глаголы обладают более абстрактным значением, чем существительные, так как они обозначают не конкретные предметы, факты или явления действительности, а действия, движения, состояния, которые имеют протяжённость во времени и не являются постоянными.

Глагольные единицы используются скорее для описания, характеристики, повествования, чем для названия или обозначения чего-либо. Такие наиболее общие особенности глагольной семантики позволяют предположить, что лексико-синтаксические шаблоны для установления глагольных отношений будут значительно отличаться от шаблонов для существительных.

Стоит также отметить, что отношения гипонимии проявляются в естественном языке непоследовательно и несистематично. Тогда как гипонимия существительных часто пересекается с научными классификациями, и за счёт этого гипонимы и гиперонимы могут пересекаться в контекстах, в отношении глагольной лексики это утверждение несправедливо.

Проведенный первичный анализ корпусных данных показал, что глагольные гипо-гиперонимические пары редко встречаются в ближайшем контексте в текстах, составленных на естественном языке. А в тех случаях, когда они используются рядом, они чаще всего выступают в качестве синонимов. Например, в предложении «Все *шло*, ехало, валило и *маршировало* к новому трамвайному депо, из которого ровно в час дня должен был выйти первый в Старгороде электрический трамвай» (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев») гипероним *идти* и его тропоним *маршировать* используются в качестве контекстных синонимов. Очевидно, что при таком совместном использовании глаголов лексико-синтаксический шаблон, типичный только для отношения гипонимии не может быть выделен.

Подобным примером является предложение «Он *организовывал* издательства, *создавал* журналы, писал труды о стиховедении, переводил латинских авторов, спорил с признанными авторитетами, наставлял молодых; боялся одного — отстать от своего времени» (И.Г. Эренбург «Люди, годы, жизни»). Гипероним *создавать* и тропоним *организовывать* использованы в качестве однородных членов предложения с синонимичным значением – характерный для глагольной гипонимии лексико-синтаксический шаблон из такой конструкции выделить невозможно.

Однако такой вывод, сделанный на основе анализа корпусных данных, не означает, что использование лексико-синтаксических шаблонов для извлечения гипонимических пар невозможно. Применение такого метода оправдано на базе словарных статей.

Словари, переведенные в электронный формат и имеющиеся в свободном доступе, могут выступать в качестве материала для извлечения глагольных гиперонимов и тропонимов. Однако не все словари одинаково хорошо подходят для использования метода лексико-синтаксических шаблонов. Кроме того, для каждого словаря набор лексико-синтаксических шаблонов будет отличаться, так как разные издания обладают различным синтаксисом словарных статей и дефиниций.

Словарные дефиниции для глаголов могут основываться как на синонимических, так и на родо-видовых опорных словах. Такие операторы являются ключевыми словами дефиниции и позволяют более четко категоризовать толкуемое слово. Именно поэтому чаще всего дефиниции составляются на основе родового понятия в качестве базового оператора.

По мнению П.Н. Денисова, важно соблюдать принцип семантической ступенчатости описания слова: «Слова, выполняющие метаязыковую функцию в словарной статье, могут быть всего лишь на один-два семантических признака проще описываемого слова. Иначе говоря, описание некоторого слова цепочкой предельно простых в семантическом отношении слов (“элементарных смыслов”) или слова “лексической аксиологии” не является насущной необходимостью, поскольку приводит к длиннотам, тогда как описание словами, которые проще описываемого слова на один-два семантических признака, будет гораздо короче, обзримее и доступнее» [Денисов, 1993, с. 216].

Словари, включающие дефиниции, сформулированные по такому принципу, подходят для применения метода извлечения гипонимических отношений с помощью лексико-синтаксических шаблонов. Подобный принцип можно проиллюстрировать на примере Толкового словаря русских глаголов под редакцией Л.Г. Бабенко [Бабенко, 1999].

Рассмотрим ряд глаголов однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного пункта. *Выезжать (выехать)* – «удаляться (удалиться) откуда-л за пределы чего-л. при помощи каких-л. средств передвижения, покидая место жительства». Ведущим оператором в дефиниции является глагол *удаляться (удалиться)* – он выступает в роли гиперонима для *выезжать (выехать)*. Словарь составлен таким образом, что подавляющее большинство статей имеет единую структуру, в которой первым словом толкования является ближайший гипероним заглавного слова. Такое строение позволяет выделять родо-видовые пары, основываясь на четком алгоритме.

Для применения в выбранном словаре данного метода, лексико-синтаксический шаблон можно сформулировать следующим образом: $V1_{\text{impf}} (V1_{\text{pf}}) - V2_{\text{impf}} (V2_{\text{pf}})$. При этом $V1$ – тропоним, а $V2$ – гипероним, *impf / pf* – несовершенный / совершенный вид.

Такому шаблону подчиняется большинство других глаголов данной семантической группы, например:

1. *Выползть (выползти)* – удаляться (удалиться) откуда-л. куда-л. в определенном направлении по поверхности чего-л. движениями всего лежащего тела, либо на коротеньких ножках (о пресмыкающихся, насекомых) или припадая туловищем к этой поверхности и перебирая по ней конечностями (о человеке, животном).

2. *Отлетать (отлететь)* – удаляться (удалиться) откуда-л., с какого-л. места под воздействием сильного толчка, удара, рывка, броска или при каких-л. неблагоприятных обстоятельствах, двигаясь некоторое время по воздуху.

3. *Удаляться (удалиться)* – двигаться (двинуться) откуда-л., перемещаясь на какое-л. расстояние от чего-л., отдаляясь от чего-л.

При рассмотрении группы глаголов перемещения объекта обнаруживаем необходимость введения ещё одного лексико-синтаксического шаблона для работы с данным словарем. Проанализируем следующие словарные статьи:

1. *Бросать (бросить)* – заставлять (заставить) что-л. перемещаться (переместиться) сверху вниз или давать (дать) возможность чему-л. падать, опускаться.

2. *Толкать (толкнуть)* – заставлять (заставить) кого-, что-л. перемещаться, толкая объект.

3. *Отгонять (отогнать)* – заставлять (заставить) кого-, что-л. перемещаться (переместиться) куда-л., удаляясь, отходят от чего-л. на некоторое расстояние.

Такая формулировка, как $V1_{\text{impf}} (V1_{\text{pf}}) - [\text{заставлять (заставить)}] \text{Pron } V2_{\text{impf}} (V2_{\text{pf}})$ охватывает множество подобных словарных статей и позволяет выявить на их основании родо-видовые пары, где $V1$ – тропоним, а невозвратная форма от глагола $V2$ – гипероним.

Заключение

Итак, мы приходим к выводу о возможности и целесообразности использования лексико-синтаксических шаблонов при извлечении родо-видовых пар из словарных данных. Это обуславливается строгостью словарных структур и спецификой формирования дефиниций, основанных на повышении абстрактности семантики опорного слова на “один-два семантических признака”.

Несмотря на это, сформулированная в общих чертах концепция лексико-синтаксических шаблонов в рамках глагольной лексики требует значительного развития и доработок. В первую очередь, это связано с адаптацией лексико-синтаксических шаблонов к каждому словарю. Вторая проблема заключается в специфике составления словарей – не каждый словарь представляет лексику в таком виде, который бы подошёл для применения подобного метода, так как дефиниции могут быть составлены через излишне абстрактные понятия или через синонимы.

Данные, получаемые с помощью такого метода, должны быть проверены человеком с целью оценки качества извлекаемых родо-видовых пар.

Отдельная проблема заключается в дальнейшем соединении родо-видовых пар в целые иерархические цепочки. Препятствием на пути к достижению этой цели является многозначность лексических единиц и сложности выделения гипонимических отношений на более абстрактных семантических уровнях. К чисто техническим сложностям построения родо-видовых пар таким способом относится автоматизация процесса путем написания соответствующего программного обеспечения. Однако дальнейшая разработка данного способа представляется необходимой, так как такой метод уже зарекомендовал себя при применении к другим частям речи и может показать высокую эффективность при обработке глагольной лексики.

Список литературы

1. Fellbaum Ch. (ed.) WordNet – An Electronic Lexical Database. Massachusetts: MIT Press, 1998. 423 p.
2. Hearst M.A. Automatic Acquisition of Hyponyms from Large Text Corpora // Proceedings of the 14th conference on Computational linguistics. V. 2, Nantes, France, Association for Computational Linguistics, Morristown, NJ, USA, 1992. P. 539–545.
3. Hearst M.A. Automated Discovery of WordNet Relations. In: Fellbaum, C. (ed.) WordNet: An Electronic Lexical Database. MIT Press, Cambridge, 1998. P. 132–152.
4. Miller, G. et al. Five Papers on WordNet. Princeton University: Cognitive. Science Laboratory, 1993. URL: <http://wordnetcode.princeton.edu/5papers.pdf> (accessed 05.07.2017).
5. Snow, R., Jurafsky, D., Ng, A. Learning syntactic patterns for automatic hypernym discovery. In Proceedings of Advanced in Neural Information Processing systems. Vancouver, British Columbia: 2004. P. 1297–1304.
6. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. Москва: Русский язык, 1993. 248 с.
7. Киселев Ю.А. Разработка автоматизированных методов выявления семантических отношений для электронных тезаурусов. Дис. ... к. техн. н. Самара, 2016. 170 с.
8. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
9. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. Москва: Высшая школа, 1989. 216 с.
10. Мухин М.Ю., Огородникова Е.А. Глагольная лексика в структуре электронных тезаурусов: проблема выделения тропонимических отношений // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: Материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко / Ред. Т.М. Воронина, М.В. Дудорова, Б.Ю. Норман, А.М. Плотникова, Х. Томмола. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 422–431.
11. Толковый словарь русских глаголов / Ред. Л. Г. Бабенко. Москва: Аст-Пресс, 1999. 698 с.

Ogorodnikova E.A.

Master Student, Ural Federal University

**APPLYING OF LEXICO-SYNTACTIC PATTERNS TO HYPER-HYPONYMIC
RELATIONS FORMALISATION IN AN EXPLANATORY DICTIONARY**

The article examines the possibility of applying of lexico-syntactic patterns method to the extraction of verbal hyper-hyponymic relation. Such a method was used for nouns analyses but its efficiency for verbs hasn't been studied yet.

Key words: thesaurus, lexico-syntactic patterns, verb, hyponymy, semantics

УДК 81'42

Попов Денис Сергеевич

Магистрант, факультет современных иностранных языков и литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396-477, e-mail: psu@mail.ru

Алексеева Лариса Михайловна

Доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396-477, e-mail: psu@mail.ru

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «АРХИТЕКТУРА – ЭТО ЧЕЛОВЕК»
В АРХИТЕКТУРНОМ ДИСКУРСЕ**

В статье рассматривается метафорическая модель «Архитектура – это человек», ее фреймы и слоты, характеризующие метафорику архитектурного дискурса как антропоморфную. Приводятся и анализируются примеры метафорического словоупотребления.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическая модель, архитектурный дискурс, антропоморфная метафора, дискурсивный анализ.

Введение

В когнитивной лингвистике метафора является связующим звеном между понятийными областями сферы-мишени и сферы-источника. Сфера-источник является сигнификативным дескриптором и выражена в словах и словосочетаниях различных тематических разделов, сфера-мишень является денотативным дескриптором и отражает явления окружающей действительности. В когнитивной лингвистике метафорические модели изучаются в дискурсе. Под дискурсом понимается вербально опосредованная профессиональная деятельность [Алексеева, Мишланова, 2002, с. 41].

Архитектурный дискурс является вербальным воплощением того мира архитектуры, который окружает человека повсюду: дома, памятники, интерьеры, экстерьеры, существующие в одной знаковой системе. Вербальное воплощение архитектурных объектов происходит с помощью метафоры, способной передать их художественную суть. С древних времен человек вкладывал особый смысл в построение жилья, дом всегда носил сакральный смысл. Люди Месопотамии строили дома в форме окружности, кельтские строения так же имеют круглую форму, форму наиболее устойчивой фигуры. «They modeled their design after the Mandalas. The word Mandela means a circle in the classical Indian language of Sanskrit. It represents wholeness» [Barie Fez-Barrington, 2010].

Другим путем обогащения архитектурного дискурса метафорами является определение архитектуры в первую очередь как искусства. Следовательно, как у любого искусства, у архитектуры существовали ценители и критики. «If architects fail to create legible metaphors, critics and viewers will do the job for them. When classical architecture was revived during the Renaissance, every educated person knew that it symbolized admiration for the achievements of the ancient world» [Turner, 2005].

В архитектурном дискурсе метафора выполняет номинативную, концептуальную, контекстобразующую, прагмативную и инструментальную функции. Таким образом, метафора – многофункциональна. Она помогает избежать излишней усложненности, давая понятиям узнаваемые названия. При этом метафора создает эмоциональный фон изложения, носит описательный характер. Метафоры, использованные авторами в контексте описания определенных архитектурных реалий, зачастую вступают во взаимодействие с сущностью самих реалий, способствуя формированию у читателей более полного представления об определенном архитектурном явлении, строении, его атмосфере и стиле.

Кроме того, архитектурный дискурс можно представить, как своего рода «копилку», которая в течение многих веков «обогащалась». Кроме того, архитектурный дискурс представляется, как своего рода «копилка», которая в течение многих веков обогащалась все новыми явлениями: каждая новая эпоха в искусстве приносила вместе с собой новые архитектурные элементы, которые, в свою очередь, находили отражение в языке. В связи с этим, исследование архитектурного дискурса представляется важным с позиции изучения общих когнитивных особенностей в осмыслении архитектуры как искусства строительства и в сопоставлении с другими видами профессиональной деятельности человека.

Архитекторы визуализируют и вербализуют возникающие образы и идеи, которые, как правило, ссылаются на наиболее знакомые архетипы культуры и сознания. Образ человека как наиболее близкого объекта метафоризации, затрагивает практически все стороны архитектуры.

Целью исследования стал анализ метафорической модели «Архитектура – это человек» и ее репрезентаций как проявление антропоморфного характера архитектурного дискурса. Материалом исследования послужили 232 метафорических словоупотребления, выявленные в различных теоретических и методических учебных пособиях по архитектуре, периодических электронных и бумажных изданиях.

Анализ метафорической модели осуществлялся на основе методики А.П. Чудинова, которая включает характеристику сферы-источника, сферы-мишени метафорической модели, ее фреймы и слоты [Чудинов, 2001].

Основная часть

В ходе исследования были выявлены следующие фреймы метафорической модели:

Anatomy (анатомическое строение), relationship (человеческие отношения), character (характер), house ware (предметы быта), human activities (деятельность человека), religion (религия), mythology (мифология).

Фрейм **anatomy (анатомическое строение)** – наиболее распространен, что можно объяснить находящимися свое начало еще в древних временах ассоциациями частей дома с частями тела человека. Фрейм представлен слотами:

Части лица (face, eyes, eyebrows, mouth, oculus, nose), части тела (back, arms, hands, body, legs, shoulders), ткани (skeleton, bones, tooth, muscular, skin, collarbones), внутренние органы (heart, lungs, veins).

“*The structure is conceived as an insight **skeleton** that manages to be present without being intrusive, by creating color uniformity and a relationship between the **skin** and its frame all along the building*” [New York Times].

“*The living room and kitchen and the stairs: the literal **heart** of the home, but also the **lungs**, because the technical equipment and air conditioning ducts have been integrated*” [architectmagazine.com].

Этот фрейм иллюстрирует представление человека о строении, как об организме, у которого есть скелет – каркас, кожа – облицовка, части лица – окна, двери и внутренние органы – помещения и комнаты различной степени важности. Стоит отметить, что сравнение строения здания с анатомическим строением человека основано на схожести функций, которые тот или иной орган выполняет. Таким образом, гостиная, кухня или спальная комната выступают в роли сердца, коридоры становятся венами, кровеносными сосудами и т.д.

Фрейм **relationship (человеческие отношения)** в архитектурном дискурсе, как правило, связан с взаимодействием форм, фактур, архитектурных элементов. Этот фрейм немногочислен и представлен слотами:

Вступление в брак (*engage, marriage*), **ссора** (*quarrel, divorce, offend*), **семейные узы** (*child, son, sibling, family, daughter*).

“*Engaged column: A column partially attached to a wall and projecting from 1/3 to 3/4 of the extent of its diameter* [Buffaloah Illustrated Architecture Dictionary].

“*The residences resemble each other like **siblings** with black cubic forms fitting loosely together like pieces of a jigsaw puzzle that have been pulled apart and laid out casually on the land*” [architectmagazine.com].

Фрейм иллюстрирует схожие с предыдущим процессы метафоризации. Здание – это человек, который состоит в определенных отношениях как с окружением, так и со своей внутренней организацией. Цвета и элементы разных эпох могут «ссориться», «вступать в брак», быть похожими друг на друга как «близнецы» и даже «оскорблять» друг друга. Этот фрейм наделяет качествами людей уже не само здание, а его элементы: стены, колонны, окна и т.д. Архитектура в целом предстает в виде социальной общности, семьи.

Фрейм **houseware (предметы быта)** представлены слотами:

Инструменты (*saw, hammer*), **домашняя утварь** (*plate, saltcellar, flatiron, saltbox, cheese grater*), **хозяйство** (*bed, key, wheel, barrel, rat-trap, pinwheel*), **профессиональные принадлежности** (*float, walkie-talkie*).

“*Saw-tooth roof: a roof comprising a series of ridges with dual pitches either side*” [Buffaloah Illustrated Architecture Dictionary].

Фрейм представлен в основном терминами-метафорами, образованными на основе визуального сходства. Тем не менее, он включает ряд описательных метафор, укрепившихся в сознании обывателей.

“*The **Flatiron Building**, originally the **Fuller Building**, the name “Flatiron” derives from its resemblance to a cast-iron clothes iron*” [architectmagazine.com].

Другим примером использования антропоморфной метафоры являются небоскребы Лондона, получившие прозвища **salt cellar** (солонка) и **walkie-talkie** (рация) на основе внешнего сходства.

В обоих случаях основным является процесс визуальной метафоризации. Так, определенные архитектурные элементы и даже целые строения находят отражение в архитектурном дискурсе в виде привычных бытовых предметов, с которыми у них обнаруживаются внешние сходства. Подобные визуальные метафоры нередко становятся терминами-метафорами, плотно укореняясь в архитектурном дискурсе.

Фрейм **human activities (деятельность человека)** является многочисленным, но нечастотным и представлен слотами:

Профессия (*soldier, sailor, nave, lancet, shot gun*), **язык** (*language, vocabulary, lexicon, idiom*), **религия** (*trinity, ziggurat, iconic*), **мифология** (*Atlas, Cyclops, Valhalla*), **театр** (*theatre, stage, curtain*), **музыка** (*flute, piano, rhythm, sequence*).

“*Inside, irregularly weathered pine floors recycled from old factories **temper a language** of concrete and steel*” [The New York Times].

В ходе исследования было обнаружено, что архитектурный дискурс достаточно скудно представлен метафорической моделью War (Война), поэтому было решено объединить некоторые элементы этой модели в фрейм **human activities (деятельность человека)**, слот **профессия**.

“*Due to strict planning laws the design had to be adapted so as not to disturb the line of sight to the Cathedral, hence it acquired the nickname “**the stealth bomber**”* [www.wanderwisdom.com].

“*Soldier: A brick laid vertically with its long narrow side exposed*” [Buffaloah Illustrated Architecture Dictionary].

Слоты религия и мифология широко представлены метафорами античной архитектуры и относящимися к античности терминами-метафорами, однако присутствует и ряд описательных метафор.

“*Evoking the spirit of a Great Hall in an English country house and featuring the iconic cylindrical stair tower*” [architectmagazine.com].

“*Cyclopean window, offended popular taste*” [The New York Times].

“*Atlas: a support sculpted in the form of a man, which may take the place of a column, a pier or a pilaster.*” [Buffaloah Illustrated Architecture Dictionary].

Слоты мифология, религия, театр и музыка включены в метафорическую модель «Архитектура это человек», прежде всего, с точки зрения того, что оба эти явления – продукт человеческой деятельности.

Заключение

За последнее время представление о метафоре как основной когнитивной единице специального знания значительно изменилось благодаря новым исследованиям ее функций и роли в процессе репрезентации знания. Как показало наше исследование, метафорическая модель «Архитектура – это человек» способствует восприятию образа здания в архитектуре с помощью признаков, свойственных самому человеку, начиная с его внешнего вида и характера и заканчивая родом деятельности, профессией. Данная модель наиболее разносторонне представляет архитектурный дискурс, отражая элементы интерьера, экстерьера, взаимодействие фактур и оформления, что подтверждает антропоморфный характер метафоры архитектурного дискурса. Перспективы исследования связаны с изучением антропоморфной метафоры в архитектурном дискурсе других языков и культур.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь: Изд-во «Перм. гос. ун-т», 1998. 250 с.
2. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л., Полякова С.В. Метафора в дискурсе: учеб. пособие. Пермь: Изд-во «Перм. гос. ун-т», 2013. 240 с.
3. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической метафоре. Монография. Екатеринбург: Изд-во «Урал. гос. пед. ун-т», 2001. 238 с.
4. Ashkenas J., Desantis A. A New Whitney // The New York Times, April 19, 2015. URL: http://www.nytimes.com/interactive/2015/04/19/arts/artsspecial/new-whitney-museum.html?_r=0 (дата обращения: 15.09.2017).
5. Betsky A. Moving Through Arnhem Station // Architect Magazine, March 18, 2016. <http://www.architectmagazine.com/design/buildings/moving-through-arnhem-station> (дата обращения: 3.09.2017).
6. Buffaloah Illustrated Architecture Dictionary. URL: <http://www.buffaloah.com/a/DCTNRY/vocab.html> (дата обращения: 15.09.2017).
7. Fez-Barrington B. The Partial History of Metaphors in Selected Periods of Architecture. URL: http://www.academia.edu/1792267/The_partial_history_of_metaphors_in_selected_periods_of_architecture (дата обращения: 15.09.2017).
8. Nullens C. Nicknames of London Buildings. URL: <https://wanderwisdom.com/travel-destinations/nicknames-of-london-buildings> (дата обращения: 3.09.2017).
9. Turner T. Essays on Cities and Landscapes by Tom Turner. URL: http://www.gardenvisit.com/history_theory/library_online_ebooks/architecture_city_as_landscape (дата обращения: 3.09.2017).

Popov D.S.

*Master Student, Linguodidactics Department,
Perm State University*

Alekseeva L.M.

*Doctor of Philology, Professor, Linguodidactics Department,
Perm State University*

METAPHORICAL MODEL «ARCHITECTURE IS HUMAN» IN ARCHITECTURAL DISCOURSE

The article reviews the metaphorical model «Architecture is Human» and its frames and slots and their functioning in architectural discourse. Metaphorical process in architectural discourse is characterized as anthropomorphic. The examples of each frame and slot are provided with analysis.

Key words: conceptual metaphor, metaphorical model, architectural discourse, anthropomorphic metaphor, discourse analysis.

УДК 347.92

Рузиева Лола Толибовна

Кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка
для нефилологических факультетов,
Таджикский национальный университет.

Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17.

Тел.: 8 (+992) 907389398

E-mail: akila.ru@mail.ru

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И АФОРИЗМЫ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

В настоящей статье исследуется роль пословиц, поговорок, фразеологизмов и афоризмов как прецедентных феноменов. Анализ прецедентных феноменов позволил сделать вывод о включении их в своеобразный фонд вербальных артефактов, используемых на занятиях русского языка.

Ключевые слова: пословица, поговорка, фразеологизм, загадка, афоризм, вербальный артефакт, прецедентный феномен, текст.

Введение

Традиционно преподаватель ориентирован на работу с пословицами, поговорками, фразеологизмами, текстами. В пословицах и поговорках в образной, афористичной форме выражается коллективное мнение народа о родине, труде, семье, взаимоотношениях между людьми и многое другое, что составляет ценностную оценку важнейших жизненных понятий и установок.

Основная часть

К числу достоинств пословиц как средств обучения и воспитания можно отнести следующие позиции:

– пословица – это отражение коллективного мирозерцания, мировосприятия народа, его менталитета и ценностных установок; во многих пословицах представлена этическая, нравственная оценка поведения людей;

– пословица – это «живой голос народа» [Волков, 1999, с. 62], так как, рожденная в прошлом, она жива в настоящем, поскольку востребованными и созвучными настоящему являются те мысли, которые в ней заложены;

– форма пословиц – краткая, афористичная, образная, построенная на игре слов, на рифмах, созвучиях – хорошо запоминается студентами, что способствует передаче мудрости предшествующих поколений, их опыта поколению сегодняшнему;

– нравоучительный смысл пословиц часто не лежит на поверхности, он завуалирован, проявляется на уровне подтекста, а потому, работая с пословицами, студенты учатся читать подтекст, расшифровывать культурную информацию, переданную народом;

– пословицы часто имеют несколько форм для выражения одной и той же мысли (имеют синонимичный характер), например: «И лошадь в сторону дома бежит быстрее», «Из дома – шагом, домой – бегом», «Покидает со слезами, возвращается с улыбкой» и т.д. Это позволяет использовать их для выполнения упражнений классификационного характера, отбирая из ряда пословиц те, которые соответствуют исходной мысли;

– встречаются антонимичные пословицы («Без труда не выловишь и рыбку из пруда», «Работа не волк, в лес не убежит»), ориентирующие на позитивные (в данном случае труд) и негативные (безделье) факторы, с помощью таких пословиц полезно строить высказывания-раздумья студентов, формировать их оценку той или иной позиции;

– пословица содержит готовый вывод, но в процессе обучения она может выступать как некий тезис, требующий размышлений студентов, их раздумий и доказательства или опровержения исходного тезиса;

– пословицы позволяют организовать работу по ключевому слову – концепту, входящему в них для выявления смыслов высказывания и построения картины мировидения народа.

Учитывая, что пословица – это «меткое образное изречение назидательного характера, типизирующее самые различные явления жизни и имеющие форму законченного предложения» [Волков, 1999, с. 62], необходимо организовать работу с пословицами таким образом, чтобы назидательный, поучительный характер пословицы был осмыслен студентами, прочувствован и эмоционально пережит, чтобы сформировалось мнение о той позиции, оценке, жизненной установке, которая акцентируется в пословице.

Загадка – «краткое, ритмически организованное и нередко рифмованное изречение..., заключающее в себе ... иносказание, описание явления или предмета через образы, имеющие с ним иногда лишь отдаленное, иногда более или менее близкое сходство» [Горшков, 1996, с. 185]. Главное в загадке как средстве обучения и воспитания студентов на занятиях русского языка то, что в ней заключено иносказание, требующее расшифровки смысла, разгадки, а зачастую и знания определенных культурных реалий, условий быта народа, традиций, представлений людей, их культурных ассоциаций. Работа в этом ключе обогащает студентов знаниями о национальной культуре и помогает ее постижению. Немаловажно и то, что загадки активизируют умственную деятельность студентов, способствуют ускорению умственных реакций, учат глубже понимать русский язык, метафоры, сравнения языка, народный юмор, развивают их наблюдательность.

Сказки, мифы, былины, легенды – это древнейшие виды народной эпической словесности, рассказывающие о вымышленных (в сказках и мифах), или реальных, но украшенных вымышленными, фантастическими деталями и подробностями (в легендах и былинах) событиях. Указанные виды народной словесности ценны своим отражением в них лучших черт национального характера. Они выполняют и образовательную, и развивающую, и воспитательную функции в процессе обучения. К.Д. Ушинский включил сказки в свою педагогическую систему, считая их важнейшим средством воспитания.

В этих видах народного творчества так же, как и в пословицах, отразилась жизнь народа, представления о лучшей жизни, о положительных чертах характера человека. Легенды помогают студентам получить яркие представления о тех или иных событиях (Легенды об основании Киева, о смерти князя Олега, о Белгородском киселе, о граде Китеже и т.д.); мифы, мифологические образы русалок, леших, водяных, домовых формируют представление о том умонастроении, отношении к природе, которое бытовало на Руси в незапамятные времена; былины, проникнутые любовью к отечеству, мыслью о служении ему как самому главному делу в жизни, дают возможность понять и почувствовать идеалы русского народа.

Народные песни отражают вековые чаяния народа, рассказывают о его сокровенных мечтах, ожидании лучшей доли, способствуют выработке эстетических предпочтений, вкусов. Колыбельные, обрядовые, ритуальные, исторические, причитания, мелодичные приговоры комплексно воздействуют на личность, являются «комбинированным средством народной педагогики» [Волков, 1999, с.106].

Фразеологизмы сочетаний слов, воспроизводимые в речи в закрепленном за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и лексико-грамматического состава, и крылатые слова как устойчивые изречения, появившиеся в языке из художественных, публицистических, научных и т.д. источников, высказываний деятелей общественности, политики, культуры, науки, получившие широкое распространение в речи обладают ярко выраженной национальной маркированностью, что обуславливает их обязательное включение в число вербальных артефактов, используемых на занятиях русского языка.

Фразеологизмы помогают студентам свободно владеть языком, используя указанные единицы в своей речи. Работа с фразеологизмами на занятиях русского языка может быть самой разнообразной, однако самым распространенным видом работы является семантизация фразеологизмов, предусматривающая установление их значения.

Возможности использования фразеологизмов, их роль и значение гораздо шире. Их краткая форма, яркая образность, порой афористичность всегда позитивно воспринимается студентами. Но во фразеологизмах ценна не только форма, но и их содержание.

Каждый фразеологизм – это отголосок установок людей, их интересов, отношения к жизни и явлениям действительности. Использование их в общении не только украшает и обогащает речь, но и свидетельствует о высокой культуроведческой компетенции человека, его культурном уровне.

Особенно перспективно использование различных видов идиолексов, которые создают индивидуально-национальный колорит русской фразеологии. Такие идиолексы, как «*попасть впросак*», «*бить баклуши*», «*стать в тупик*», «*лясы точить*», «*лить колокола*», «*коломенская верста*», «*долгий ящик*», «*красная строка*», «*казанская сирота*», «*гол как сокол*», «*ни кола ни двора*», «*тянуть кани-*

тель», «заткнуть за пояс» и многие другие отражают чисто национальные реалии, содержат в своей национальной памяти факты истории, культуры народа, помогающие понять его отношение к происходившим событиям и их оценку.

Многие крылатые слова используются студентами в речи автоматически, так как они не чувствуются заложённой в них вековой мудрости и образности, и задача преподавателя донести этот культурный потенциал до студентов, раскрыв юридические, промышленные, сельскохозяйственные, ремесленные особенности жизни русского народа.

С помощью фразеологизмов можно реконструировать представления народа о ценностях жизни, о ее трудностях, об отношениях между людьми, в целом о жизни народа. Афоризмы как лаконичные изречения, выражающие в яркой художественной форме законченные мысли авторов, обладающие глубиной, меткостью, парадоксальностью, отражающие историю и размах человеческой мысли, чувств, рассуждений и их итогов, затрагивают важнейшие для людей стороны жизни общества: экологию, политику, образование, духовную жизнь.

Это уникальные языковые единицы. Остроумные и блестящие, они представляют собой квинтэссенцию размышлений автора по тем или иным вопросам и являются незаменимым средством обучения студентов, позволяющим решить теоретико-практические задачи занятия и помочь студентам оценить различные взгляды выдающихся людей на животрепещущие «вечные» проблемы и актуальные проблемы современности.

Заключение

Отличительной особенностью афоризма, являющегося произведением словесного искусства, является его вечная молодость, он не устаревает и не надоедает. В письменной и устной речи многих ученых, писателей, писателей, общественных деятелей – всех тех, кого мы можем назвать культурными людьми, постоянно встречаются афоризмы, относящиеся к древнейшим цивилизациям Запада и Востока, высказывания античных мыслителей, изречения эпохи Возрождения и т.д. В наше время интерес к афоризмам, заметно угасший в 20–80-е гг. XX в., вновь возродился, что видно по огромному количеству разнообразных сборников афоризмов, издающихся большими тиражами.

Афоризмы в пространстве занятия, ограниченного жесткими рамками, позволяют за короткое время приобщить студентов к размышлениям ученых, политиков, писателей, общественных деятелей о таких ценностях, как труд, честность, справедливость, милосердие, жалость, жизнь, добро и благо и т.д., а их постоянное использование значительно обогащает культуроведческий фон занятия, делая его более выпуклым и ценностно – значимым поведением людей, имеющие ярко выраженный национальный характер, проявляющиеся в общении людей и позволяющие оценивать человека с точки зрения его воспитанности.

Список литературы

1. Волков Г.Н. Современное функционирование народной педагогики как феномена демократизации в сфере воспитания. Цит. По Морева О.Л. Этнопедагогизация процесса полихудожественного воспитания младших подростков. Дис. ... к. пед. н. Москва, 1999. 177 с.
2. Горшков А.И. Русская словесность: От слова к словесности. Москва: Просвещение, 1996. 336 с.
3. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. В 2-х т. / Под ред. А.И.Пискунова. Москва: Педагогика, 1974. Т. 1. 584 с.

Ruzeva L. T.

*PhD, Associate Professor
of the Department of Russian Language
for Non-Philological Faculties,
Tajik National University.*

PROVERBS, SAYINGS, IDIOMS AND APHORISMS AS A PRECEDENT PHENOMENA IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

This article examines the role of proverbs, sayings, idioms, riddles and aphorisms as presented phenomena. The analysis of precedent phenomena led to the conclusion of including them in a kind of a fund of verbal artifacts used in teaching of the Russian language.

Key words: proverb, saying, idiom, riddle, aphorism, verbal artifact, precedent-setting phenomenon, text.

УДК 811.112.2'1

Сюткина Надежда Павловна

Старший преподаватель кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел.: 8 (342) 239-64-77, e-mail: info@psu.ru

ЭМОТИВНЫЕ КАУЗАТИВЫ: К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ

В настоящей статье рассматриваются эмотивные каузативы немецкого языка, фиксирующие интерперсональное взаимодействие, в результате которого наблюдается модификация эмоционально-психического состояния объекта. Выделяются три группы данных глаголов: каузирующие отрицательное, положительное и нейтральное эмоциональное состояние у объекта каузации. На основе анализа синонимических корреляций предпринимается попытка построения семантического поля и выделения базовых эмотивных каузативов в немецком языке.

Ключевые слова: семантическое поле, каузативный глагол, эмотивный каузатив, базовые глаголы, дефиниционный анализ.

Введение

Эмоции являются важной частью человека и его деятельности, «все когнитивные процессы сопряжены с эмоциями» [Шаховский, 2009, с. 12]. Когнитивная функция эмоций проявляется в нескольких ролях: давать толчок к познанию, компенсировать недостаток знания, быть катализатором познавательного процесса [Шаховский, 2009, с. 6]. Эмоциями пронизана вся речь человека, поэтому познание человека как языковой личности невозможно представить без их изучения. Наше исследование посвящено эмотивным глаголам, а именно эмотивным каузативам, поскольку «структурное ядро класса глаголов эмоции составляют каузативы, которые обозначают не психическое состояние, а психическое воздействие» [Падучева, 2004, с. 276]. Каузативность представляет собой интерперсональное взаимодействие, в результате которого наблюдается модификация различных сфер антропонимического характера: физической, перцептивной, психической и информативной сфер. Эмоционально-модифицирующие глаголы содержат в своем семантическом потенциале значение модификации психического состояния. Выделяются каузативы, актуализирующие положительный эмоциональный, отрицательный эмоциональный тон и аксиологически нейтральное состояние [Шустова, Ошева, 2015, с. 128].

Основная часть

Значения слов в ментальном лексиконе хранятся не изолированно, а находятся в разнообразных отношениях с значениями других слов. Многие слова на основе этих значений можно разделить на определенные организационные единства – семантические поля [Schwarz, Chur, 2007, с. 60]. Понятие «поле» прочно вошло в лингвистику, полевой подход связан с лингвистической традицией, которая «как правило, обходилась без самого термина «поле», но замечала и разрабатывала многое из того, чем занимается теория поля» [Бондарко, 1972, с. 20]. Но, применяя принцип полевого подхода в грамматике, А.В. Бондарко предостерегает от того, чтобы применять термин «поле» ко всевозможным языковым явлениям без необходимых оснований. С его точки зрения, о поле целесообразно говорить лишь при всей полноте признаков, существенных для этого понятия, причем применительно именно к определенному типу группировок языковых фактов, а не к отдельным фактам, явлениям, единицам» [Бондарко, 1972, с. 27].

В качестве общего для разных наук признака в интерпретации термина поля А.В. Бондарко называет следующий: «Термин поле основан на метафоре, связанной с идеей пространства. В естественных и гуманитарных науках употребление этого термина означает, что речь идет о некоторой сфере взаимодействия элементов, объединенных общностью выделяемых признаков, наличием определенной структурной организации, включающей постепенные переходы и частичные пересечения [Бондарко, 2005, с. 13].

В.Г. Адмони выделяет в качестве главной характеристики полевой структуры полноту и максимальную интенсивность признаков в центре структуры и их разреженность и ослабление на периферии. Периферия обладает неравномерной насыщенностью своих секторов, она может формироваться и располагаться разными способами – она асимметрична [Адмони, 1964, с. 52].

Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс выделяют следующие характерные признаки поля:

1. Наличие инвентаря (набора) средств разных уровней, связанных между собой системными отношениями. Входя в состав поля, средства становятся конститuentами поля.
2. Наличие общего значения, которое в той или иной степени присуще его конститuentам.
3. Общее значение поля не едино, оно распадается минимум на два значения, которые могут быть противоположными или полярными. Каждое из этих значений образует микрополе.
4. Поле обладает неоднородной и, как правило, сложной структурой, которую можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений [Гулыга, Шендельс, 1969, с. 10].

В современном языкознании семантическое поле определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Семантическое поле характеризуется следующими основными свойствами:

- 1) наличием семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами;
- 2) системным характером этих отношений;
- 3) взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц;
- 4) относительной автономностью поля;
- 5) непрерывностью обозначения его смыслового пространства;
- 6) взаимосвязью семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря)

[Кобозева, 2000, с. 99].

В настоящей работе предпринимается попытка построения семантического поля и выделения базовых и небазовых эмотивных каузативов в немецком языке. Нами были рассмотрены три группы синонимических корреляций, каузирующих отрицательное, положительное и нейтральное эмоциональное состояние у объекта каузации.

Для определения базовых глаголов мы обратились к электронному ресурсу Leipzig Corpora Collection, который представляет собой проект Лейпцигского университета по корпусным исследованиям.

Одним из важных для нашего исследования параметров, предлагаемых данным проектом, является распределение лексем на классы по частотности. При этом у первого класса самая высокая частотность, далее, чем выше класс, тем ниже частотность, то есть у второго класса частотность будет ниже, чем у первого класса и т. д. Выделив группу синонимов, актуализирующих эмоциональную модификацию положительного тона, в качестве рабочего материала, руководствуясь критерием рекуррентности, были выбраны глаголы с классом частотности от 8 до 14¹. Данные глаголы представлены в таблице 1.

Таблица 1

Каузативы положительного эмоционального тона. Данные корпуса Leipzig Corpora Collection

№ п/п		Количество	Ранг	Класс частотности
1	Freuen	36.122	1.064	8
2	Genießen	15.447	2.587	10
3	Unterhalten	8.152	4.743	11
4	Begeistern	6.563	5.702	11
5	Erheben	5.686	6.453	11
6	Erfreuen	3.784	9.157	12
7	Überraschen	3.255	10.480	12
8	Beleben	1.812	16.949	13
9	Anregen	1.793	17.070	13
10	Ablenken	1.591	18.793	13
11	Ermutigen	1.298	22.234	13
12	Amüsieren	816	32.047	14
13	Zerstreuen	622	39.216	14
14	Beflügeln	611	39.900	14
15	Vergnügen	608	39.900	14
16	Ermuntern	584	41.089	14
17	Beschenken	533	44.037	14

¹В рамках данной работы не рассматривается рефлексивная каузативная ситуация

На следующем этапе нашей работы по исследованию каузативов положительной эмоциональной модификации немецкого языка была предпринята попытка оценить степень их синонимичности. Для анализа использовались следующие ресурсы: Duden-online, Synonym-Wörterbuch, Universalwörterbuch, dwds.de, Wörterbuch der Synonyme, Leipzig Corpora Collection. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Дефиниционный анализ базовых каузативов модификации положительного эмоционального тона

	freuen	genießen	unterhalten begeistern erheben	erfreuen	überraschen	beleben	anregen	Ablenken	ermutigen	amüsieren	zerstreuen	beflügelн	vergnügen	ermuntern	beschenken	Кол-во корр.
Freuen		+++	+	+	+	++++ +			+			++			+	16
Genießen	++		+	++	+	+++						+			++++	14
Unterhalten	+	+		++		++++	++		++	+		++++ +	++++ +		+++++	31
Begeistern						++++			++++ +		++			+++++		18
Erheben	+				+	+++					+					6
Erfreuen	++++	+++	+++	+++	+		++		++	+		++++	++		+++	31
Überraschen	+			+		+						+				4
Beleben				+					++++ +		+			+++		11
Anregen			+	++++		+		++		+	++++ +	+	+	++++	+	25
Ablenken						+			++		+	+	+	++++	+++	15
Ermutigen				++		+			++++ +	+			+	+++		19
Amüsieren	+++	+++	+++++			++++ ++			+	+			++++		+++++	31
Zerstreuen			++++			+			+	++++ +	+	+++			+++++	22
Beflügelн				++++				++++ +	++++ ++		+++					20
Vergnügen	++	++	+++			+++		+	++	+		++++ +	++++ +		+	28
Ermuntern	+		+	++		++			++++ ++	+	++++ ++	++	++	+++	+	27
Beschenken									+					+		

Данный разряд каузативов правомерно рассматривать как «семантическое поле», т. к. они представляют собой группу синонимических корреляций, единицы поля связаны отношениями взаимозависимости, с четко выраженной доминантой. В качестве доминанты (ядра) поля выступают глаголы *erfreuen*, *unterhalten*, *amüsieren*. К ядерной части можно отнести также лексемы *anregen*, *ermuntern* и *vergnügen*, так как они имеют достаточно высокую степень синонимичности в словарях. В зоне ближней периферии находятся глаголы *freuen*, *ermutigen*, *zerstreuen*, *beflügelн*, *begeistern*, в зоне дальней периферии – *beleben*, *genießen* и *ablenken*, и в зоне крайней периферии – *beschenken*, *überraschen* и *erheben*. Модель семантического поля представлена на схеме 1.

На следующем этапе были выделены базовые каузативы отрицательной модификации эмоционального состояния. На этапе работы с ресурсом Leipzig Corpora Collection были определены наиболее частотные лексемы данной группы. Поскольку среди данного вида эмотивных каузативов не

встретилось глаголов с частотностью выше 12 класса, то в качестве рекуррентных были выбраны лексемы с частотностью 12–15. Результаты представлены в таблице 3.

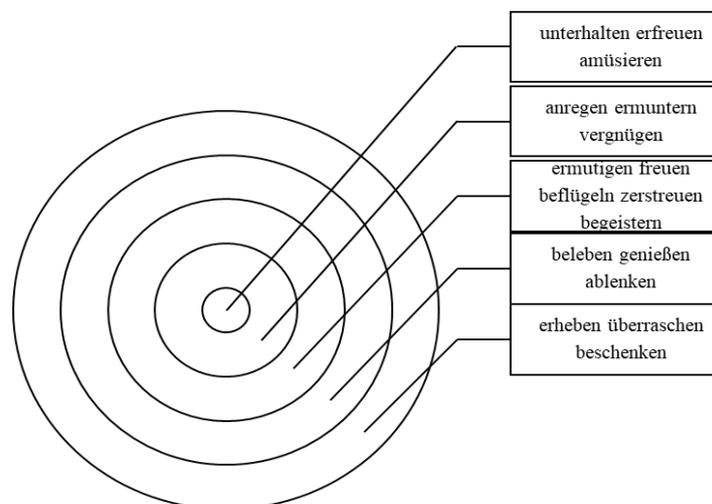

Схема 1. Семантическое поле каузативов модификации положительного эмоционального тона

Таблица 3

Каузативы отрицательного эмоционального тона (данные корпуса Leipzig Corpora Collection)

№ п/п		Количество	Ранг	Класс частотности
1	Aufbringen	3.457	9.934	12
2	Ärgern	2.949	11.569	12
3	Provozieren	2.218	14.315	12
4	Aufregen	1.463	20.155	13
5	Quälen	1.078	25.779	13
6	Erregen	940	28.736	14
7	Aufziehen	753	34.086	14
8	Reizen	704	35.801	14
9	Plagen	1.169	24.163	15
10	Belästigen	437	51.201	15
11	Auffahren	432	51.626	15
12	Verärgern	406	54.179	15
13	Empören	326	63.627	15

Далее была произведена попытка оценить степень синонимичности наиболее частотных, согласно данным Leipzig Corpora Collection, каузативов отрицательной модификации эмоционального тона. Результаты отражены в таблице 4.

Как следует из схемы 2, доминанту (ядро) поля составляют лексемы ärgern, aufbringen, aufregen, verärgern, имеющие самую высокую степень синонимичности. В зоне ближней периферии расположены каузативы erregen, reizen, empören, plagen. Зона дальней периферии включает глаголы provozieren, quälen, belästigen, aufziehen, в зоне крайней периферии находится глагол auffahren. Модель семантического поля базовых каузативов модификации отрицательного эмоционального тона представлена на схеме 2.

На третьем этапе исследования изучены глаголы, актуализирующие аксиологически нейтральное состояние. С помощью ресурса Leipzig Corpora Collection были определены наиболее частотные лексемы. Наибольший класс частотности среди этих глаголов 8 и 9, поэтому в качестве рекуррентных были выбраны лексемы с частотностью 8 – 13. Результаты представлены в таблице 4.

Далее на этапе работы со словарями была произведена оценка степени синонимичности наиболее частотных каузативов нейтральной модификации эмоционального тона. Результаты отражены в таблице 6.

Семантическое поле каузативов модификации нейтрального эмоционального тона состоит из 5 зон. В ядерной части находятся глаголы bewirken, hervorrufen, verursachen, wecken, erwecken, к доминантной зоне также относятся лексемы berühren, bewegen, auslösen, в зоне ближней периферии – schüren, bereiten,

schaffen, в зоне дальней периферии располагаются лексемы *rühren und beeindrucken*, а в зоне крайней периферии с наименьшей степенью синонимичности находятся глаголы *anstecken u stimmen*.

Таблица 4

Дефиниционный анализ базовых каузативов модификации отрицательного эмоционального тона

	aufbringen	ärgern	provozieren	aufregen	quälen	erregen	aufziehen	reizen	plagen	belästigen	auffahren	verärgern	empören	Кол-во корр.
Aufbringen		+ ++++ +	+++	++++	+	++++	+	++++				+++ ++	+	29
Ärgern	++++ +		+++	++++	++++	+++	++		++++	++++ ++		++++ ++	++++ +	42
Provozieren	++	+		+		+		++ +++	+	+		+	+	14
Aufregen	++++	++++ +	++		+	++++ ++		++		+++		++++	++++ +	32
Quälen		+++		+			+		+++ +++	++++				15
Erregen	+++	+++		++ +++				+++			+	++	++++ +	22
Aufziehen	++	+++	+	+	++	+		+	++					13
Reizen	+++	++++	++++	+++		+++				++++		+		22
Plagen	+	++	+		++++ +	+	++	+		++++		+	+	19
Belästigen	+	++++		+	++			++++	++		+		+	16
Auffahren		+		+		+								3
Verärgern	++++ +	++++ ++	+	+++	+++	+++			+++	+			++	27
Empören	++++ +	+++		+++ +		++		+		+		+		17

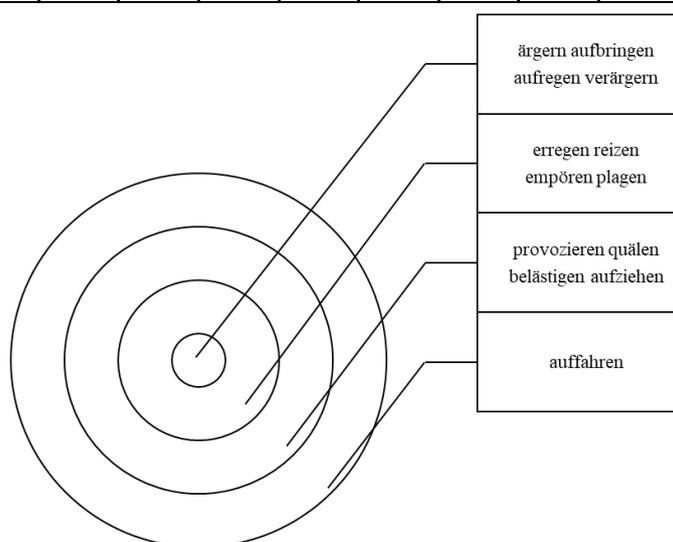

Схема 2. Семантическое поле каузативов модификации отрицательного эмоционального тона

Таблица 5

**Каузативы нейтрального эмоционального тона
(данные корпуса Leipzig Corpora Collection)**

№ п/п		Количество	Ранг	Класс частотности
1	Schaffen	47,823	802	8
2	Bewegen	19,217	2,085	9
3	Stimmen	11,947	3,320	10
4	Bereiten	8,034	4,802	11
5	Verursachen	5,229	6,946	11
6	Auslösen	4,863	7,421	11
7	Bewirken	3,835	9,051	12
8	Wecken	3,633	9,516	12
9	Beeindrucken	2,688	12,268	12
10	Berühren	1,998	15,565	13
11	Rühren	1,782	17,156	13
12	Erwecken	1,598	18,731	13
13	Hervorrufen	1,323	21,889	13
14	Schüren	1,269	22,622	13
15	Anstecken	1,122	24,987	13

Необходимо отметить, что данный класс глаголов условно назван «нейтральным», так как данные лексемы способны в зависимости от контекста выражать как отрицательные:

– *Das Landgericht Köln hatte Beschneidungen als Körperverletzung gewertet und damit Empörung bei jüdischen und muslimischen Organisationen auch im Ausland hervorgerufen.*

так и положительные эмоции:

– *Er rief in Berlin unter Kollegen eine ähnliche Begeisterung hervor wie Fußballstars bei ihren Fans.*

либо и те и другие одновременно:

– *Überall ruft er Schrecken wie Bewunderung hervor.*

Таблица 6

**Дефиниционный анализ базовых каузативов модификации
нейтрального эмоционального тона**

	wecken	erwecken	stimmen	rühren	berühren	beeindrucken	bewegen	verursachen	bewirken	hervorrufen	bereiten	schüren	anstecken	schaffen	auslösen	Кол-во корп.
Wecken		++++ +		+	++			+++	+++	++++ +		+		+	++++ +	27
Erwecken	++++ +						++	+++	++++ +	++++ +		+		+++	++++	28
Stimmen							+									1
Rühren					+++	+	++++ ++		+							11
Berühren	+	+		+++		++++	++++ ++	+	+	+		++			+	21
Beeindrucken				+	++		+		++++ +	+	+					11
Bewegen	+	+	+	++++ ++	++++			+	+++	+					++	20

	wecken	erwecken	stimmen	rühren	berühren	beeindrucken	bewegen	verursachen	bewirken	hervorrufen	bereiten	schüren	anstecken	schaffen	auslösen	Кол-во корр.
Verursachen	++	++++			+				++++ ++	++++ +	++	+		+++	++++ +	28
Bewirken	+	++++					+	++++ ++		++++ ++	+++			++++ +	++++ ++	32
Hervorrufen	+++	++++ +			+		+	++++ +	++++ ++		+++	++		++++	++++ ++	36
Bereiten				+			+	++	+++	+++				+	+++	14
Schüren	++++	++++		+++	++		+						++		+	17
Anstecken												++				2
Schaffen	+	++						++	++++ +	+++					++	15
Auslösen	++	++++			+		+	++++	++++	++++	+			+++		24

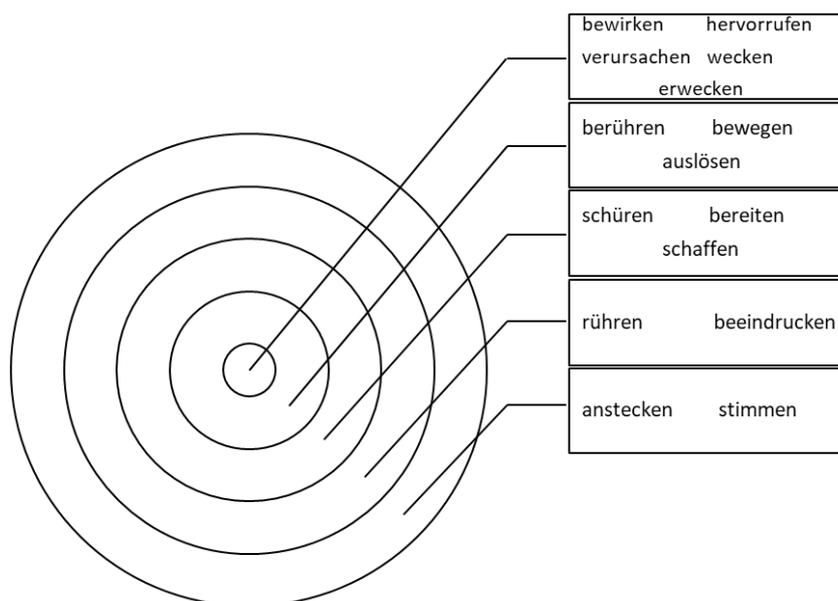

Схема 3. Семантическое поле каузативов модификации нейтрального эмоционального тона

Заключение

Таким образом, на основе критерия рекуррентности и анализа степени синонимичности выделенных частотных лексем были выделены базовые эмотивные каузативы положительной, отрицательной и нейтральной модификации эмоционального тона.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. Москва: Наука. 1964. 107 с.
2. Бондарко А.В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. Санкт-Петербург: Наука. 2005. 478 с.
3. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкознания. 1972. № 3. С. 20–36.

4. Гулыга Е.В. Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. Москва: Просвещение. 1969. 184 с.
5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. Москва: Эдиторал УРСС. 2000. 352 с.
6. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
7. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учебное пособие по дисциплинам по выбору «Язык и эмоции» и «Лингвокультурология эмоций». Волгоград: Из-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.
8. Шустова С.В., Ошева Е.А. Актуализация эмоциональной модификации // Историческая и социально-образовательная мысль. Научный журнал. Краснодар. Т. 7. № 1, 2015. С. 127–131.
9. Schwarz M. Chur J. Semantik. Ein Arbeitsbuch. 5., aktualisierte Auflage. Gunter Narr Verlag, Tübingen. 2007. S. 227.

Лексикографические источники

1. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch A-Z. 3., neu bearbeitete Auflage. Dudenverlag. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. 1996
2. Duden. Oxford Großwörterbuch English. Dudenverlag. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. 2005.
3. Wahrig. Deutsches Wörterbuch. Neu herausgegeben von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. Bertelsmann Lexikon Verlag. Gütersloh, München. 2000.
4. Duden-online – www.duden.de
5. Synonym-Wörterbuch – www.synonyme.woxikon.de
6. Universalwörterbuch – universal_lexikon.deacademic.com
7. Wörterbuch der Synonyme – synonyme.deacademic.com

Корпусы немецкого языка

1. dwds.de – www.dwds.de
2. Leipzig Corpora Collection – wortschatz.uni-leipzig.de

Список принятых обозначений и сокращений

dwds – dwds.de

Источники иллюстративного материала

dwds.de – электронный корпус
 Leipzig Corpora Collection – электронный корпус

Syutkina N.P.

Senior Lecturer, Linguodidactics Department,
 Perm State University

EMOTIVE CAUSATIVE VERBS: THE PROBLEM OF DEFINING

The article deals with German emotive causative verbs, expressing interpersonal relation interaction, the result of which is a change in the psychological and emotional state of a person who is an object of causation. The research is based on the semantic analysis of the three groups of verbs, those causing positive, negative and neutral emotions of the object of causation. On the basis of synonymous correlations we make an attempt of revealing the semantic fields of the basic emotive causative verbs in German.

Keywords: semantic field, causative verb, emotive causative, basic verbs, category of causativeness, definitional analysis.

УДК 81'42

Ремянникова Дарья Олеговна

Магистрант, факультет современных иностранных языков и литератур, Пермский государственный национальный исследовательский университет. 614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел.: 8 (342) 2396 477, e-mail: lingvodidactics.psu@gmail.com

Мишланова Светлана Леонидовна

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет. 614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел.: 8 (342) 2396 477, e-mail: mishlanovas@mail.ru

МЕТАФТОНИМИЯ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ¹

Данное исследование выполнено в рамках когнитивной парадигмы современной лингвистики. В исследовании проводится анализ, позволяющий определить способы взаимодействия метафоры и метонимии в рекламных слоганах, результатом чего становится выявление нового языкового механизма – метафтонимии. В качестве методов используются процедура идентификации метафоры MIPVU и пятишаговый анализ метафоры.

Ключевые слова: метафора, метонимия, метафтонимия, слоган, пропозиция, пятишаговый анализ Г. Стейна, область-источник, область-цель.

Введение

В настоящий момент особое внимание уделяется изучению языковых явлений в рамках когнитивной лингвистики, утвердившейся в языкознании в течение последних десятилетий. Когнитивный подход способствует рассмотрению языковых форм как производных концептуализации мира человеческим сознанием, а их значений как определённых структур знаний, концептов. Такой подход к изучению языковых явлений предоставляет нам возможность более глубокого понимания процессов вербализации человеком окружающей его действительности и предоставляет исследователям возможность проникнуть в механизм создания нашим сознанием новых слов, необходимых для фиксации изменений, происходящих в реальной картине мира.

Основная часть

Многие исследователи посвятили свои научные труды изучению концептуальной метафоры в разных языках, уделяя внимания метафоре гораздо больше, чем метонимии. Однако в 1990-е гг. появились исследования, посвященные процессу метонимического переноса, и в настоящее время метонимия рассматривается как эффективное средство концептуализации элементов действительности [Croft, 1993, p. 161–205; Kövecses, 1998, S. 37–77].

Нередко возникают случаи взаимодействия метафоры и метонимии на уровне слова, что позволяет нам говорить о данном феномене, как об одном из элементов вербальной репрезентации явлений действительности. В современных литературных источниках не представлено четкого определения метафтонимии как когнитивного явления. Большинство лингвистов рассматривают метафору и метонимию как две разные конструкции, берущие начало от двух разных когнитивных операций, хотя они схожи в том, что обе содержат определенную область источника (source domain), которая проецируется на целевую область (target domain).

Тем не менее, исследования последних лет все чаще стали доказывать тесную связь метафоры и метонимии [Barcelona, 2000, p. 31–58]. Речь о реметонимизации метафоры. Л. Гуссенсом вводится

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №16-13-59006).

термин «метафтонимия», под которым понимается переход одного явления в другое в рамках концептуальных доменов (области-источника и области-цели) [Goosens, 1990, p. 349–377]. В работах многих лингвистов ранее высказывались предположения о том, что при противопоставлении метафоры и метонимии возникает потребность описания случаев слияния метафоры и метонимии. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон предположили, что большинство метафор основаны на таких образных схемах смежных отношений, как вместимость, близость и отдаленность, соединение и разделение, направление вперед-назад, отношение часть-целое, линейный порядок, направление вверх-вниз и другие [Johnson, Lakoff, 2003].

Продолжая исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Дж. Тейлор рассматривает метонимию как доминирующий когнитивный процесс, лежащий в основе образования метафоры. Лингвист полагает, что во многих случаях соотношение между понятием вертикали и метафорическим расширением в понятиях количества, оценки и силы (БОЛЬШЕ ЕСТЬ ВВЕРХ, ХОРОШО ЕСТЬ ВВЕРХ, СИЛА ЕСТЬ ВВЕРХ) – это метонимические отношения; поскольку объект становится выше, количество увеличивается, значит, один аспект заменяется другим. Таким образом, метонимические формы могут расширять основу для метафоры [Taylor, 2002].

К. Фейэртс рассматривает процесс метафорического проецирования как сложно организованную иерархию, в которой целевой домен частично сохраняет структуру области-источника. Метонимические проецирования также организованы иерархически, что дает возможность взаимодействия двух иерархий (метафорической и метонимической) для определения смысла языкового значения [Feuwaerts, 2003].

Рассматривая логически возможные способы потенциального взаимодействия метафоры и метонимии, Л. Гуссенс выделяет три основных вида метафтонимии:

Метонимия в метафоре. «*Finger licking good*». Слово *finger* (*палец*) в данном контексте используется метонимически, в то время как слово *licking* (*лизать/вылизывать*) используется для передачи метафорического выражения «*облизываться от вкусной еды*».

Метафора из метонимии. «*We fix Sunday dinner seven nights a week*». В данном контексте слово *night* (*ночь*), подразумевает день недели (метонимия), метафорическая номинация *fix* (*фиксировать*) используется в значении «*делать/предлагать*». В данном примере метонимия является конструктором для метафорического выражения – *to fix seven nights a week*.

Расширение метафорического или метонимического значения. «*He проспи настроение*». Расширение метафорического значения происходит за счет метонимического употребления глагола «*проспать*», который конструирует и репрезентирует целую метафорическую ситуацию.

Основываясь на идеях Л. Гуссенса о существовании концептуального смешения элементов метафоры и метонимии, одни лингвисты выделяют лишь один тип метафтонимии – метонимическое расширение метафорического источника, другие признают наличие разных форм смешения [Goosens, 1990]. Мы считаем, что три типа метафтонимии, представленные Л. Гуссенсом, являются одним видом взаимодействия, в котором метафорический источник требует метонимического расширения, либо имеет в своей основе метонимические корни.

Источником образования такого комплексного лингвистического феномена, как метафтонимия может служить рекламный слоган, так как данному виду рекламного текста присуща максимальная компрессия и сложный план содержания. Метафтонимия способна изящно и кратко сообщить о таких, на первый взгляд, простых и непривлекательных вещах, как параметры товара, особенности его использования. Использование метафтонимии в рекламном слогане позволяет автору сделать текст более живым и выразительным и тем самым привлечь внимание адресата.

Для анализа метафтонимии в слоганах KFC, McDonald's, SFC Chicken мы применили пятишаговый анализ, разработанный Г. Стейном [Steen, 1999, p. 55].

Шаг 1. В первую очередь нам необходимо определить метафорический фокус. Под метафорическим фокусом мы понимаем лингвистическую единицу, представленную в переносном значении в тексте. Метафорический фокус определяется в ходе применения процедуры МІР. «Процедура идентификации метафоры» (МІР) разработана группой исследователей Praggeljaz Group Свободного Университета Амстердама под руководством Г. Стейна [Praggeljaz Group, 2007], в последствии была усовершенствована и преобразована Лабораторией Метафоры в МІРVU [Steen, 2010].

– Для начала нам необходимо прочитать предложение.

Get a bucket of chicken, have a barrel of fun.

– Далее, необходимо определить лексические единицы, составляющие данный текст. На данном этапе исследования были рассмотрены все лексические единицы, входящие в состав следующего предложения:

Get/ a/ bucket/ of/ chicken/, have/ a/ barrel/ of/ fun/.

– Для каждой лексической единицы при помощи словарей Longman Dictionary of Contemporary English и Macmillan Dictionary находим контекстуальное и базовое значения. Далее, определяем, имеет ли лексическая единица более конкретное базовое значение, или же контекстуальное значение является отличным от базового, но может быть выведено в сравнении с ним.

– При утвердительном ответе, отмечаем лексическую единицу как лингвистическую метафору.

– Применение данной процедуры позволило выделить метафорические фокусы, представленные в Таблице 1.

Таблица 1

Идентификация метафоры

Лексическая единица (ЛЕ)	Базовое значение	Контекстуальное значение
Bucket n	a round open container with a handle, used for carrying liquid and substances [MACMILLAN DICTIONARY]	a small box of chicken
Barrel n	1. a large curved container with a flat top and bottom, made of wood or metal, and used for storing liquids 2. a unit of measurement for crude oil, equal to 159 litre [MACMILLAN DICTIONARY]	used for showing a large amount of smth, in our case used for showing a large amount of pleasant emotions

Следует обратить особое внимание на методику определения контекстуального и базового значения лексических единиц. Базовое значение отличается большей конкретностью, по сравнению с контекстуальным значением, которое может иметь ограниченную, специфичную область употребления, является менее конкретным и может иметь определенную степень абстрактности.

Шаг 2. Целью следующего этапа является определение метафорической идеи, которая структурно может быть представлена рядом пропозиций. Пропозиция понимается нами как минимальное смысловое выражение, отражающее структурные отношения между концептами текста. Концепт – это «совокупность всех значений слова, целостный смысловой образ, ассоциируемый с данным словом» [Мишланова, Пермякова, 2004, с. 351].

Результатом пропозиционного анализа является иерархически организованный ряд пропозиций. Пропозиционный анализ помогает определить отношение метафорических фокусов к другим элементам высказывания и выявить концепты, которые не могут находиться в прямом (буквальном) взаимоотношении друг с другом.

Метафорическая единица *bucket* входит в четыре пропозиции:

- P1 [TO BE A BUCKET]
- P2 [MOD BUCKET HAS WATER]
- P3 [MOD BUCKET HAS CHICKEN]
- P4 [MOD TO BE A BOX OF CHICKEN]

Метафорическая единица *barrel* также входит в четыре пропозиции:

- P5 [TO BE A BARREL]
- P6 [MOD BARREL HAS OIL]
- P7 [MOD BARREL HAS FUN]
- P8 [MOD TO HAVE A BARREL OF FUN]

Шаг 3. Определение переносного сравнения. На данном этапе рассматривается идея метафорического высказывания в форме пропозиции, содержащей концепты области цели и области источника. Так как метафоры представляют собой «набор соотношений между концептуальными доменами, в котором переносное значение играет важнейшую роль» [Steen, 1999, p. 57], на данном этапе анализа необходимо реконструировать концептуальную основу сравнения с определением незаполненных смысловых слотов. Таким образом, сравнение, лежащее в основе переноса значения лексических единиц *bucket, barrel* имеет следующую структурную репрезентацию:

- SIM { [F CHICKEN]t [TO BE BUCKET OF a]s }
- SIM { [F FUN]t [TO BE BARREL OF a]s }

Шаг 4. Определение переносной аналогии направлено на заполнение пустых позиций, (которые обозначены величинами F, a), предполагаемыми концептами. Максимальная объективность данного метода достигается при использовании словарных дефиниций, отобранных в процессе проведения процедуры идентификации лингвистических метафор (MIPVU).

8. Переносная аналогия лексической единицы *bucket*

SIM { [TO BE BOX OF CHICKEN]t
[TO BE BUCKET OF WATER]s }

9. Переносная аналогия лексической единицы *barrel*

SIM { [TO HAVE A LOT OF FUN]t
[TO BE BARREL OF CRUDE OIL]s }

Шаг 5. На последнем этапе мы определяем наложение домена-источника на целевой домен для лексических единиц *bucket, barrel*:

Область-источник Область-цель

TO BE BUCKET OF > TO BE BOX OF
WATER > CHICKEN

Область-источник Область-цель

TO BE BARREL OF > TO HAVE A LOT OF
CRUDE OIL > FUN

В результате реконструирования концептуального наложения домена-источника на целевой домен, мы пришли к выводу о том, что анализ языкового материала позволяет нам выделить концептуальное пространство с доминантными метафоро-метонимическими связями. Феномен метафтонимии представляется в примерах – «*a bucket of chicken*», «*a barrel of fun*» – двухуровневой единицей. На первом этапе происходит метафорическое отождествление коробки с ведром, на втором – метонимический перенос внутри онтологической метафоры «контейнер»: *ведро* (сосуд цилиндрической формы, с ручкой в виде дужки для хранения чего-либо, равный 1/40 бочки) – *бочка* (деревянное или металлическое цилиндрическое вместилище с двумя днищами, равное сорока вёдрам).

Заключение

В ходе исследования нами было выявлено, что слоган представляет собой сложный комплексный лингво-когнитивный феномен. Пятишаговый анализ, разработанный Г. Стейном, позволяет не только построить метафорическое моделирование рекламного текста, но и выявить случаи использования такого лингвистического феномена, как метафтонимия.

Список литературы

3. Мишланова С.Л., Пермякова Т.М. Современная концептосфера: направления и перспективы // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Изд-во «Перм. гос. ун-та», 2004. С. 351–364.
4. Соколов А.Н. Прагматические аспекты перевода метонимии в поэтических текстах (на материале переводов поэтических произведений А.С. Пушкина на английский язык). Дис... к. филол. н. Тюмень, 2004. 214 с.
5. Barcelona A. Types of arguments for metonymic motivation of conceptual metaphor // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads*. New York, 2000. P. 31–58.
6. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by Rene Dirven, Ralf Pörings. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. P. 161–205.
7. Feyaerts K. Refining the Inheritance Hypothesis: Interaction between metaphoric and metonymic hierarchies / K. Feyaerts // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / ed. by Antonio Barcelona. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. 356 p.
8. Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by Rene Dirven, Ralf Pörings. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. P. 349–377.
9. Kovecses Z., Radden G. Metonymy: Developing a cognitive linguistic view // *Cognitive Linguistics*, 1998. S. 37–77.
10. Lackoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. London: The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
11. Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1), 2007. P. 1–39.
12. Radden G. How metonymic are metaphors? / G. Radden // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / ed. by Antonio Barcelona. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2003. P. 93–108.
13. Riemer N. Remetonymizing metaphor: Hytercategories in semantic extension // *Cognitive Linguistics*, 4, 2002. P. 379–401.
14. Ruiz de Mendoza F. The role of mapping and domains in understanding metonymy / F. Ruiz de Mendoza // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / ed. by Antonio Barcelona. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2003. P. 109–132.
15. Steen G.J. From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps. In Gibbs, R.W. jr, & Steen, G.J. (eds), *Metaphor in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 55–77.
16. Steen G.J. Metaphor identification: A cognitive approach. *Style*, 36, 2005. P. 386–407.

17. Steen G.J., Dorst A.G., Kaal A.A., Herrmann J.B., & Krennmayr T. A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU. Amsterdam: Benjamins, 2010.

18. Taylor J.R. Category extension by metonymy and metaphor / J.R. Taylor Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / ed. by Rene Dirven, Ralf Pörings. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002. 620 p.

Лексикографические источники

10. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 04.11.2017).

11. Macmillan Dictionary – Free Online Dictionary and Thesaurus URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 04.11.2017).

Remyannikova D.O.

Master Student, Linguodidactics Department,
Perm State University

Mishlanova S.L.

Doctor of Philology, Professor, Linguodidactics Department,
Perm State University

METAPHTONYMY IN ADVERTISING SLOGANS

The article represents a research carried out within a cognitive paradigm of modern linguistics. The study represents an analysis of the way in which metaphor and metonymy interact in advertising slogans with a new mental mechanism – metaphonymy – to follow. The methods used in the investigation are metaphor identification procedure MIPVU and Five-step analysis.

Key words: metaphor, metonymy, metaphonymy, slogan, Steen's Five-step analysis, source domain, target domain.

УДК 81`363.47

Единак Оксана Викторовна

Преподаватель,
ОГАПОУ «Старооскольский педагогический колледж».
309502, Белгородская область, г. Старый Оскол, д.18.
Тел.: 8 (4725) 42-94-03
E-mail: oksana786000@yandex.ru

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ДИСКУРСЕ ПОБЕДЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ
ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИЦИСТИКИ)**

В настоящей статье рассматривается понятие дискурса Победы, актуализируется значение идеологической направленности дискурсов современной информационно-аналитической интернет-публицистики, дается понятие персуазивного эффекта, выделяются языковые средства выражения персуазивности в дискурсе Победы.

Ключевые слова: дискурс, интернет-публицистика, идеологичность, медиатекст, персуазивное воздействие, семантическое поле.

Введение

В рамках заданной в последние десятилетия антропоцентрической тенденции в развитии лингвистики дискурс выступает как объект междисциплинарных исследований. Нам представляется интересной позиция В.Е. Чернявской, понимающей дискурс как «совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики» [Чернявская, 2011, с. 93].

Примером тематически общих текстов, формирующих социокультурный опыт носителей языка, может служить дискурс Победы, который мы исследуем на материале информационно-аналитической интернет-публицистики и под которым понимается коммуникативно-речевое пространство, актуализируемое средствами массовой информации в момент празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне [Семененко, 2015, с. 90].

Дискурс Победы в связи с большим ракурсом распространения и широтой тематического охвата располагается на стыке публицистического, политического, патриотического дискурсов. Выбор предмета исследования обусловлен идеологической направленностью дискурса, которая наиболее ярко прослеживается в медиатекстах: с одной стороны, наблюдается стремление к взаимодействию с адресатом, с другой – к персуазивному (манипулятивному) воздействию на него, что оказывает влияние на выбор оценки и формирование мнения на то или иное событие.

Ученые отмечают, что интерпретацию того или иного дискурса следует проводить «в русле традиционного стилистического анализа» [Чернявская, 2011, с. 78], когда на собственно лингвистические характеристики текста накладываются экстралингвистические факторы: политические, культурные, психологические, социальные составляющие [Чернявская, 2011, с. 79]. Помимо текстуального анализа на различных языковых уровнях, целесообразно выполнять также контекстуальный анализ, в который входит определение времени, места, количества и роли участников, социальные отношения между участниками, их мнения и убеждения, а также характер события либо сфера деятельности.

Основная часть

Основной средой развития дискурса Победы служит интернет-среда, поскольку основная часть современного общения осуществляется с помощью средств электронной коммуникации. Интернет-дискурс в настоящее время имеет многогранные и неоднозначные определения, что позволяет характеризовать его как явление уникальное. К недавно образовавшимся жанрам сетевого публицистического дискурса следует отнести информационно-аналитическую статью.

Главной особенностью нового жанра является наличие аналитической части, в которой могут быть показаны различные способы восприятия окружающей действительности.

Выборка статей осуществлялась путем поиска ассоциативных ключевых слов и словосочетаний «Победа», «День Победы», «Великая Отечественная война», «ветераны», «память», «патриотизм», «великое событие», «Дети Войны», «праздник», «героизм», «воспоминания» на пяти ресурсах – на электронном информационно-аналитическом портале «Однако», который занимается также выпуском электронного альманаха с постоянно обновляемыми редакционными материалами; на российском ежедневном общественно-политическом интернет-издании «На Линии», который выполняет оперативный авторский анализ как мировых, так и государственных событий; на международном проекте «Сноб», позиционирующем себя как «дискуссионное, информационное и общественное пространство для людей, которые живут в разных странах; на российском круглосуточном информационном телеканале «Дождь», на сайте которого осуществляется периодический выпуск информационно-аналитических статей и авторских колонок; на различных сайтах региональной интернет-публицистики с аналитическими признаками.

Данные ресурсы являются полярными по своей идеологической направленности: если «Однако», «На Линии» и региональная интернет-публицистика отстаивают консервативные ценности русской нации, то «Сноб» и «Дождь» являются изданиями более либеральными, поскольку все внутригосударственные события авторы рассматривают сквозь мировой контекст, обращая внимания на ценности, которые являются общими для неоднородной аудитории.

Поиск тематических информационно-аналитических статей осуществлялся в пределах 2011–2016 гг., так как именно на эти годы приходится подготовка к празднованию и непосредственно празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Как показал анализ отобранного материала, важнейшим языковым параметром дискурса Победы выступает ментальная установка, представленная теми или иными ментальными репрезентациями, которые, являясь базовыми ценностными ориентирами, наделяются новыми смыслами и оценками, попадая в поле различных дискурсивных пересечений.

Также языковыми параметрами дискурса Победы являются стилистические характеристики публицистического стиля, среди которых особого внимания требует рассмотрение явления персуазивности, то есть воздействия на читателя.

Создание персуазивного эффекта в современной интернет-публицистике нередко осуществляется на основе использования авторами языковых средств, направленных на создание семантического поля «Свои».

Так, наиболее характерным для информационно-аналитической публицистики является выраженная экспрессивность, которая достигается использованием ряда лингвостилистических приемов, в числе которых:

– повторы: *...А это и есть день рождения нашей многонациональной общности нашего великого народа, и вот это всем нам надо очень и очень четко понимать* [Однако, 3]. В данном примере создается эффект некоторой опасности в случае игнорирования нарочито подчеркнутой с помощью повтора мысли;

– парцелляции: *... Герои. Не щадили живота своего, отдали жизнь за други своя. Теперь состоят в небесном воинстве. Оба раза война была народная. Священная война* [На Линии, 3]. Выделяется самая важная информация с морально-нравственным подтекстом, с помощью парцелляции автор подчеркивает степень значимости осознания этой информации;

– цитаты с собственным комментированием: *... Черно-оранжевый лоскуток оказался тем самым недостающим атрибутом, который превратил День Победы в точку сборки и торжества исторического и национального самосознания. Что вы говорите? «Элемент массовой культуры»? Да, так и есть. И массовой (т.е. всенародной) тоже»* [Однако, 4].

В рассмотренных нами текстах наблюдается также обращение к стереотипам – упрощенным представлениям, принятым в общественном сознании:

– *Победить в войне – это естественная задача любого государства, которое считает себя суверенным. Для России это еще и безусловная историческая миссия, лежащая в основе культурного кода* [Однако, 4];

– *Во все времена русские отважно и беззаветно защищали не только границы своей Родины, но и «братушек» разных национальностей, отдавая за них жизни. Положить живот за ближнего своего – это по-нашему, это по-русски* [Однако, 5];

– *Русские слишком ценят себя, чтобы вести захватнические войны. Или войны, выражаясь англосаксонским политическим языком, за «свои интересы»: у русских нет интереса воевать там, где нет «своих» и некого защищать. Русский же не захватчик и не колонизатор, что ему в таких местах делать* [Однако, 4];

– *Эти люди в свою очередь тоже расстарались и сделали главное орудие своей победы – Т-34. Безупречное по замыслу и исполнению, по эстетике и инженерии, по форме и содержанию произведение великой культуры. В этом шедевре – дух и культурный подвиг народов, испокон веку живущих на нашей – на своей! – земле.*

Бесшабашность и неприхотливость русского первопроходца. Упрямство и основательность украинского крестьянина. Бездонная глубина кавказского многоголосия. Стремительность всадника азиатских степей. Невозмутимость и надёжность северного морехода. Плавная устремленность православных куполов. Простор и всеприимчивость души, рожденной нашей землей. Торжество отпущения и мгновенное снисхождение к поверженному [Однако, 5];

– *Русская армия всегда была народной по сути. И в этом смысле всеобщая воинская обязанность, которую еще называют повинностью, давала возможность всему дееспособному мужскому населению страны пройти через горнило государственной службы, стать частью большего – своего народа, общества и вылечить излишний индивидуализм, который в нынешнее время приобретает масштабы национальной катастрофы* [Однако, 3].

Эффективным является и частое использование авторами публицистических текстов местоимения первого лица множественного числа *мы*, что создаёт эффект личной причастности читателя к проблеме: *У нас опять пытаются угнать наш День Победы. Теперь – предложениями перенести Парад Победы из Москвы в Киев или Берлин. Причем если раньше для кражи применяли отмычки типа «Сталин – хуже Гитлера» и «Гитлера победила западная коалиция», то теперь в ход пустили лом «сегодняшняя Россия не достойна Победы, потому что бомбит Украину; Моя знакомая опубликовала тут чей-то текст, написанный, как под копирку – русский народ страдал в войну, нас вешали и жгли, нас топили и душили, но мы выстояли. Мы – герои. А мрази вроде Красовского и Собчак, которые называют путинский режим фашистским – пусть валят. "Вот же правильные слова", – написала эта вот моя знакомая* [Однако, 6].

Нередко встречается намеренное создание ярко выраженной антитезы «свои-чужие»: *Предатели оба раза мечтали, чтобы нас наконец-то завоевал европейский «цивилизатор», который только и может научить нас, неразумных, грубых и диких, жить по-человечески. А ради этого пусть и выпорот, и накажет. Они и сейчас об этом мечтают* (Однако, Куликов, 09.2013); *«В 1812-м захватывали обозы, а в 1941-м «пускали под откос». Новая «власть» понять этого явления так и не смогла – ни тогда, ни потом. Гитлер считал, что к нему кинутся в ноги подальше от Сталина, а Наполеон*

пришел тоже – освободить о рабства. «Рабы», правда, поступили по-своему – как подлинно свободные люди. Без комплексов и оглядок на цивилизацию [Однако, 4].

Большое значение в информационно-аналитической интернет-публицистике отводится поиску виновного в тех или иных событиях: ...Вопрос: почему молчала Россия? Почему в нашей стране власти делают вид, что симпатии к Гитлеру видных деятелей мирового искусства их не касаются? Число гражданских, то есть невоинских, жертв гитлеровской агрессии, которые никак нельзя повесить на «заградотряды», «маршалов беды» и взятия городов к праздникам, в СССР составляет по последним подсчетам пятнадцать миллионов человек. Разве эта цифра – недостаточный аргумент для того, чтобы наше государство и общество вечно занимали радикально непримиримую позицию по вопросам оправдания фашизма? Оказывается, нет. Более того. Настоящая реабилитация Гитлера началась именно тогда, когда утверждать, что Третий рейх – это не так страшно, позволили себе именно в России [Однако, 7].

Заключение

Исходя из анализа теоретической научной литературы, можно прийти к выводу, что проблема дискурса является господствующей на современном этапе развития гуманитарных наук, поэтому в связи с многообразием подходов к изучению в настоящее время нет однозначного определения данного понятия.

Среди лингвостилистических параметров дискурса Победы в информационно-аналитической интернет-публицистике выявлено активное использование клише, штампов, элементов создания экспрессивности (обращения к читателю, комментирование факта, авторские уточнения, собственное авторское отношение, малые синтаксические конструкции, ответ на поставленный вопрос, авторские неологизмы), реаллий и аллюзий, разговорной и сниженной лексики, приемов и фигур речи, идеологизированности.

Рассмотренные в статье языковые средства играют важную идеологизирующую функцию в информационно-аналитической интернет-публицистике, формируя персуазивный эффект, который направлен на создание семантического поля «Свои» в процессе оценочной ориентации читателей по целому комплексу проблем и событий, вовлекаемых в пространство дискурса Победы.

Функция воздействия реализуется через речевую выразительность, экспрессивность, доступность, использование разговорной и сленговой лексики, а также приемов и фигур речи; наблюдается отсылка к различного рода реалиям и аллюзиям; посредством определенного набора языковых средств осуществляется привязка к конкретной идее.

Список литературы

1. Семененко Н.Н. Дискурс «Победы» в ценностно-смысловом пространстве отечественной культуры: когнитивно-прагматические доминанты // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. № 2(3). С. 90–95.
2. Чернявская В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? // Когниция, коммуникация, дискурс. Междунар. эл. сб. научн. трудов. 2011. Вып. 3. С. 86–95.
3. Официальный сайт информационно-аналитического проекта «На Линии» URL: <http://www.nalin.ru/estoniya-rytaetsya-ostanovit-bessmertnyj-polk-nu-pust-rytaetsya-1735> (дата обращения: сентябрь 2017).
4. Официальный сайт информационно-аналитического проекта «Однако». URL: <http://www.odnako.org/almanac/material/pobeda-kak-nacionalny-arhetip-i-sterzhen-russkoj-kulturi/1735> (дата обращения: сентябрь 2017).
5. Официальный сайт информационно-аналитического проекта «Однако». URL: <http://www.odnako.org/blogs/svyazannie-odnoy-lentoy-novaya-zhizn-dnya-pobedi-i-sovremenniy-nacionalny-simvol/> (дата обращения: сентябрь 2017).
6. Официальный сайт информационно-аналитического проекта «Однако». URL: <http://www.odnako.org/blogs/pochemu-russkie-vne-konkurencii/> (дата обращения: сентябрь 2017).
7. Официальный сайт информационно-аналитического проекта «Однако». URL: <http://www.odnako.org/blogs/o-predstoyashchem-parade-pobedi-v-berline/> (дата обращения: сентябрь 2017).

Edinak O.

*Teacher of Starooskolsky Pedagogical College,
StaryOskol*

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION OF PERSUASTICITY IN THE DISCOURSE OF VICTORY (ON THE MATERIAL OF INFORMATION AND ANALYTICAL INTERNET PUBLICISM)

The notion of the Victory discourse is considered in this article. The significance of the ideological orientation of the discourses of modern informational and analytical Internet journalism is actualized, the concept of the persuasive effect is emphasized, language means of expressing persuasiveness in the discourse of Victory are singled out.

Key words: discourse, Internet journalism, ideology, media text, persuasive impact of the semantic field.

УДК 81'272

Миненко Евгения Владимировна

Магистрант, филологический факультет,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Тел.: 8 (342) 2396-417

E-mail: evgeniya.orlatykh@gmail.com

ФРАГМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМ ДЕМОКРАТИЯ/DEMOCRACY

Предметом исследования является лингвоментальная актуализация лексем ДЕМОКРАТИЯ/DEMOCRACY. Целью описанного эксперимента является выявление и описание семантических компонентов лексем ДЕМОКРАТИЯ/DEMOCRACY на материале, полученном от 100 информантов. Для получения материала был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Эксперимент проводился в 2009 и 2013 гг.

Ключевые слова: политическая лексика, лексема, демократия, семантический компонент, значение слова, экспериментальный метод.

Введение

В условиях радикальных преобразований в общественной, экономической и политической жизни, расширения деятельности средств массовой информации изучение политической лексики приобретает определенную значимость. Активные изменения в разнообразных сферах общественной жизни той или иной страны влияют на лексический уровень языка. Политическая лексика является важной частью лексической системы, она охватывает широкий круг слов, связанных с общественно-политическим строем и идеологией государства и общества. Одной из острейших проблем взаимного непонимания в политическом дискурсе можно назвать существенное различие смыслов, вкладываемых в одно понятие представителями разных лингвокультур. Настоящая статья посвящена лингвокультурологическому анализу базовых лексем политической сферы ДЕМОКРАТИЯ/DEMOCRACY в наивном представлении русских и англичан на примере экспериментов 2009 и 2013 гг.

Современное понимание наивной картины мира сформулировал В.Б. Касевич: «Наивная картина мира – реальные представления о мире и человеке, свойственные членам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития» [Касевич, 1996, с. 78]. Для лексикографов семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т.п. Сущность, называемая (лексическим) значением слова, – это не научное, а «наивное» понятие о соответствующей вещи, иногда отягощенное смысловыми и эмоциональными ассоциациями. Ведущим семантическим признаком политической лексики является наличие семантического компонента «политический» в структуре значения лексической единицы, который определяется с помощью словарных дефиниций.

Основная часть

Корпус языкового материала нашего исследования составили лексемы ДЕМОКРАТИЯ/DEMOCRACY и их словарные толкования; 496 реакций, полученных в результате экспериментов, проведенных с информантами русской и английской нации. Информантами являются отдельные группы людей, объединенных на основании социоэтнических характеристик. Эксперимент был проведен в июле 2009 г. и декабре 2013 г. на территории Великобритании (в Лондоне, Оксфорде, Бате), а также в России (в Москве, Санкт-Петербурге, Перми). Общее количество информантов составило 200 человек. Материал для анализа составил 200 анкет: 100 анкет на русском и 100 анкет на английском языках. Русским информантам предлагалось написать 2–3 ассоциации на лексему ДЕМОКРАТИЯ, английским информантам – на лексему DEMOCRACY. При изучении лексем мы в первую очередь обращались к лексическому значению слова, данному в словарях, после чего переходили к анализу ассоциативных реакций.

Реакции представляют собой фрагмент общенационального ассоциативного поля лексем ДЕМОКРАТИЯ/DEMOCRACY, для описания и анализа значения данных лексем в сознании информантов мы использовали полевой принцип. Опираясь на работы В.Г. Адмони [1988, 1964], И.А. Стернина [1979, 2007], в диссертационном исследовании структура семантического поля представлена ядром (центральная ядерная зона, предъядерная зона) и периферией (ближняя периферия, дальняя периферия). К ядерной зоне относятся лексемы, экспонирующие ядро национального сознания, к периферии – индивидуальное сознание.

Интерпретация полученных данных заключается в распределении реакций по тематическим группам, которые представляют собой различные тематические области ассоциативного поля слова ДЕМОКРАТИЯ/ DEMOCRACY в сознании русских и англичан. Представим данные в табл. 1.

Таблица 1

Количественные показатели состава семантического поля лексем ДЕМОКРАТИЯ/ DEMOCRACY по данным русских и английских информантов (эксперимент 2009 и 2013г.), %

Поле \ Лексемы	Демократия (эксперимент 2009 г.)	Демократия (эксперимент 2013 г.)	Демосрасу (эксперимент 2009 г.)	Демосрасу (эксперимент 2013г.)
Ядро	«Обобщенное представление» – 32,3	«Функции и принципы» – 27,6	«Функции и принципы» – 35,3	«Функции и принципы» – 33,3
Предъядерная зона	«Функции и принципы» – 26,8	«Обобщенное представление» – 27,6	«Обобщенное представление» – 21,6	«Отрицательная характеристика» – 21,4
Ближняя периферия	«Названия и персоналии» – 19,7 «Отрицательная характеристика» – 12,6	«Отрицательная характеристика» – 18,1	«Положительная характеристика» – 17,2 «Названия и персоналии» – 12,1	«Названия стран и персоналий» – 15,1 «Положительная характеристика» – 14,3 «Обобщенное представление» – 13,5
Дальняя периферия	«Положительная характеристика» – 6,3 «Атрибуты» – 2,3	«Названия стран» – 6,3 «Положительная характеристика» – 4,7 «Атрибуты» – 3,1	«Отрицательная характеристика» – 7,8 «Атрибуты» – 6,0	«Атрибуты» – 2,4

Семантическое моделирование фрагмента политической картины мира показало, что в наивном сознании информантов обеих стран понятийный компонент лексем ДЕМОКРАТИЯ/ DEMOCRACY представлен многогранно, полно и достаточно точно соответствует словарным дефинициям. Словарные статьи демонстрируют современное, устоявшееся понимание ДЕМОКРАТИИ как власти народа. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дается следующее определение лексемы ДЕМОКРАТИЯ: 1. Политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равноправия граждан. 2. Принцип организации коллективной деятельности, при котором обеспечивается активное и равноправное участие в ней всех членов коллектива [Ожегов, 1999]. Англоязычный словарь «Oxford Dictionary of English» приводит следующие определения лексемы DEMOCRACY: 1. A system of government by the whole population or all the eligible members of a state, typically through elected representatives. 1.1. A state governed under a system of democracy. 1.2. Control of an organization or group by the majority of its members. 1.3. The practice or principles of social equality (1. Система правления, осуществляемая народом или соответствующими представителями государства, как правило, избранными. 1.1. Государство, регулируемое в соответствии с системой демократии. 1.2. Контроль организации или группы большинством его членов. 1.3. Порядок или принципы социального равенства) [Soanes, Stevenson, 2003].

Основными показателями семантического поля являются ядро и предъядерная зона – в этой области сформировано ключевое представление исследуемой лексики в сознании информантов.

В 2009 г. в наивном сознании русских информантов ядром семантического поля лексемы ДЕМОКРАТИЯ является тематическая группа «Обобщенное представление» – 32,3 %, куда входят ассоциации, отражающие понятийную область лексемы ДЕМОКРАТИЯ через синонимические понятия, связанные с тем, где и кем осуществляется демократический режим. Таким образом, лексема представлена как собирательный образ политических структур, а также власти народа. В эксперименте 2013 г. ядром семантического поля лексемы ДЕМОКРАТИЯ у русских информантов является тематическая группа «Функции и принципы» – 27,6 %. Принципы демократии – абстрактные правила

по отношению к любому сообществу людей, к человеку вообще как к члену политического союза и гражданского общества. Они составляют основу самоопределения людей и образуют фундамент разрешения противоречий между интересами членов сообщества. Функции демократии – основные направления ее воздействия на общественные отношения, целью которых является повышение социально-политической активности граждан в управлении обществом и государством [Скакун, 2000: 49]. У английских информантов в экспериментах обоих лет ядром семантического поля лексемы DEMOCRACY является группа «Функции и принципы», составляющая в 2009 г. 35,3 %, в 2013 г. – 33,3 %. Для русских информантов основополагающим является принцип свободы, для английских информантов – функция контроля.

Заключение

Было выявлено, что у русских информантов доминируют отрицательное представление о лексеме (остающееся стабильным в экспериментах обоих лет). У англичан в 2009 г. доминирует положительная оценка демократического режима, а в 2013 г. – отрицательная. Отрицательная оценка лексемы DEMOCRACY в 2009 г. составлял 7,8 %; в 2013 г. она возросла до 21,4 %. Возможно, такие изменения связаны с событиями «арабской весны».

Можно заключить, что путем сравнительного анализа семантического поля лексем политической сферы в экспериментах 2009 и 2013 гг. был выявлен фрагмент политической картины мира в наивном сознании русских и англичан. Не остается сомнений в том, что политическая лексика является одним из компонентов наивной картины мира человека, с помощью которого выявляются вненациональные и этнонациональные особенности восприятие и оценки.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Ленинград: Наука, 1988. 240 с.
2. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. Москва, Ленинград: Наука, 1964 106 с.
3. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. Санкт-Петербург: Изд-во «Петербургское востоковедение», 1996. 288 с.
4. Скакун О.Ф. Теория государства и права. Харьков, Консум; Ун-т внутр. дел, 2000.- 704с.
5. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. Москва: АСТ, Восток-Запад, 2007. 282 с.
6. Стернин И.А., Флекенштейн К. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во «Воронеж. ун-та», 1979. 156 с.
7. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Екатеринбург: Изд-во «Уральский гуманитарный институт», 2003. 194 с.

Словари

1. Кураков В.Л. Экономика и право: словарь-справочник. Москва: Вуз и школа. 2004
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е. Москва, 1999.
3. Soanes C., Stevenson A. Oxford Dictionary of English, second edition, revised. Oxford, 2003.

Minenko E.V.

Master Student,

Perm State University

FRAGMENT OF THE POLITICAL PICTURE ON THE EXAMPLE OF THE LEXEMES ДЕМОКРАТИЯ / DEMOCRACY

The object of research is kinguamental actualizatiioin of lexemes ДЕМОКРАТИЯ / DEMOCRACY. The aim of the experiment is finding and describing of semantic components of lexemes ДЕМОКРАТИЯ / DEMOCRACY gained from 100 informants. Free association experiment was conducted in 2009 and 2013 for getting the data.

Key words: political lexeme, lexeme, democracy, semantic component, word meaning, experimental method.

УДК 811. 131.1

Шалгина Екатерина Анатольевна

Старший преподаватель кафедры лингводидактики,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Тел.: 8 (342) 2396-477

E-mail: info@psu.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «CHARITÉ / МИЛОСЕРДИЕ»

Лингвистическое описание концепта предполагает построение его семантического поля. На материале словарных статей анализируются лексико-семантические варианты концепта «Charité / Милосердие». Когнитивно-прагматический подход, используемый для изучения семантики слов, позволит наиболее полно и разносторонне определить содержательно-смысловую структуру концепта.

Ключевые слова: семантическое поле, концепт «Charité / Милосердие», лексико-семантический вариант, когнитивно-прагматический подход.

Введение

С древних времён в различных культурных традициях Милосердие осмысливается как одно из фундаментальных условий человеческого существования, важное нравственное требование. Первоначальный материал для изучения значения слова Милосердие дают словарные статьи толковых словарей русского языка. Милосердие – готовность из сострадания оказать *помощь* тому, кто в ней нуждается (ТСРЯ 1938), Милосердие – *сострадательная помощь* ближнему как христианская добродетель; вообще *бескорыстная помощь, сострадание, жалость* к людям (обычно страдающим, больным) (ТССРЯ 2001), Милосердие – способность откликаться на чужую боль, стремление бескорыстно помогать людям, *прощать* их (обычно по отношению к сироте, инвалиду, тяжело больному, престарелому, попавшему в беду человеку) (ССП 2002), Милосердие – готовность помочь кому-нибудь или простить кого-то из сострадания и *человеколюбия*. (СРЯ 1990), Милосердие – *сочувствие, сострадание* (СРЯ XI–XVIII вв. 1982).

Основная часть

Для более глубокого понимания значения слова Милосердие представляется необходимым обратиться к этимологическому анализу, так как «никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию» (ссылка Источники – 4)

В русском языке слово Милосердие появляется как производная от древнерусского *милосо́рдъ*, старославянского *милосо́рьдъ*, что в чешском представлено как *milosrdny*, в польском *miłosierny*, что является калькой из латинского или древневерхнемецкого, среднелатинский вариант *miseriordia, misericors* (*сострадание, жалость*) (ЭСРЯ 1967). Во французском языке слово *Charité* появляется во второй половине X в. Его происхождение связано с латинским *charitas* от *carus* «cher» (милый, дорогой) (NPR 2004), «cherté», «affection» (привязанность, любовь, нежность), его вариантом является *caritas*, что сближает его с древнегреческим *χάρις, kháris* («grâce» (милость), «beauté» (благородство). В европейской христианской культуре идея Милосердия формируется рядом традиций. Понятие Милосердие берёт своё начало в «Пятикнижие», где слово «hesed» обозначало «доброту», «любящую доброту». В произведении Аристотеля «Риторика» Милосердие – сочувствие, жалость, сострадание. А понятие «благодетение» (*χάρις*) и «великодушие» пересекаются по смыслу с христианским пониманием Милосердия *caritas*. При обращении к христианской этике можно встретить толкование Милосердия как инициативного чувства, активного действия. Примером тому служит притча о добром самаритянине (Лк.10:29–37) (ссылка Источники – 5). В греческом переводе Библии *hesed* переводится как *έλεος*, что означает чувство, которое возникает при виде незаслуженных страданий. В латинском переводе Библии *hesed* и *έλεος* часто переводились словом «*miseriordia*», в котором соединялись значения сожаления, сочувствия, доброты и снисхо-

дительности. Милосердие как *снисхождение* близко по смыслу к *милостивости*, милости. При переводе текстов Ветхого завета на разные языки, в одних и тех же местах в разных переводах могут употребляться слова – и «милосердный», и «милостивый», и «человеколюбивый», так как семантические различия между ними не являются принципиальными.

Лексикографический анализ слова «charité» позволил выявить 18 лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Несмотря на то что количество ЛСВ в разных словарях различно, все они показывают, что первое (главное) значение ЛСВ1 – **amour** в словарях PLI, 1996; DUF, 1997; NPR, 2004; LDMF, 1992, LDFC, 1992 (любовь как, бескорыстное чувство вне зависти, гордости, вне корысти, как христианская добродетель) 1) *Dans la religion catholique, les vertus théologiques définissent les qualités nécessaires aux hommes pour établir un lien avec Dieu. Elles sont au nombre de trois: la Foi, l’Espérance et la Charité* (ссылка Источники – 6). *В католической религии теологические добродетели определяют качества необходимые человеку для установления связи с Богом. Их три: Вера, Надежда и Любовь* (перевод Е.Ш.).

2) *L’amour est aussi charité* (WUL). *Любовь это также милосердие* (перевод Е.Ш.). 3) *L’amour de charité, - l’amour de Dieu aimé efficacement par-dessus tout, et l’amour du prochain, c’est-à-dire de tous les hommes, aimés en Dieu et pour Dieu, et qu’en les aimant nous rendons nos proches et comme d’autres nous-mêmes (et ces deux amours ne sont qu’un seul et même amour), - l’amour de charité va de lui-même au bien* (BooksNgramViewer). *Милосердная любовь – любовь возлюбленного Бога превыше всего, любовь к ближнему, то есть, к людям, любимым Господом* (перевод Е.Ш.). 4) *Il a un touchant exemple de cette charité chrétienne, qui sait unir l’amour de bien-être physique à celui du bien-être moral de l’humanité* (BooksNgramViewer). *Он является трогательным примером этой христианской любви, которая умеет объединять любовь тела и духа всего человечества* (перевод Е.Ш.).

ЛСВ 2 – l’amour de Dieu (любовь к Богу как к высшему Началу) в словарях PLI, 1996; DUF, 1997; NPR, 2004; LDFC, 1992. 1) *Comme dit Jean, Dieu est amour, parce que la Vie s’aime elle-même d’un amour infini et éternel* (WUL). *Как говорит Жан, Бог есть любовь, потому что Жизнь любит себя сама бесконечной и вечной любовью* (перевод Е.Ш.). 2) *...Dieu nous a donné une lumière nouvelle sur lui-même dans l’amour de charité dont il a témoigné en se donnant aux hommes par l’Incarnation et par la grâce* (BooksNgramViewer). *Бог озарил нас новым светом своей милосердной любви, отдав Себя за Нас через Воплощение и милость божью* (перевод Е.Ш.). 3) *Cet amour de charité est d’abord amour de Dieu pour l’homme et ensuite amour de l’homme pour Dieu* (Books NgramViewer). *Эта милосердная любовь есть, прежде всего, любовь Бога к человеку, а затем любовь человека к Богу* (перевод Е.Ш.).

ЛСВ 3 – l’amour du prochain (любовь к ближнему, как принятие другого; как бескорыстная деятельность, без ожидания вознаграждения; жалость к обездоленным как совершение благодеяния) в словарях PLI, 1996; DUF, 1997; NPR, 2004; LDFC, 1992. 1) *Ayez la résignation, la charité, l’amour de vos semblables, et vous serez heureux un jour* (WUL). *Будьте смиренны, милосердны, любите себе подобных, и однажды вы станете счастливыми* (перевод Е.Ш.). 2) *Faire une chose par charité, par amour du prochain* (WIKIfr). *Сделать что-либо из милосердия, из любви к ближнему* (перевод Е.Ш.).

ЛСВ 4 – la charité paternal (отеческая любовь) в словарях LDMF, 1992: *Le Seigneur passa de Galilée en Judée, pour consommer dans Jérusalem le mystère de sa paternelle charité* (Books Ngram Viewer). *Господь приехал из Галилеи в Иудею, чтобы совершить в Иерусалиме таинство отеческой любви* (перевод Е.Ш.).

ЛСВ 5 – l’amour filial (сыновья любовь) в словарях LDMF, 1992. 1) *L’univers pourtant se compose d’une part de choses, d’objets, et de l’autre de personnes, de sujets. L’univers des objets est à notre disposition totale pourvu que nous les fassions servir à la charité fraternelle et filial envers Dieu* (Books Ngram Viewer). *Мир состоит из предметов и объектов, с одной стороны, и из людей, и содержания предметов, с другой стороны. Мир предметов находится в нашем полном распоряжении, при условии, что мы их используем во имя Божественного сыновства (братской и сыновней любви к Богу)* (перевод Е.Ш.).

ЛСВ 6 – l’affection (как отеческая любовь к детям; любовь безграничная, всепоглощающая; кроткая нежность, теплота, искреннее участие в жизни другого, оказавшегося в трудном положении) в словарях LDFM, 1992. 1) *Il n’y avait cependant que de la charité d’affection dans la conduite de Lionel. Lady d’Arquenay était dans un état de nonchalance malade, où la moindre occupation est une fatigue* (Books Ngram Viewer). *Однако в поведении Лионеля читалась только милосердная любовь. Леди д’Аркеней находилась в состоянии болезненной слабости, когда малейшая деятельность вы-*

ывает усталость (перевод Е.Ш.). 2) *Mais si la pratique de cette civilité chrétienne est utile pour nous, elle ne l'est pas moins pour les autres. S'ils sont spirituels, l'affection qu'on leur témoigne redouble leur charité ; et s'ils sont charnels, elle flatte, à la vérité, leur amour-propre, ce qui est un mal qui vient de leur mauvaise disposition* (Books Ngram Viewer). Если проявления христианской благовоспитанности являются полезными для нас, они не менее полезны и для других. Если они, в свою очередь, духовны, то любовь удваивает их милосердие; если же они являются плотскими (живущими по плоти), то она (l'affection – любовь) льстит их самолюбию, что является злом, которое происходит от плохих склонностей (перевод Е.Ш.).

ЛСВ7 – la bonté (милосердие как доброта, которая проявляет себя, являясь деятельной добротой; совершение добрых, милосердных дел, поступков по отношению к другому, чаще всего понимается по-богословски, как любовь к Богу и ближнему; в некоторых контекстах слово *charité* в значении *la bonté* может означать оказание почтения, знаков уважения, принятия во внимание, кротость, мягкость, снисходительность, обходительность по отношению к чувствам другого, что не имеет ничего общего с заботой о больных, нуждающихся в помощи или подаванием – подачей милостыни) в словарях DDFC, DUF. 1) *Si le précepte d'aimer Dieu, qui est le premier et le plus grand, oblige de faire quelquefois des actes de charité, comme il y oblige en effet, c'est surtout lorsque le pécheur est obligé de se convertir à lui, de rentrer en grâce avec lui, et d'obtenir le pardon de sa bonté* (Books Ngram Viewer). Если заповедь возлюбить Бога является первой и наиглавнейшей и обязывает совершать милосердные поступки, что она, в действительности, и обязывает, тогда грешник обязан присоединиться к нему, войти к нему в милость и получить прощение за свою доброту (милосердные поступки) (перевод Е.Ш.). 2) *Faites-moi la charité de m'écouter* (NPR). Будьте добры выслушать меня (перевод Е.Ш.). 3) *Par charité, ne le lui dites pas, cela pourrait l'attrister* (Books Ngram Viewer). По доброте (из милости) не говорите этого ему, это может его огорчить (перевод Е.Ш.). 4) *Ayez la charité de lui faire ce plaisir* (Books Ngram Viewer). Будьте добры (окажите любезность), доставьте ему это удовольствие (перевод Е.Ш.). 5) *Vous excusez sa négligence avec beaucoup de charité* (DDFC). Вы прощаете его небрежность своим добрым отношением (перевод Е.Ш.). 6) *Il a eu la charité de ne pas insister* (NPR).

ЛСВ8 – la charité comme organisme (милосердие как социальный институт: Ассамблея, обитель, госпиталь, церковь, богадельня, приют для бедных; благотворительная ярмарка, праздник или распродажа, финансовая выручка от которой, предназначается для благотворительных целей; община сестёр милосердия, медицинская сестра, санитарка по уходу за больными, ранеными, выполняющая раздачу лекарств, перевязку ран, перестилание постелей, раздачу пищи). В эпоху Великой французской революции проводятся Ассамблеи Милосердия, то есть праздничные проповеди, посвящённые важным событиям, происходящим в стране.

1) *Sermon pour l'assemblée extraordinaire de charité, qui s'est tenue à Paris, à l'occasion de l'établissement d'une Maison Royale de Santé, en faveur des ecclésiastiques & des militaires malades: prononcé dans l'Église des Religieux de la Charité, le 13 mars 1782* (Books Ngram Viewer). По случаю открытия Королевского Приюта для восстановления здоровья служителей церкви и ветеранов войны, 13 марта 1782 года в Париже состоялась чрезвычайная ассамблея милосердия, во время которой была прочитана проповедь в Церкви Монахов Милосердия (перевод Е.Ш.). В конце XX в. (с 1967 г.) создаются Обители Милосердия для привлечения мирян к разъяснению, защите и применению христианских принципов в решении современных проблем, для поддержания дел милосердия и начинаний по социальной помощи, для привлечения к сотрудничеству всех людей доброй воли.

2) *L'Œuvre des Foyers de Charité, reconnue par le Conseil Pontifical pour les Laïcs qui en a approuvé les statuts le 1er novembre 1986 (...), est une Association privée de fidèles ... de caractère international, au sein de laquelle des fidèles du Christ – clercs et laïcs – à l'exemple des premiers chrétiens, mettent en commun leurs biens matériels, intellectuels et spirituels pour vivre et annoncer ensemble l'Évangile* (Books Ngram Viewer). Создание Обителей Милосердия, признанно Папским Советом для Мирян, утверждено уставом от 1 ноября 1986 года (...), как Частная ассоциация верующих ..., которая носит международный характер, в рамках которой верующие во Христа – клирики и миряне – по примеру первых христиан, объединяют свои материальное состояние, интеллектуальные и духовные усилия, чтобы жить и проповедовать Евангелие (перевод Е.Ш.).

В XII в. в Европе монахами учреждается Орден Госпиталей Милосердия для приёма больных и неимущих прохожих. 3) *CHARITÉ-NOTRE-DAME (l'hôpital de la) était rue de la Chaussée-des-Minimes au coin du cul-de-sac des Hospitalières, n°2. Il fut bâti en 1629* (Books Ngram Viewer). Госпиталь

ШАРИТЕ-НОТР-ДАМ находился на улице де ля Шоссе-де-Миним в тупике де Оспитальер, № 2. Он был построен в 1629 (перевод Е.Ш.).

4) *Plusieurs actions ont été menées à partir et autour de ce premier travail: expositions, projections de films, et le colloque Immigration et culture en janvier 1993 à la Vieille Charité à Marseille* (Books Ngram Viewer). В январе 1993 года в (церкви и приюте) ля Вьей Шарите в Марселе были проведены многочисленные мероприятия, как в начале, так и в ходе этого первого проекта: выставки, показы фильмов, симпозиум на тему Иммиграция и культура (перевод Е.Ш.). 5) ... *La Charité n'existe plus, c'est devenu un bâtiment de fac* (WIKIfr). Госпиталь больше не существует, в этом здании сейчас университет (перевод Е.Ш.).

6) *Pour Ignace d'Antioche, l'Eglise est l'Agapé, la Charité* (Books Ngram Viewer). Для Игнатия Антиохийского (святой игнатий Богоносец, епископ Антиохийский), церковь это любовь, милосердие (перевод Е.Ш.).

7) *C'est sûrement la plus grande manière de designer l'Eglise que de l'appeler la Charité, l'Amour* (Books Ngram Viewer). Конечно, наиболее почётным именем для церкви будет назвать её (именно) Милосердием, Любовью (перевод Е.Ш.).

8) *Le Bazar de la Charité installé en 1885, est, à l'origine, un consortium de plusieurs œuvres de bienfaisance, qui louent un local ou un espace d'exposition en commun, afin de réduire leurs dépenses et de permettre de grouper acheteurs et invités* (Books Ngram Viewer). Базар де ля Шарите учреждённый в 1885, изначально представлял собой ассоциацию нескольких благотворительных организаций, арендующих совместно площади или выставочные помещения для сокращения своих расходов и привлечения покупателей и гостей (перевод Е.Ш.).

9) В марте 1844 г. в Санкт-Петербурге по инициативе и на средства Великой княгини Александры Николаевны (младшая дочь Николая I) была основана первая в России Свято-Троицкая община сестёр милосердия. Согласно уставу её целью было попечение о бедных больных, утешение скорбящих, воспитание бесприютных детей. Во времена Крымской войны (1853–1856), Великая княгиня Елена Павловна с согласия Николая I создала первую в России военную общину сестёр милосердия с перевязочными пунктами и подвижными лазаретами (ссылка Источники – 2).

a) *Les Filles ou Soeurs de la Charité étaient rue du Faubourg-Saint-Denis, № 112, en face les bâtiments de Saint-Lazare, au coin sud-ouest de la rue Saint-Laurent. Cette institution, due à saint Vincent-de-Paul, datait du commencement du dix-septième siècle; il était le chef-lieu de toutes les maisons des soeurs de charité* (Books Ngram Viewer). Община Девушек или Сестёр Милосердия находилась на улице дю Фобур-Сен-Дени, № 112, напротив построек вокзала Сен-Лазар, на юго-западной стороне улицы Сен-Лоран. Это заведение связано с именем святого Венсан-де Поль, датируется началом семнадцатого века; оно считалась центральным по отношению ко всем общинам сестёр милосердия (перевод Е.Ш.).

b) *La Congrégation des soeurs de la charité d'Evron est une société de filles pieuses, réunies dans une vie commune, sous la protection des lois et l'autorité de Monseigneur l'évêque du Mans* (Books Ngram Viewer). Конгрегация сестёр милосердия коммуны Эврон это община благочестивых девушек, объединённых для совместного проживания под защитой закона и властью его преосвященства епископа города Манс (перевод Е.Ш.).

c) *Dames de Charité – sont nommées par les bureaux. – Sont spécialement attachées à l'une des divisions. – Leurs fonctions. – Doivent visiter les pauvres au moins tous les trois mois* (Books Ngram Viewer). Дамы Милосердия назначаются организациями. Они непосредственно приписываются к одному из подразделений. Они должны посещать нуждающихся не реже одного раза в три месяца (перевод Е.Ш.).

ЛСВ9 – la charité est le nom propre – название улицы, 1) *La Charité (rue de la) commence Saint-Laurent, et finit rue de la Fidélité* (Books Ngram Viewer). Улица Шарите начинается от улицы Сен-Лоран, и заканчивается улицей де ля Фиделите (перевод Е.Ш.). 2) *La rue de la Charité est une rue du 2e arrondissement de Lyon qui relie la place Bellecour au cours de Verdun. Elle est située sur la Presqu'île de Lyon dans le quartier d'Ainay* (WIKIfr). Улица де ля Шарите находится во втором округе Лиона, и соединяет площадь Бэлькур с проспектом де Верден. Она расположена на лионском полуострове в квартале д'Эней (перевод Е.Ш.).

ЛСВ10 – la charité est le nom propre – спортивная команда 1) *Troisième victoire consécutive de La Charité samedi: «On ne se donne pas de limite»* (Books Ngram Viewer). Третья победа подряд (команды) ля Шарите: «Мы не ставим себе ограничений» (перевод Е.Ш.). Lors des deux dernières saisons en N2, La Charité avait pris l'habitude de (presque) toujours gagner à la maison (Books Ngram Viewer).

За последние два сезона участия в национальном первенстве у (команды) ля Шарите вошло в привычку всегда (или почти всегда) побеждать дома (перевод Е.Ш.).

ЛСВ11 – la charité est le nom propre – коммуна (департамент Ньевр, регион Бургонь-Франш-Конте) 1) *Le 19 juin 1940, en pleine déroute française, les troupes allemandes découvrent, par hasard, à la Charité-sur-Loire, un train abandonné transportant les archives secrètes du Grand quartier general français* (WIKIfr). 19 июня 1940 года при полном поражении французской армии немецкие войска случайно обнаруживают в Шарите-сюр-Луар, заброшенный поезд, перевозящий секретные архивы французского штаба сухопутных войск (перевод Е.Ш.).

ЛСВ12 – la charité est le nom propre – вокзал (французский железнодорожный вокзал де ля Шарите расположен на территории коммуны дё ля Шарите-сюр-Луар в департаменте Ньевр, регион Бургонь). 1) *La Charité est une gare de la Société nationale des chemins de fer français (SNCF) desservie par des trains express régionaux de Bourgogne* (WIKIfr). Ля Шарите – это вокзал, принадлежащий Национальной компании французских железных дорог, обслуживаемый скорыми региональными поездами Бургундии (перевод Е.Ш.).

ЛСВ13 – la charité est le nom propre – школа (в коммуне Сен Пол де Леон, департаменте Финистер (29), регион Бретань). 1) *Pour démarrer l'année, les CE1/CE2 de l'école La Charité se sont rendus à la Maison Prébendale de St Pol de léon pour visiter une exposition intitulée: «Le mariage: costumes et traditions aux XIXe et XXe siècles»* (WIKIfr). Чтобы отметить начало учебного года, ученики начальных классов школы Ля Шарите посетили выставочный зал в Сен-Пол де Леон, чтобы познакомиться с экспозицией: «Свадьба: костюмы и традиции 19 и 20 веков».

ЛСВ14 – l'aumône – милосердие как подавание, милостыня, пожертвование, дар, в том числе и духовный, в словарях DUF, LDFC. Таким образом, рассматривая Милосердие с точки зрения Православной церкви, можно условно разделить его на два вида – телесное и духовное.

А) «Дела милости, которая оказывается телу, – накормить голодного, одеть нагого или имеющего недостаток в одежде, посетить больного и заключенного, с христианским достоинством погresti тех, кто умер в нищете» (ссылка Источники – 1).

1) *C'est un pauvre vieux qui vit des charités de ses voisins* (DDFC). Этот несчастный старик жил на пожертвования своих соседей (перевод Е.Ш.).

2) *Les mains tendues horizontalement des trois personnages véhiculent cette idée de faiblesse nécessitant le besoin et la charité* (le tableau de J-L David "Bélisaire demandant l'aumône", WUL, октябрь). Горизонтально протянутые руки трёх персонажей передают идею слабости, приводящей к бедности и милостыне (картина Ж-Л. Давида «Велизарий, просящий подавание», перевод Е.Ш.).

3) *Quatrième de cinq enfants d'un père autrichien, sa jeunesse fut difficile, avec l'emprisonnement de son père, son évasion, la mise sous séquestre des biens familiaux, ce qui contraignit la famille à vivre de charité* (WIKIfr). Четвёртый в семье из пяти детей, его юность была трудной. Его отец – австриец по национальности, был заключён в тюрьму, бежал, и наложение ареста на семейное имущество заставило семью жить на подавание (перевод Е.Ш.).

Б) Духовное милосердие, милость, оказываемая духу, или душе человека... это научение истине и добру, это чистосердечный совет и предупреждение об опасности, это утешение в скорбях, искренне прощение, молитвы о других людях (ссылка Источники – 1).

1) *La glorification. C'est ici que le prix inestimable de la grâce paroît dans tout son éclat, la foi nous faisant connoître l'excellence infinie de la gloire et de la vie éternelle. Il faut avouer que nous la recevons non comme une chose due, mais comme une pure grace; que Dieu nous la donne non par obligation, mais par charité* (Books Ngram Viewer). Прославление. Именно в этом состоит бесценность благодати, которая проявляется во всём своём сиянии. Вера сообщает нам о превосходстве бесконечной славы и вечной жизни. Нужно осознать, что мы её получаем не за что-то, но как чистую благодать, которую Бог нам даёт не по обязанности, но в дар (перевод Е.Ш.).

2) *Ainsi donc, l'Eglise se sent débitrice, envers l'humanité entière et envers chaque homme, du don reçu de l'Esprit Saint, qui répand dans le coeur des croyants la charité de Jésus-Christ, force de cohésion interne et tout à la fois d'expansion au dehors* (WUL, октябрь). Таким образом, церковь чувствует себя распространительницей дара, полученного от Святого Духа, как в отношении всего человечества, так и каждого человека в отдельности, наполняющего сердца верующих духом благодати Иисуса Христа, усиливая внутреннее единство и одновременно распространяясь во вне (перевод Е.Ш.).

ЛСВ15 – la bienfaisance – благотворительность, благотворительная или гуманитарная помощь, оказываемая бескорыстно или на добровольных началах, безвозмездное пожертвование частных или государственных ресурсов без какого либо возмещения или оплаты, в словаре NPR.

1) *Un bon tiers des Zimbabwéens survit de la charité international* (WUL, октябрь). Большая треть жителей Зимбабве выживает благодаря международной благотворительной помощи (перевод Е.Ш.).

2) *Des initiatives d'accueil, de charité et de solidarité envers les victimes et les personnes déplacées ont commencé la lente guérison des cœurs meurtris* (WUL, октябрь). Действия по приёму, оказанию помощи и взаимопомощи по отношению к пострадавшим и беженцам постепенно начали исцелять измученные сердца (перевод Е.Ш.).

3) *La distinction remise à Shakira souligne ses efforts au sein de la fondation Barefoot, un organisme de charité apportant soutien aux enfants victimes de violence en Colombie, pays natal de l'artiste* (WUL, октябрь). Награда, вручённая Шакире подчёркивает её усилия, вложенные в работу фонда «Босые ноги», благотворительной организации, оказывающей поддержку детям, ставшим жертвами насилия в Колумбии, родной стране певицы (перевод Е.Ш.).

4) *Les établissements de charité et de bienfaisance existant dans le département, offrent des asiles à tous les genres d'infortune* (Books Ngram Viewer). Учреждения милосердия и благотворительности, существующие в департаменте, предоставляют кров всем нуждающимся (перевод Е.Ш.).

5) *Adoption chats sans abris étant enregistré comme organisme de bienfaisance, un reçu de charité peut être émis en échange d'un don* (WUL, ноябрь). Приют бездомных кошек, зарегистрированный в качестве благотворительной организации, делает возможным признать милосердие взамен пожертвования (перевод Е.Ш.).

ЛСВ 16 – le bienfait envers les pauvres – совершение благодеяния, проявление щедрости, приношение, оказание помощи, внесение своей лепты, пожертвования, приношение пользы бедным, нуждающимся, в словаре NPR 1) *Rien de comparable à la misère de ces pauvres gens dans ces périodes de disette; il en est qui meurent d'inanition, quand la charité de leurs voisins ne vient pas à leur aide* (Books Ngram Viewer) Ничто не сравнится со страданием этих несчастных людей в периоды неурожая; есть те, кто умирает от голода, если благодеяния соседей не приходят им на помощь (перевод Е.Ш.).

ЛСВ17 - la bienveillance – доброжелательность, дружелюбие, благосклонность, благорасположение; расположение, хорошее отношение к младшему, к подчинённому, в словаре LDMF (*sympathie, amitié*) доброжелательность, доброта, благоволение, милость, в словаре LDMF

1) *Sa charité a fait de lui l'ami de tous les humbles* (DDFC). Дружелюбное отношение сделало его другом всех обездоленных (перевод Е.Ш.).

2) *Il a eu la charité de passer sous silence un épisode peu glorieux pour moi* (DDFC). Он благосклонно обошёл молчанием бесславное происшествие, случившееся со мной (перевод Е.Ш.).

ЛСВ18 – la pitié – жалость как проявление сочувствия и сострадания, снисходительности; просьба о пощаде, о милости. 1) *Panurge, c'est le nom de ce personnage qui joue un grand rôle dans la suite du roman, pour étaler sa science, ne lui répondit en français qu'après lui avoir demandé la charité en douze langues différentes; et Pantagruel enchanté de cet aventurier, se l'attacha et l'aima toute sa vie* (Books Ngram Viewer). Панург, таково имя персонажа, который играет большую роль в романе; чтобы показать свою учёность, ответил ему (Пантагрюэлю) по-французски только после того, как попросил о проявлении сочувствия и сострадания на двенадцати различных языках; после чего Пантагрюэль, очарованный этим авантюристом, привязался к нему и полюбил его на всю жизнь (перевод Е.Ш.). 2) *Pour une fille des champs qui dans sa jeunesse n'avait recolté que de mauvais traitements, pour une pauvre recueillie par charité, le rire du père Grandet était un vrai rayon de soleil.* (Honore de BALZAC, Eugénie Grandet, 1834; p. 221 del'éd. HOUSSIAUX de 1855) Для дочери полей, которая в своей юности пожинала только дурное обращение, для нищенки, взятой из жалости, двусмысленный смех отца Гранде, был настоящим солнечным лучом (перевод Е.Ш.).

Заключение

Анализ словарных толкований позволяет выделить 18 лексико-семантических вариантов слова *Милосердие*, что указывает на широкий семантический потенциал этой языковой единицы. Дальнейший анализ лексико-семантических вариантов слова *Charité*, полученных при работе с Books Ngram Viewer – онлайн сервисом для исследовательских целей, корпусом Лейпцигского университета, где представлены примеры современной речи, СМИ, а так же со словарными статьями французских энциклопедических и толковых словарей, словаря синонимов позволит определить содер-

жательно-смысловое ядро концепта *Charité* во французском языковом сознании и соотнести полученный результат со значением слова Милосердие в русской языковой картине мира.

Список литературы

1. Языковая картина мира и системная лексикография. В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, Т.В. Крылова. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2006, 912 с. *Studia philologica*
2. Александрова А.П. Принципы адекватного лексикографического описания языковых единиц и их применение в современной лексикографии. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева» Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2016. С. 71–72
3. Шерстяных И.В. Лексикографическое портретирование слова (на примере интегрального описания слова «жизнь»). Иркутск: Изд-во «Евразийский лингвистический институт», 2014. С. 26–27.
4. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. Москва: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
5. Баженова Е.А., Шенкман В.И. Номинативное поле концепта «Школа» // Российская и зарубежная филология. Вып. 4 (24), Пермь, 2013. С. 91–97.
6. Гак В.Г. Лексическое значение // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. Москва: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. Репр. изд. 704 с., 16 с. вкл. С. 213–214.
7. Новиков Л.А. Семантическая структура слова // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. Москва: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. Репр. изд. 704 с., 16 с. вкл. С. 455–457.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314, [6] с.
9. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. Москва, 1976. С. 147–179.

Список словарей

1. Le petit Larousse illustré, 1996, en couleurs LAROUSSE 17 rue de Montparnasse 75298 Paris Cedex 06 (Малый иллюстрированный Лярус).
2. Dictionnaire universel phrancophone Hachette Edicef (AUELF-UREF Agence francophone pour l'enseignement superieur et la recherche. Direction: Michel Guillou, Marc Moingeon. Le dictionnaire U.F. est édité sous la responsabilité de Jacques Demougin. Editeur et coordinateur general Hubert Lucot (Универсальный франкофонный словарь).
3. Le nouveau PETIT ROBERT, dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle édition du PETIT ROBERT de Paul Robert. Texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Dictionnaires LE ROBERT – Paris, 2004 (Новый малый Робер).
4. LAROUSSE DICTIONNAIRE DU MOYEN FRANCAIS. LA RENAISSANCE, 1992 (словарь французского языка средних веков, Ренессанс).
5. Larousse dictionnaire du francais classique, le XVII s (Лярус, словарь классического французского языка с 12 века, 1992).
6. Dictionnaire du Français contemporain, Librairie Larousse, Paris, 1966 (Словарь современного французского языка, Либрери Лярус).
7. Dictionnaire topographique, étymologique et historique des rues de Paris... accompagné d'un plan de Paris, Auteur J. De La Tynna, 1812, Original provenant de l'Université Complutense de Madrid, Numérisé 27 avr. 2010, 489 p.
8. Dictionnaire françois de la langue oratoire et poétique: suivi d'un vocabulaire de tous les mots qui appartiennent au langage vulgaire, Volume 1, Joseph Planche, Gide fils, 1819, Original provenant de l'Université du Michigan, Numérisé 7 sept. 2005.
9. Bibliothèque sacrée, ou Dictionnaire universel historique, dogmatique, canonique, géographique et chronologique des sciences ecclésiastiques . Volumes 7 à 8, Charles Louis Richard, Édition réimprimée, Éditeur Boiste fils aîné, 1823, Original provenant de l'Université du Michigan, Numérisé 8 sept. 2007.
10. Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва. Том 2 (Е-МУЖ) Издательство «Прогресс», Москва 1967. 671 с., (в 4-х томах).
11. Новая философская энциклопедия в 4 т. / Ин-т философии РАН, нац.-общ. науч. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Стёпин, заместитель предс. А.А. Гусейнов, А.П. Огурцов. Том 2. Москва: Мысль, 2001. 634 с.
12. Словарь по социальной педагогике. Автор–составитель Л.В. Мардахаев. Москва: АCADEMA 2002, 364 с.
13. Словарь русского языка. Ожегов С.И. Москва: Редакция филологических словарей русского языка. Издательство «Русский язык» В/о «Совэксспорткнига» Государственного Комитета СССР по печати, 1990. 916 с.
14. Словарь синонимов Dictionnaire des synonymes de la langue française / Pierre RIPERT. Booking international, Paris, 1994.
15. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия, под ред. Г.Н. Складневской. Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 944 с.
16. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Том 2. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. 1039 с.

17. Харченко В.К. Словарь богатств русского языка: АСТ: Астрель, 2006. 843б [5] с

18. Этика: Энциклопедический словарь / Под редакцией Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. Москва: Гардарики, 2001. 671 с.

Электронные ресурсы

1. WUL – URL: www.wortschatz.uni-leipzig.de (дата обращения: сентябрь-ноябрь 2016).
2. WIKIfr – URL : <https://fr.wiktionary.org/wiki/charité> (дата обращения: сентябрь 2017).
3. BIBLEcom – URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=1+Corinthiens+13&version=BDS> (дата обращения: сентябрь 2017).
4. Библия синодальный перевод. URL: <https://bible.by/syn/53/13/> (дата обращения: сентябрь 2017).
5. Honoré de BALZAC, Eugénie Grandet, 1834 ; p. 221 del'éd. HOUSSIAUX de 1855 (дата обращения: сентябрь 2017).
6. Dictionnaire françois de la langue oratoire et poétique: suivi d'un vocabulaire de tous les mots qui appartiennent au langage vulgaire, Volume 1, Joseph Planche, Gide fils, 1819, Original provenant de l'Université du Michigan, Numérisé 7 sept. 2005. <https://books.google.ru/books?id=60et1XRL8M0C> (дата обращения: сентябрь 2017).
7. Dictionnaire topographique, étymologique et historique des rues de Paris... accompagné d'un plan de Paris, Auteur J. De La Tynna, 1812, Original provenant de l'Université Complutense de Madrid, Numérisé 27 avr. 2010, 489 pages [https://books.google.ru/books?id=DodhsRYHiUcC&pg=PA97&dq="charité"&hl=fr&sa=X&ved=0ahUKEwiTzta67cHWAhUDzRQKHeO-BooQ6AEILTAB#v=onepage&q=%22charit%C3%A9%22&f=false](https://books.google.ru/books?id=DodhsRYHiUcC&pg=PA97&dq=) (дата обращения: сентябрь 2017).
8. L'Ami de la religion: journal ecclésiastique, politique et littéraire ..., Volume 2
Éditeur A. Le Clere., 1814, Original provenant de l'Université du Michigan, Numérisé 2 juin 2007
[https://books.google.ru/books?id=YwE2AAAAMAAJ&pg=PA216&dq="charité"&hl=fr&sa=X&ved=0ahUKEwiTzta67cHWAhUDzRQKHeO-BooQ6AEINzAD#v=onepage&q=%22charit%C3%A9%22&f=false](https://books.google.ru/books?id=YwE2AAAAMAAJ&pg=PA216&dq=) (дата обращения: сентябрь 2017).
9. Bibliothèque sacrée, ou Dictionnaire universel historique, dogmatique, canonique, géographique et chronologique des sciences ecclésiastiques ...; Volumes 7 à 8, Charles Louis Richard, Édition réimprimée, Éditeur Boiste fils aîné, 1823, Original provenant de l'Université du Michigan, Numérisé 8 sept. 2007
[https://books.google.ru/books?id=O7FIAAAAAMAAJ&pg=RA1-PA222&dq="charité"&hl=fr&sa=X&ved=0ahUKEwitsbKihMLWAhXIFJoKHeHIC28Q6AEIJzAA#v=onepage&q=%22charit%C3%A9%22&f=false](https://books.google.ru/books?id=O7FIAAAAAMAAJ&pg=RA1-PA222&dq=) (дата обращения: сентябрь 2017).
10. Histoire universelle, Volume 8 Par Cesare Cantù, Librairie Historique-Artistique, 1845, Original provenant de l'Université de Gand, Numérisé 20 nov. 2009 [https://books.google.ru/books?id=kKg_AAAAaAAJ&pg=PA62&dq="charité"&hl=fr&sa=X&ved=0ahUKEwitsbKihMLWAhXIFJoKHeHIC28Q6AEISjAG#v=onepage&q=%22charit%C3%A9%22&f=false](https://books.google.ru/books?id=kKg_AAAAaAAJ&pg=PA62&dq=) (дата обращения: сентябрь 2017).
11. Statistique administrative et historique du département de la Meurthe, Carte géographique par Louis Antoine Michel, 1822, Original provenant de l'Université du Michigan, Numérisé 5 juin 2006, 587 pages [https://books.google.ru/books?id=jshUfJdW73cC&pg=PA125&dq="charité"&hl=fr&sa=X&ved=0ahUKEwitsbKihMLWAhXIFJoKHeHIC28Q6AEIWjAJ#v=onepage&q=%22charit%C3%A9%22&f=false](https://books.google.ru/books?id=jshUfJdW73cC&pg=PA125&dq=) (дата обращения: сентябрь 2017).

Список сокращений

- 1) WUL – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета.
- 2) WIKIfr – Википедия. Свободная энциклопедия.
- 3) BIBLEcom – La Bible Du Semeur. Библия Онлайн.
- 4) Books Ngram Viewer – онлайн сервис для исследовательских целей.
- 5) NPR – Le nouveau PETIT ROBERT, dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française.
- 6) PLI – Le petit Larousse illustré.
- 7) DUF – Dictionnaire universel phranchophone.
- 8) LDMF – LAROUSSE DICTIONNAIRE DU MOYEN FRANCAIS.
- 9) LDFC – Larousse dictionnaire du français classique.
- 10) DDFC – Dictionnaire du Français contemporain.
- 11) ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка.
- 12) ТСРЯ – Толковый словарь русского языка.
- 13) ТССРЯ – Толковый словарь современного русского языка.
- 14) ССП – Словарь по социальной педагогике.
- 15) СРЯ – Словарь русского языка.

Источники

- 1) <http://miloserdiedv.ru/miloserdie-bogoslovie-i-zhizn-pravoslavnoj-tserkvi/>
- 2) <http://gazeta-bam.ru/articles/media/2014/3/13/kto-takie-sestryi-miloserdija/>
- 3) <http://dictionnaire.sensagent.leparisien.fr/Gare%20de%20La%20Charité/fr-fr/>
- 4) <http://philology.ru/linguistics1/trubachev-76.htm>
- 5) <https://www.bible-center.ru/bibletext/lu/10:25-37>
- 6) <http://www.panoramadelart.com/Vertus-theologiques>

Shalgina E.A.

*Senior Lecture, Linguodidactics Department,
Perm State University*

SEMANTIC FIELD OF THE CONCEPT «Charité / Милосердие»

Linguistic description of concept implies creating of its semantic field. Lexical semantic variants are analyzed using the data from dictionaries. Cognitive and pragmatic approach used for researching of the word semantics enables us to identify content meaning concept structure more precisely and from different sides.

УДК 81'42

Арутюнян Лидия Арменовна

Магистрант, факультет иностранных языков и литератур,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

614990, Пермь, ул. Букирева, 15.

Тел.: (342) 239-66-37, e-mail: li1707aru@gmail.com

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ОДОРЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ПАРФЮМЕРНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена описанию наименований запахов (одорем) в парфюмерном дискурсе английского и русского языков на материале прагматонимов. Контрастивный анализ одорем в сравниваемых языках позволил сделать вывод о том, что англоязычные и русскоязычные названия парфюмерных ароматов представлены как прямой номинацией, указывающей на определенный запах, так и косвенной номинацией (метафоры, аббревиация, словосложение). В английском языке способы образования новых одорем являются структурно-семантическими (суффиксация, словосложение, аббревиация), в русском – в основном с помощью метафорического переноса.

Ключевые слова: эвокация, одорема, одорический код, контрастивный анализ, дискурс, парфюмерный дискурс, прагматоним.

Введение

Ольфакция (одорика) – наука о языке запахов – одна из важнейших систем невербальной коммуникации. В различных сферах науки обонятельные ощущения человека рассматриваются не только как физиологические возможности его организма, но и как духовный материал. Известно, что человек не только воспринимает и распознает запахи, но, испытав на себе их воздействие, интерпретирует их по-своему. Об этом написано немало исследований, посвященных теории восприятия запаха [Левинсон, 2000; Плужников, 1991 и др.]. С начала нового тысячелетия наблюдается возрастающий научный интерес к природе запаха и его влияния на процесс коммуникации. Исследованию одорического компонента в речевой коммуникации посвятили труды отечественные и зарубежные лингвисты [Никитина, 2006; Эко, 2004 и др.]. В данных исследованиях одорический компонент рассматривается как факт культуры; в семиотике – науке о знаках – как код, имеющий разные одорические смыслы, которые содержатся во всех видах искусства. На стыке культуры и языка проведены исследования слов с семой «запах».

Основная часть

В современной лингвистике развиваются положения теории эвокационного исследования, направленного на изучение взаимодействия текстов с внешним миром [Василенко, 2007; Савочкина, 2008; Чувакин, 2004 и др.]. В процессе обзора литературы, посвященной эвокационным исследованиям в языке, было обнаружено отсутствие значительных работ в области одорического кода в рамках компаративной лингвистики. Более того, не обнаружены работы, предметом которых является изучение наименований запахов как языковых репрезентаций когнитивных действий человека в рамках конкретной лингвокультуры. Немногочисленны работы, посвященные языковой специфике парфюмерного дискурса; отсутствуют контрастивные исследования данного дискурса.

Выявленные особенности и проблемы заслуживают, по нашему мнению, дальнейшего изучения, в частности, исследование языковых средств выражения одорического кода в парфюмерном дискурсе разносистемных языков. Актуальность исследования обусловлена устойчивой тенденцией изучения знаковых систем, проблем порождения и интерпретации дискурса, соотношения языковых средств текста с ментальными образами.

Объектом исследования являются одоремы, представленные в англоязычном и русскоязычном парфюмерном дискурсе. Предмет исследования – вербальные средства выражения одорем, созданных в современном парфюмерном дискурсе. Материалом исследования послужили англоязычные и

русскоязычные прагматонимы парфюмерной тематики. Преследуя цель отбора примеров одорем, мы выбрали прагматонимы, в которых наиболее ярко представлены языковые средства выражения наименования запахов. Совокупность текстов, содержащих одорические компоненты, репрезентирующие познавательную деятельность, формируют парфюмерный дискурс.

Многочисленные определения дискурса можно свести к двум группам. В первой содержание понятия «дискурс» синонимично понятию «текст». В таком случае дискурс возводят до статуса речи (в широком смысле), и текст становится его частью (В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова, Н.В. Петрова, В.Е. Чернявская, Т.В. Милевская).

Вторая точка зрения трактует дискурс как процесс коммуникации: «текст плюс ситуация», а текст, соответственно, определяется как «дискурс минус ситуация». Так, дискурс характеризует Н.Д. Арутюнова, понимая под ним «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1990]. Подобное явление отмечают и в работах известного лингвиста В.И. Карасика. По мнению этого исследователя, дискурс – это «текст, погруженный в ситуацию общения» [Карасик, 2004, с. 5]. Таким образом, дискурс и текст не отождествляют, а рассматривают как смежные понятия.

Т.А. ван Дейк дает определения дискурсу в широком и узком смыслах. Так, дискурс в широком смысле есть «коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте». Данное понимание дискурса характерно для второй группы определений этого понятия (дискурс как процесс коммуникации). Под дискурсом в узком смысле Т.А. ван Дейк понимает завершённый или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами [Ван Дейк, 2002].

Из всего многообразия определений дискурса в данной статье за основу взято определение Н.Д. Арутюновой, потому что в рамках нашей темы принципиальное значение имеет связь дискурса с социальными явлениями. В этой связи под дискурсом понимаем текст, существующий в ситуации общения в единстве с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными и психологическими факторами [Арутюнова, 1990].

В нашем исследовании парфюмерный дискурс – это любой текст о парфюмерии. В массмедийных текстах в частности в рекламе, одоремы широко представлены, поэтому выбор материалом исследования прагматонимов (= словесных товарных знаков по Н.В. Подольской и И.В. Крюковой) считаем наиболее убедительным.

В рамках данной статьи мы выделяем новые одоремы, функционирующие в парфюмерном дискурсе, классифицируем их и определяем способы их создания. Исходя из вышеперечисленных критериев, мы осуществили выборку из англоязычных и русскоязычных прагматонимов и выявили 78 наименований ароматов. В статье рассмотрены содержание и смысл понятия «одорический код», «одорема» и «эвокация» как ключевых понятий исследования.

Одорический код есть компонент коммуникативной системы, имеющий материальный показатель – запах, воспринимаемый с помощью рецепторов обоняния. В тексте одорические знаки представлены с помощью языковых средств. Эти знаки имеют две стороны – внешнюю (форму) и внутреннюю (обозначаемое), то есть формальная сторона одорического знака – это сам запах, содержательная – наименование объекта, использующегося по назначению. Исходя из вышесказанного, одорический код – совокупность понятий и представлений о запахе, основанных на реалиях действительности и его языкового выражения, служащего для передачи информации о запахе в сообщении. Одорический знак состоит из запаха-реалии, запаха-образа и запаха-описания [Эко, 2004]. В данном исследовании нас интересует третья составляющая этого знака. Следующий термин «эвокация» широко применим в лингвистических исследованиях. Под этим понятием подразумевается «языковое выражение одорического знака в тексте» [Василенко, 2007, с. 83]. Эвокация создает определенные модели, «вызывающие припоминание запаха и соответствующие ему обонятельные реакции» [Там же].

С точки зрения лингвопрагматических установок автору наименования запаха, аромата важно учитывать то, что одорема вызывала бы правильные ассоциации и припоминания у реципиента. Особенно это важно при создании наименований различных парфюмерных продуктов. Иногда название аромата способно заинтересовать больше, чем сам аромат.

В материалах исследования мы анализируем одорему. Данная лексема не зафиксирована в лексикографических источниках, но в них дана дефиниция слову «одорический» – «свойство предме-

та, вещества, воздуха, действующее на чувство обоняния; различные вещества, присутствующие в окружающей среде, воспринимаемые посредством органов обоняния» [Словарь русского языка, Т. 1, с. 999]. В рамках темы данной статьи под одоремой мы понимаем наименование парфюмерного продукта. Классификацию одорем мы разработали на основании типологии парфюма в рамках теории эвокационных исследований. В парфюмерном дискурсе функционирует понятие «парфюмерный тип», под которым подразумевают «общее строение и впечатление, производимое ароматом, благодаря использованию тех или иных нот» [Топ-косметика. Типы запахов, 2013]. Таким образом, предложенная классификация одорем в парфюмерном дискурсе создана на основании ингредиентов, входящих в состав парфюмерии:

1. Цитрусовые запахи: «*Light Blue*», «*Limes*», «*I Love Love*», «*In Red*», «*Aqua Allegoria Pamplelune*», «*Aqua Allegoria Mandarine-Basilic*».

В русском языке одорем цитрусовых запахов в парфюмерном дискурсе не обнаружено. Английские номинации представлены как прямые (указывающие на аромат («*Limes*»), так и косвенные («*Light Blue*», «*I Love Love*»). Последние одоремы не содержат эвокационных сигналов, указывающих на определенный аромат, поэтому будут понятны только тем, кто знает данный парфюмерный продукт. Эти способы номинации представлены во всех следующих группах одорем.

2. Цветочные ароматы представлены двумя группами одорем:

а) «одноцветные» одоремы: «*Tuberose*», «*White rose*», «*Дивная сирень*», «*Ландыш*», «*Mimosa*», «*Lavender*»

б) «многоцветные» одоремы: «*Любимый букет императрицы*», «*Houbigant*», «*Bali Dream*».

3. Фруктовые запахи: «*Be Delicious*», «*Brasil Dream*», «*Apple Splash*», «*Фруктовый бриз*».

4. Ориентальные ароматы (восточные): «*Dioressence*», «*Opium*», «*Burberry Body*», «*Intuition*», «*Пиковая дама*».

Для «восточной» парфюмерии характерны запахи ванили, дерева и смолы; обязательно присутствует шлейф.

5. Пряные ароматы: «*Kobako*», «*Poison*», «*Танго*».

Под пряными ароматами понимают парфюмерные композиции, имеющие запахи корицы, кардамона, гвоздики, лаванды.

6. Фужерные ароматы: «*Hypnose*», «*English Lavender*».

Под фужерными ароматами понимают парфюмерные композиции, имеющие запахи бергамота, кумарина, обязательно присутствие шлейфа.

7. «Зеленые запахи»: «*Chanel № 19*», «*Paris*», «*Блеск*», «*Изумруд*».

К этой группе одорем относят парфюмерные композиции, включающие запахи розмарина, лаванды, можжевельника, сосны, гиацинта, то есть они имеют запахи зеленой травы и свежести.

8. Древесные ароматы: «*Knowing*», «*Vetiver*», «*Золотая амбра*», «*Tem-a-tem*».

Древесные ароматы отличаются запахом сандала и пачули, ветивера, сюда же относят «морские» древесные ароматы мирты, мускуса и голубого ириса.

Чаще всего древесные ароматы – это мужская парфюмерия.

9. Кожаные запахи: «*Ramage*», «*English Leather*», «*Black Suede*», «*Aoud Leather*».

Сухие нотки с явным запахом кожи (дым, табак) присутствуют в данных парфюмерных продуктах. Иногда в них есть некоторые цветочные оттенки.

10. Шипровые запахи: «*Chypre*», «*Diorella*», «*Derby*», «*Elena*» (производство «Новая Заря»), «*Вечерний Кузнецкий Мост*».

Основные ноты шипровых запахов – ароматы дубового мха, шалфея, лаванды, ладаника-лабданума, пачули, бергамота.

Отметим, что не все из перечисленных парфюмерных продуктов относятся к одному конкретному виду аромата. Так, некоторые из них могут содержать в себе ноты и цитрусовых, и морских ароматов, другие – шипровых и древесных. Например, парфюмерная вода «*Aqua Allegoria Pamplelune*» и «*Aqua Allegoria Mandarine-Basilic*» сочетают в себе цитрусовые ноты, фруктовые и морские.

Далее рассмотрим, с помощью каких способов образованы названия данных одорем на материале прагматонимов. Наиболее распространенный способ образования названий ароматов – суффиксация. В рекламной деятельности очень часто используют этот словообразовательный прием. Например, в одореме «*Florissa*» присутствует заимствованный итальянский суффикс *-issa*. Среди русских названий парфюмерии такой способ образования не обнаружен. Очень часто среди одорем английского языка встречаются неологизмы, образованные путем сложения: *Dioressence*. Среди русских одорем не обнаружены неологизмы.

Англоязычные одоремы образуются путем сокращения, или аббревиации:

Young Sexy Lovely – вариант расшифровки аббревиатуры *YSL*. По сути, такое сокращение требует расшифровки, понимается реципиентом как элемент языковой игры, однако, как правило, такая одорема не содержит эвокационных сигналов, если ее сложно расшифровать.

В русских названиях парфюмерных продуктов чаще всего отсутствуют словообразовательные способы и графические изменения. Русские одоремы образуются с помощью прямой номинации, содержащей эвокационный сигнал, указывающий на конкретный запах («*Ландыш*», «*Мускус*», «*Белый чай*»). Другие русские одоремы создаются с помощью метафорического переноса, построенного на образах и ассоциациях («*Энергия огня*», «*Желание*», «*Цветок ночи*»).

Заключение

В огромном мире парфюмерной продукции мы рассмотрели некоторые прагматонимы для составления примерной картины русского и английского парфюмерного дискурса. В результате лингвистического анализа, направленного на выявление методов формирования одорем в изучаемых языках, мы пришли к выводу, что образование новых одорем в английском парфюмерном дискурсе осуществляется структурно-семантическим способом (суффиксация, аббревиация, словосложение), в русском – с помощью метафорического переноса.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Яреца. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>. (дата обращения: 11.11.2017).
3. Василенко Т.Н., Ожмегова Ю.В., Савочкина Е.А., Сим О.А., Чувакин А.А. Новые возможности лингвоэвокационных исследований // Сибирский филологический журнал, № 3, 2007. С. 83–95.
4. Воронин В.А. Запахи в жизни и жизнь без запахов: обоняние и химическая опасность. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербург. гос. пол. ун-т.», 2003. 69 с.
5. Гейко Е.В. Семантико-синтаксический аспект характеристики высказываний, содержащих информацию о запахах: модус // Восприятие: лингвистический и психолингвистический аспекты. Омск: Изд-во «Омский гос. ун-т», 2005. С. 25–33
6. Герасимова О.А. Социально-психологические характеристики ольфакторной самопрезентации личности: Дис. ... к. психол. н. Ростов-на-Дону, 2003. 340 с.
7. Григорьева О.Н. Мир запахов в языке Чехова // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания. Выпуск VIII. Москва: Изд-во «Мос. гос. ун-т.», 2000. С. 182–194
8. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2004. С. 5–20.
9. Крюкова И.В. Имена собственные в современной российской рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография. Глава 14. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2013. 2-е изд. С. 261–278.
10. Левинсон А.Г. Пять писем о запахе // Социология чувств: запахи. Москва: НЛО, № 43, 2000.
11. Никитина Е.С. Семиотика: Курс лекций / Москва: Академический проект; Трикта, 2006. 538 с.
12. Папченко Е.В. Социопсихические и культурные функции запаха в жизнедеятельности человека: Автореф. дис... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 32 с.
13. Плужников М.С., Рязанцев С.В. Среди запахов и звуков. Москва: Молодая гвардия, 1992.
14. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Наука, 1988.
15. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1986–1988. Т. 1. 1081 с.
16. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1977. 696 с.
17. Топ-косметика. Типы запахов, семейства ароматов в парфюме. URL: <http://top-kosmetika.ru> (дата обращения: 11.11.17).
18. Трипольская Т.А. Система восприятия и ее языковое воплощение (обонятельная картина мира) // Русский язык: исторические судьбы и современность II Международный конгресс исследователей русского языка. Москва: Изд-во «Московский гос. ун-т», 2004. С. 148–149.
19. Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург: Изд-во «Урал. ун-т», 2000. 279 с.
20. Чувакин А.А. Теория текста: объект и предмет // Критика и семиотика. Вып. 7. 2004. С. 88–97.
21. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2004. 544 с.

Arutyunyan L.A.

*Master Student, Linguodidactics Department,
Perm State University*

METHODS OF ESTABLISHING ODOREMAS IN ENGLISH AND RUSSIAN PERFUMERY DISCOURSE

This article is devoted to the description of the titles of smells (odoremata) in the perfumery discourse of the English and Russian languages. Based on the results of contrastive analysis of odor in the chosen languages, we found out that English and Russian titles of perfume fragrances are presented by indicating a certain smell direct nomination and indirect nomination (metaphors, abbreviation, compositional). In English ways of forming new odoremata are structural-semantic (suffixation, compositional, abbreviation), in Russian they are metaphorical.

Key words: evocation, odorema, odoric code, contrast analysis, discourse, perfume discourse, pragmatonym.

УДК:491.550+491.71

Шамбезода Хусрав Джамшедович

Доктор филологических наук, профессор, проректор по науке и инновациям,
Российско-Таджикский (Славянский) университет.

734000, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, 30.

Тел.: + (992) 37 221-35-50

E-mail: Shamdezade56@mail.ru

Нагзибекова Тахмина Негматуллаевна

Аспирант кафедры общего языкознания и сравнительной типологии,
Таджикский национальный университет.

Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17.

Тел.: + (992) 37 221-35-50, + (992) 372- 221-77-11

E-mail: tnu@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ТАДЖИКСКИХ РЕАЛИЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Реалии русского языка достаточно хорошо изучены и классифицированы. В таджикском языкознании представлено незначительное количество исследований, посвященных изучению семантической классификации реалий. Нами предпринята попытка исследования реалий таджикского языка в повести С. Айни «Ятим» и способы их передачи на русский язык.

Ключевые слова: реалии, таджикский язык, классификация, способы передачи, русский язык.

Введение

Лингвокультурологические исследования приобретают все большее значение для теории и практики перевода, так как межкультурная коммуникация постоянно наращивает свои обороты, и переводчики стремятся овладеть все новыми и новыми знаниями относительно значений слов, которые являются национально окрашенными, уникальными для другой культуры, чтобы затем передать эти значения в переводах на своем родном языке. Взаимосвязь языка и культуры все больше волнует лингвистов, методистов, культурологов, и в переводоведении проводится большое количество исследований, касающихся лингвокультурологии. Изучением слов-реалий занимались многие переводоведы, такие как А.В. Федоров, Г.Д. Томахин, И.А. Кашкин, Н.Н. Кузнецова и т.д. Но, тем не менее, вопрос передачи реалий до сих пор остается открытым в языкознании, в силу уникальности семантики данных лексических единиц, их сложности для перевода, и малой степени осведомленности об их значении у представителей других культур

Проблема неперевода оригинального текста всегда была и остается актуальной для теории и практики перевода. Теория принципиальной неперевода отрицала возможность создания тако-

го перевода, который можно было бы назвать полноценным. Но данная теория была опровергнута живой переводческой практикой. И все-таки, несмотря на это, в любом художественном произведении есть такие лексические единицы, перевод которых вызывает определенные трудности. Реалии являются ярким примером непереводаемых элементов текста.

Основная часть

Слова-реалии обозначают специфические особенности жизни, быта и мировосприятия народа, они тесно связаны с культурой и историей данного народа. Реалиям было уделено достаточно много внимания исследователями на материале различных. О реалиях, как о носителях колорита, конкретных элементах национального своеобразия, заговорили в начале 50-х гг., но до сих пор вопрос о природе, видах и переводе реалий остается одной из важных проблем, которыми занимается языковедение.

Переводчик довольно часто сталкивается с проблемой перевода реалий, и вопрос о способах их перевода остается открытым. Кроме того, реалии играют большую роль в процессе межкультурной коммуникации. Знание тех явлений и предметов, которые обозначают слова-реалии, непосредственно связано со знанием культуры страны исходного языка.

Исследование слов-реалий представляет большой интерес в связи с их ролью в художественном произведении. Национально-культурная семантика таких языковых единиц, встречающихся в произведении, позволяет проникнуть в культуру носителей языка, в их фоновые знания, обязательно присутствующие в сознании участников коммуникации и в значительной степени определяющие смысл высказывания.

Выход на мировую арену таджикской литературы XX в. связан с именем ее основоположника С. Айни. Начиная с 20-х гг. прошлого столетия его повести и романы благодаря переводам на русский язык, на многие европейские языки становятся достоянием широкого круга читателей. Новаторские тенденции в прозе, поэзии, публицистике, литературоведческие и критические труды С. Айни составляют прочный фундамент, на котором возвышается здание современной таджикской литературы и литературоведения.

Произведения С. Айни представляют собой энциклопедию народной жизни. В ярких, подлинно народных характерах писатель раскрыл историю борьбы таджиков за свободу и независимость, показал извечное стремление народа к свету и счастью. В этих произведениях не могли не использоваться реалии, характеризующие самобытность древнего таджикского народа.

Нами сделана попытка проанализировать проблемы перевода этих реалий на русский язык на примере известного произведения С. Айни «Ятим». Теоретической базой нашего исследования послужили труды, посвященные проблемам переводоведения и в особенности проблемам перевода слов-реалий, представленные в трудах таких известных исследователей, как С.И. Влахов, С.П. Флорин, Г.Д. Томахин, В.С. Виноградов, А.В. Федоров, А.Д. Швейцер.

Все встретившиеся в повести слова-реалии условно можно разделить на две большие группы: общественно-политические и бытовые, в каждой из которых выделяются более мелкие группы.

1. Общественно-политические реалии. В данном пласте можно выделить следующие лексико-семантические группы:

а) административно-территориальные единицы и населенные пункты. Из этой подгруппы реалий нами отмечено лишь одно слово «кишлок»-кишлак. *Дар яке аз қишлоқҳои лабидарёи Аму Эшонқул ном як бой буд.* [187] – В одном из **кишлаков** на берегу Амударьи жил **бай** по имени Ишанкул. [6];

б) названия должностей, профессий, званий. Реалии этой подгруппы очень частотны в повести С. Айни «Ятим», так как в повести описываются события установления нового общественного строя, борющегося с давно устоявшимися на данной территории общественными отношениями и структура: *Зеро аз як тараф Шоқул ба сабаби бойбачаи навкиса буданаи ба дари қозӣ ва ҳоким бисёр пул харч кард...* [208] – ... внезапно разбогатевший байский сынок-высочка не скупился на щедрые взятки **хакиму** и **казию**... [20]; *Баъд аз як ҳафтаи гум шудани Мурод, Эшонқулбой имому оқсақоли қишлоқро пеши Соро барои завҷигӣ фиристод* [223]. – Через неделю после исчезновения Мурада Ишанкул послал к Соро сватами **имама** и **старосту** кишлака [29]; ... ба ҳамин тариқа Соро дар қатори занони никоҳии **бой** даромад [225]. – Так Соро стала одной из **байских** жен. [31]; *Он амалдор баъд аз 5 дақиқа аз пеши амир баромада, ба пеши гурӯҳи тамошобинон омад, аз байни онҳо бойҳо, арбобу оқсақолҳо, муллоҳо ва амалдорони маҳаллиро ҷудо карда ба канорае бурд ва ба онҳо салом ва супориши амиро расонда гуфт...* [232]. – Вскоре чиновник вышел; подойдя к толпе и созвав **баев**, **старшин**, **мулл** и местных чиновников, он отвел их в сторону и передал им приветствие и поручение эмира.... «то омадани **бек** ту дар ин чопосбонӣ кардаист!» [304]. – «**Караул** здесь до прихода **бека!**» [82].

Реалии, связанные с дореволюционным общественным строем Средней Азии никак не отражали и не соответствовали тем понятиям, которые сложились у русского народа и отразились в его языке. С целью сохранения специфических особенностей в концепте данных слов, переводчик сохраняет их в неизменном виде;

в) члены партий, организаций, религиозных и других группировок:

*Дар миёни гуфтугузорҳо калимаи басмачӣ ва қурбоиӣ ҳам бисёр гуфта мешуд [250]. – Кроме того, часто повторялись слова «басмач» и «курбаиӣ» [47]. Вакили мухтор тағойбачаи яке аз миллионерҳои Бухорост, ки он миллионер ярадори қадидони Бухоробуда, ...» [309]. – «Полномочный представитель – двоюродный брат одного из бухарских джадидов, ...» [85]; Дар баҳори соли 1931 **Иброҳимбек қурбоиӣ** басмачӣ, ки дар хориҷ гурезабуд, пинҳонӣ аз сарҳади мо гузашта, дар хоки Тоҷикистони советӣ ва ронкориро саркард [324]. – Весной 1931 года басмаческий **курбаиӣ Ибрагим-бек**, скрывававшийся за границей, тайно перешел рубеж и начал разбойничать в Советском Таджикистане [94]. Реалии данной ЛСГ представлены незначительным количеством слов, так сама терминология указанных пластов не являлась достаточно развитой в то время в связи отсутствием общественных институтов;*

г) религиозные реалии: ... **муллоҳо** дар ҳаққи мо дуо карда дарҳамин ҷо бошанд ва мардумро ба муқобили большевикон ва меҳнаткашонӣ пойбараҳна, ки бамо тег кашидаанд, аз номи **шариат** шӯронанд... [232]. – **муллы**, молясь за нас, пусть останутся и будут поднимать народ именем **шариата** против большевиков и тех босяков, которые посмели обнажить меч для борьбы с нами... [36]. Данная ЛСГ слов представлена широко, так как все общественные отношения в дореволюционном Таджикистане строились на законах шариата. Русская переводческая традиция была знакома с этими реалиями и через другие восточные языки, носители которых исповедовали ислам и признавали законы шариата. Для русского читателя эти слова-реалии были знакомы до перевода произведений С. Айни.

2. **Бытовые реалии.** Данная группа также включает несколько подгрупп:

а) слова, обозначающие блюда национальной кухни, напитки и т.д.: *Ту имрӯз ширҳоро ҷугрот нахобонда мон ва беғоҳӣ як ширбиринҷи серишир паз [213] – Молоко не заквашивай и приготовь вечером хороший ширбириндҷ [23]; Ҳамдам – зани калони бой аз пеши шавҳараи дар ҳолате, ки дар даст аш якхӯша **набот** буд, баргашта омад ва онро ба чойник андохта истода... [191]. – Старшая жена вернулась от мужа с куском **набата**, бросила его в чайник [8]; Зани хурдӣ бо ин худтасаллидиҳӣ қадре кушода шуда, **наботчоӣ** дар чойник мондагиро ба ду **пиёла** кашид... [193] - Немного успокоив себя такими доводами, она вылила оставшийся чай с **наботом** в две **пиалы**... [10] дар даруни вай **қурутҳои** нимхушк буд, ...[258]. – В ней оказался полувысушенный **қурут**. [52]; Одамони кӯтвол (миришаб) Ятимро дар таҳонае дароварда дарро аз берун бастан два худашон боз дар пеши чароғ нишаста бон он ва **қурути** Ятим ба чойхӯрӣ даромаданд [260]. – Стражники ввели Ятима в подвал и заперли за ним дверь, а сами сели у лампы и продолжали чаепитие – теперь уже с лепешками и **қурутом** Ятима [53]. Таджикская кухня дореволюционного периода была достаточно скромной и данный пласт лексики представлен сравнительно небольшим количеством слов исконно таджикского происхождения. В повести они также представлены не очень широко;*

б) слова, обозначающие предметы национальной одежды, обуви, украшения и т.д.: ...*гуфт занак ба ӯ ва ӯро шинонда латтакӯҳна ва шолтарчаҳоро ба поиӯ **чоруқвор** печонид ва бо ресмоне маҳкам баст [256]. – С этими словами она усадила мальчика и стала обвязывать ему ноги тряпками и кусками коврика, стараясь сделать нечто вроде **чарука** [50]. Лексика данной подгруппы также представлена ограниченным кругом слов, что лишней раз доказывает повесть С. Айни;*

в) слова, обозначающие жильё, посуду, утварь: *Қурбоиӣ басмачиён ба рӯи **суфа** баромада қолин паҳн кунонда **қурпача** андозонда, дар он ҷоҳокими амир барин, чорзону зада нишаст... [304]. – **Курбаиӣ** приказал постелить коврик и **курпачи** на **суфе**, а затем уселся на ней, скрестив ноги, словно наместник эмира [82]; Чойчӯиши туркман чӯшид, аз вай ду чойник чой дам кард, яке азчойникҳоро бо як **пиёла** ба пеши **Ятим** монда, дигараширо бо як **пиёлаи** дигар ба пеши худ гирифт [266]. – Вода закипела, туркмен заварил чай в двух чайниках, один вместе с **пиалой** поставил перед Ятимом, другой – перед собой. [57]; Туркман хомӯш мондачоӣ **пиёлаи** худро нӯшида боз ба **пиёла** чой кашид монда, гуфт... [271]. – Он замолчал, допил из **пиалы** чай, налил еще и продолжал... [60]; **Гунсарро** дам пуркунетон, қалтабонон! [338]- **Надуйте гунсар, разбойники!** [104] Бузгола бо ишорати Соро ба ҳар тараф медавид, ба кифти **танӯр** часта мебаромад... [204]. – Козленок по знаку Соро начинал смешно резвиться, прыгал на **танур**... [17] Танҳо як чодари **карбосиӣ** бо рӯян рангарда ба назар менамуд... [227]. – Виднелся только один шатер из **карбаса**, выкрашенного мареной... [32] ... ӯ бо ҳамроҳи **Шоқул** ва писараи таппонча ва халтаҳои пуртирро дар **хӯрчинҳо** чой мекард... [248]. –*

... хозяин вместе с Шакулом и сыном складывали револьверы и мешки с патронами в *хурджины*, ... [46]; ... ammo дар вақти омаданашон *хӯрчинҳояшон* холӣ буд ва дар пешашон ягонта ҳам милтиқ намешуд. [248] – А когда они возвращались обратно, то *хурджины* были пусты и при них не было ни одной винтовки. [46]. ЛСГ слов, представляющих данную подгруппу, является самой многочисленной в бытовой лексике. Каждую из выделенных групп можно было бы рассматривать отдельно;

г) слова, обозначающие средства передвижения: *Дар қатори аробаҳо як аробаи каппадоре намуд, ки ба рӯи каптаи вай намади калонеро партофта, ҳамаи ҷои аробаро маҳкам нӯшонида буданд* [230]. – Среди *арб* была одна, со всех сторон закрытая брезентом, поверх которого лежала еще кошма. [34]. В отличие от предыдущей ЛСГ данный пласт в повести представлен одним словом арба, так как других средств передвижения практически и не было.

Анализ перевода повести С. Айни О. Сухаревым еще раз показывает сложность передачи слов, обозначающих специфические национальные реалии. Почти все реалии переданы в том виде, в каком они употреблены у С. Айни, лишь с незначительной фонетической адаптацией, не затрагивая их значения, хотя, на наш взгляд, многие реалии могли бы быть переведены или переданы описательно. Текст бы стал намного понятнее русскому читателю. Например, в *Таджикско-русском словаре 2006 г.* многие из этих реалий переведены или дается их толкование (*қозӣ* – судья; *имом* – духовное лицо (*руководящее молением в мечети*); *ширбиринҷ* – молочная рисовая каша; *набот* – кристаллический сахар, леденец; *қурут* – сыр, высушенный в виде шариков; *кӯрпача* – узкое стеганое одеяло; *танӯр* – печь для выпечки лепешек; *хӯрчин* – переметная сумка и т.д.).

Заключение

Слова-реалии относятся к лексике безэквивалентной. Они возникли в жизни и в быту народа и, как правило, являются специфичной реалией в широком философском смысле конкретного народа, поэтому передача данного пласта лексики на другой язык является достаточно сложным процессом. Перевод слов-реалий – творческая процедура, требующая от переводчика хорошего уровня культурной и страноведческой подготовки.

Список литературы

1. Айни С. Куллиёт. Сталинобод: Нашриёти Давлатии Тоҷикистон, 1961. С. 183–316.
2. Айни С. Повести и очерки. Перевод О. Сухаревой. Душанбе: Изд-во «Маориф», 1983. С. 5–107.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Москва: Международные отношения, 1986. 320 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва: Русский язык, 1983. 246 с.
5. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. Москва: Изд-во «Моск. ун-т», 1978. 174 с.
6. Паморозская Н.И. Роль слов-реалий в создании культурного фона художественного произведения // Лексика и культура. Тверь: Изд-во «Твер. гос. ун-т», 1990. С. 59–62.
7. Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре // Иностранные языки в школе. № 3. 1997. С. 13–15.
8. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. Москва: Высшая школа, 1983. 207 с.

Shambezoda Kh.G.

Doctor of Philology, Professor,
Vice-President of Russian-Tajik (Slavik) University

Nagzibekova T.N.

Graduate Student,
Tajik University

CLASSIFICATION OF TAJIK REALITIES AND PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Realities of the Russian language are well researched and classified. In the Tadjik language only a few studies are aimed at the semantic classification of realities. We are attempting to research the Tadjik realities in the story “Yatim” by S. Aini and the ways of their translation into Russian.

Key words: realities, the Tadjik language, classification, ways of translation, the Russian language.

УДК 81`42

Клочко Константин Александрович

Кандидат филологических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой
английского языка и межкультурной коммуникации,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396-350
E-mail: konstklotchko@gmail.com

О РЕАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ «ТОПИК – КОММЕНТАРИЙ» В ПОЛИКОДОВОМ ТЕКСТЕ

В настоящей статье рассматриваются вопросы подобия грамматических отношений в вербальном тексте и поликодовом, содержащем графические компоненты наравне с вербальными. В качестве материала берутся популярные медиатексты (мем и демотиватор), в которых структура отношений между компонентами оказывается аналогичной отношениям типа «топик – комментарий» в двухкомпонентных высказываниях. Особая реализация структуры «топик – комментарий», подобная использованию однокомпонентных высказываний, также прослеживается при использовании некоторых типов поликодовых текстов в медиакоммуникации.

Ключевые слова: текст, поликодовый текст, топик, комментарий, мем, демотиватор, двухкомпонентное высказывание, однокомпонентное высказывание.

Введение

Современная лингвистика не может игнорировать вновь возникающие явления и факты, которые прямо или косвенно связаны с использованием языка. Примером может служить поликодовый текст, то есть текст, который состоит из вербальных и невербальных компонентов [Сергеева, Уварова, 2014]. Используются также термины «креолизованный текст», «иконический текст», «полимодальный текст», «гибридный текст», «гетерогенный текст», отражающие как многообразие явления, так и просто называющие разными терминами одно и то же понятие [Саидова, 2016]. В последнее время к понятию поликодового текста чаще всего относят медиатексты: мемы, демотиваторы, рекламные плакаты, ролики и т.д.

Основная часть

Нельзя утверждать, что подобный текст является чем-то принципиально новым, присущим только медиакультуре XXI в. Всевозможные гравюры, лубки, истории в картинках с подписями и прочие формы поликодовых текстов создавались человеком с древнейших времен. Другой вопрос, что с появлением и распространением в наши дни социальных сетей и Интернета, создание и тиражирование медиаконтента в различных модальностях – текстовой, графической, звуковой, визуальной – перестало быть трудоемким и стало доступно широким массам. Следовательно, возросла роль подобного контента в массовой и межличностной коммуникации. В связи с массовым распространением смартфонов, планшетов и прочих устройств, вал использования поликодовых текстов нарастает, что особенно проявляется в молодежной среде. Однако новая медиареальность захватывает буквально все человечество, определенным образом модулируя формы коммуникации. Так, например, отмечается, что эмодзи (картинки для общения онлайн) «стали маркерами перемен, происходящих с людьми в мире новых технологий и сверхскоростных связей» [Жуленков, 2017].

Поэтому необходимость всестороннего лингвистического исследования новых, доселе неизвестных, либо недостаточно масштабных явлений в коммуникации становится все более актуальной. В частности, в настоящей статье будет рассмотрен ряд свойств и функций определенных типов поликодовых медиатекстов, уже достаточно прочно закрепившихся в современной культуре. Это «мем» и «демотиватор». Речь пойдет об аналогии форм и процессов выражения предикативности в указанных типах поликодовых текстов и некоторых вербальных синтаксических конструкциях. Однако прежде

чем мы перейдем к рассмотрению особенностей мема и демотиватора, остановимся подробнее на самом термине «поликодовый текст».

Подобный тип текста в более широком смысле называют полимодальным, отмечая включенность в него компонентов разного порядка. А.М. Волоскович отмечает, что полимодальный текст представляет собой комплекс из разных «модусов порождения». Это «зрительные («картинки»), вербальные, жестовые, музыкальные, цветовые и иные ... семиотические системы» [Волоскович, 2012, с. 61]. В настоящий момент имеется достаточно много работ, посвященных данной проблеме. Авторы рассматривают культурологические, семиотические и социальные аспекты указанных форм текста, поскольку поликодовый текст направлен именно на восприятие в комплексе «на основе взаимной адаптации поликодовых составляющих в едином графическом пространстве» [Галло, 2013]. Это позволяет выводить его содержательную сторону на первый план при восприятии и, соответственно, уделять ей повышенное внимание при исследовании. Однако нам представляется интересным рассмотреть вопрос формальной организации подобного рода текстов, а именно проанализировать характер соотношения компонентов поликодового текста.

Как уже было отмечено, в качестве материала для анализа мы решили взять ряд распространенных видов поликодовых текстов, актуальных для современной медиаккультуры: демотиватор и популярный мем. Термин «мем», как известно, был введен Р. Докинзом в качестве аналога термина «ген», только применительно к культуре [Докинз, 1993]. В наши дни под мемами понимаются в первую очередь медиа-объекты сети Интернет, такие как «тексты, картинки, даже разговорные конструкции» [Википедия]. Мемы достаточно разнообразны: это и отдельные образы, и их комбинации, и даже целые комплексы в форме комиксов. Например:

Рис.1

Рис.2

Рис.3

Следует обратить внимание, что в последнем примере (Рис. 3) при кажущейся сложности образов, прослеживается некоторая схема построения подобного текста. Шаблонов мемов существует достаточно много, наблюдается определенная вариативность модели построения каждого шаблона, поэтому для демонстрации ряда утверждений мы берем простейшие формы поликодовых медиатекстов. Более глубокое изучение форм и структуры подобного рода текстов – это, вероятно, тема для дальнейших исследований в данной области.

Рассмотрим структуру мема и демотиватора подробнее. Даже на этапе подбора материала для анализа становится ясно, что они оба строятся по схожей схеме. В большинстве случаев они представляют собой некое изображение или образ, к которым впоследствии приписываются различные авторские комментарии или реплики от пользователей Сети. В качестве варианта – изображение комбинируется с другими образами для создания новых смыслов, всевозможного обыгрывания какой-либо темы и т.д. Понравившиеся аудитории образцы тиражируются через социальные сети.

По запросу «демотиватор» поисковая система Google дает более 2 миллионов результатов; «мем» – более 6 миллионов. При этом более структурированным оказывается именно демотиватор; чтобы считаться таковым, объект должен соответствовать определенному шаблону: «формат демотиватора включает базовое изображение в рамке, обрамлённое ... чёрными полями и снабжённое по нижнему ... полю лозунгом» [Википедия]. Демотиватор сам по себе является Интернет-мемом. Последний же определяется как «информация в той или иной форме (медиаобъект, то есть объект, создаваемый электронными средствами коммуникации, фраза, концепция или занятие), как правило, остроумная и ироническая» [Википедия]. Механика появления мема и его функционирование в медиа-среде исчерпывающе, хотя и не всегда цензурно описано на ресурсе «Луркоморье» [Интернет-портал Луркоморье].

В более привычных терминах понятие «мем» близко понятию концепта, что не всегда отражается в массовой культуре. Стоит обратиться, например, к статье ВВС «Вата с укропом: язык политических мемов» [Карпьяк, 2014], где неологизмы «укроп», «вата», «колорад» и проч. называются мемами, хотя формально подпадают под определение концепта как ячейки культуры [Ангелова, 2003, с. 3–5]. По нашему мнению, вопрос сопоставления, определения и делимитации данных терминов в лингвистике еще не решен и даже не поставлен. Вероятно, это произойдет в ближайшее время, по мере расширения влияния медиакультуры.

Приведем несколько примеров демотиваторов.

Рис.4

Рис.5

Таким образом, в демотиваторе наблюдается следующая картина взаимоотношения элементов поликодового текста: есть графический компонент, который задает тему высказывания, и есть вербальный компонент, выраженный в слогане.

На наш взгляд, здесь напрашивается аналогия отношения компонентов демотиватора со структурой «топик-комментарий», в которой первый компонент представляет собой область референции, а второй компонент представляет собой его предикативный признак [Левицкий, 2010, с. 153]. Подобная структура традиционно реализуется в простейших двухкомпонентных высказываниях типа *Любишь – докажи!*; *Приз – в студию!* и т.д. Нельзя утверждать, что данная структура в полной мере отражает отношение «подлежащее – сказуемое». Она – лишь прообраз указанных терминов. Топик ограничивает применение предикации некоторой областью.

В двухкомпонентном высказывании при помощи топика говорящий вербализует область референции, предмет речи, который не всегда можно наблюдать в момент говорения при произнесении, например, однокомпонентных высказываний. В них предикация часто рассматривается по схеме X – P, где слово представляет собой только предикат (P), а субъект (S) находится вне суждения, т.е. не выражен формально, но подразумевается (X) [Степанов, 1981, с. 53]. В двухкомпонентном высказывании выражены оба компонента. При помощи второго компонента он сообщает нечто об этом предмете, приписывает ему некий признак. Так, высказывание *Народу – во!* гораздо понятнее и экспрессивнее, чем просто *Народу!* или *Во!* Интерпретация всего высказывания во многом зависит от первого компонента. Ср., например, *Приз – в студию!* и *Охрану – в студию!* Благодаря подобной структуре второй компонент может не распространяться, а быть максимально сжатым. Например, у Маяковского: *Мыло в руку и – бултых!* Схожий феномен отмечал еще Ш. Балли. Он называл такие высказывания диремами. Так, в «детском» языке *Coucou – frrrt!* означает, что птица взлетает [Балли, 2001, с. 63].

Интересен подход проф. В.А. Курдюмова к терминам «топик» и «комментарий». Он пишет, что это «понятия гораздо более значимые и выходящие за рамки синтаксиса. Они характерны для текста, как критерий – для типологии языков, и, самое важное, – для принципиального моделирования психолингвистических процессов» [Курдюмов, 2014]. Согласно Курдюмову, «топик» и «комментарий» шире понятий подлежащее и сказуемое: «это универсальные языковые категории, функционирующие на любых уровнях и стадиях языка ... Они реализуют предикативную связь – основу языка, видимо, будучи, врожденными как структура, «рамка» [Курдюмов, 2014].

Итак, из ряда разноплановых исследований складывается общая схема языковых отношений, которая реализуется в тексте. Причем – в любом, вне зависимости от степени вербальной экспликации выражаемых образов. Применительно к вербальному тексту, мы чаще всего ограничиваемся одной фразой, а не связным текстом, и имеем в виду разницу между предложением (инвариантом) и высказыванием (одним из вариантов реализации). Мы проводим границу между предикативностью в предложении, выраженную грамматическими средствами, чаще всего сочетанием подлежащего в форме существительного или местоимения в именительном падеже и сказуемого-глагола в личной форме, и предикацией (коммуникативной предикативностью), выражаемой в речи интонацией, порядком слов,

опущением компонентов, повтором и т.д. (подробнее см.: [Левицкий, 2005, с. 130]. Коммуникативная предикативность, таким образом, должна рассматриваться именно как реализация схемы «топик – комментарий» в максимально широком смысле, как выражение отношения Признака к Предмету, которые могут формально быть эксплицированными *любыми* (курсив мой – К.К.) понятными адресату средствами.

В этом смысле получается, что и однокомпонентное высказывание, и поликодовый текст будут строиться по тому же принципу, что и полное номинативное предложение. Только в однокомпонентном высказывании структура «топик – комментарий» имеет топик подразумеваемый, невыраженный формально (X), а в таком поликодовом тексте, как плакат, например, топик выражен графически. В полном же предложении оба компонента формализуются в подлежащем и сказуемом соответственно.

При такой постановке вопроса оказывается, что теоретический тезис о реализации структуры «топик – комментарий» в вербальных и невербальных текстах находит подтверждение при анализе материала – многочисленных поликодовых текстов различных типов. Однако, в отличие от В.А. Курдюмова, термины «топик» и «комментарий» мы все же будем в большей степени относить к двухкомпонентным высказываниям, где характер их функционирования проявляется наиболее ярко. Простейшие поликодовые тексты подобны двухкомпонентным высказываниям, поскольку часто состоят из одного графического и одного вербального элементов. Судя по примерам типичных демотиваторов (рис. 4, 5), становится очевидно, что различие между вербальным текстом в форме двухкомпонентного высказывания и демотиватора заключается только в полимодальности последнего.

При этом стоит учитывать, что, в отличие от однокомпонентных и двухкомпонентных высказываний, в поликодовом тексте под компонентами мы понимаем не слова, а целые высказывания, особенно если они являются афоризмами, устойчивыми оборотами, цитатами, т.е. представляют собой явление паремии. То же относится и к невербальному компоненту, который часто представляет собой известный образ (мем).

В отличие от демотиватора, структура самого мема оказывается не столь элементарной. Проводя дальнейшую аналогию между двухкомпонентным высказыванием и мемом, стоит заметить, что высказывание подобного рода подразумевает смену позиций компонентов как способ выражения смысла. Так, приводя пример из того же «детского» языка, Г. Пауль пишет, что простое соположение слов служит для выражения различных отношений. Например, *Papa Hut* (папа шапка) означает *Папа надел шапку, Папа снял шапку* и пр. [Пауль, 1960, с. 148]. Подобные конструкции допускают смену позиций составляющих их компонентов, поэтому можно говорить о наличии в подобных высказываниях определенной вариативности реализации исходной модели [Клочко, Яшманова, 2013, с. 90].

В случае смены позиций меняется и характер отношения между собственной семантикой компонентов и их местом в высказывании. Так, довольно часто использующиеся в политическом дискурсе слоганы типа *Детской площадке – быть!* или *Достойной пенсии – быть!* демонстрируют семантическое главенство первого, топикового компонента. Второй компонент лишь указывает на признак первого, в данном случае определенную степень бытийности. Аналогично и в прочих примерах из «взрослого» языка. Полагаю, что все помнят слова кота из мультфильма о блудном попугае: *Отдохнул – во! Рыбы – о! Сметаны – ууу!*, где второй компонент выражает эмоциональное отношение к предмету речи.

В случае же «обмена позициями» воспринимать высказыванием мы будем по-другому. Во всех фразах типа *Быть – достойной пенсии! Во – отдохнул! Frrrt – coucou!* на первое место вместе с позицией выдвигается и семантика компонента. Так, в последнем «перевертыше» примера Ш. Балли смысл меняется. Мы понимаем не что «птица взлетает», а звук *«frrrt»* издает птица (и не только), когда летит. По структуре высказывания здесь важен сам звук, а не тот, кто его производит. В первом примере – наоборот. Ср. с русским языком: *Птица – порх!* и *Порх – птица!*

Нетрудно заметить, что первые, «политические» примеры совершенно не звучат при смене позиций компонентов, во-первых, из-за неравнозначной собственной семантики компонентов, а во-вторых, из-за устоявшейся для структуры типа *Дорогам (пенсии, России, чистому двору* и т.д.) – *быть!*

Рассмотрим несколько примеров мемов.

Рис. 6

Рис. 7

Как видно из приведенных образцов, не во всех случаях структура построения текста одинаково линейна, однако во всех наблюдается элементарное отношение «топик-комментарий», хоть и не столь очевидное, как в предыдущих примерах. Основные отличия мема от демотиватора заключаются в следующем:

- а) отсутствие единого шаблона построения подобного текста;
- б) нечеткое разделение вербального и графического компонентов.

Следует заметить, что некий шаблон в меме все же присутствует. Как правило, это некий образ с заданным речевым образцом (постоянная), к которому любой пользователь может приписать свой вариант продолжения шутки (переменная). К мемам на рис. 6 и 7 можно добавить известные примеры из серии «А что если...»; «То чувство, когда...»; «Твое лицо, когда...» и т.д. На рис. 7 поликодовый текст выражает целый диалог, в котором в качестве постоянной выступает схема, где обязательно нужно сказать в конце «Карл!» для усиления эффекта от сказанного, а в качестве переменной может выступать любой сюжет или шутка. При этом топиком в примерах на рис. 6 и 7, безусловно, являются постоянная в форме визуального образа с речевым образцом, которая задает формат комментария (переменной).

Если проводить дальнейшую аналогию с двухкомпонентным высказыванием, то в ряде случаев в качестве переменной выступает топик, а постоянной – комментарий. См. выше: *Отдохнул – во! Рыбы – о! Сметаны – ууу!*, где комментарий всегда выражает неопределенное, но, безусловно, положительное отношение говорящего к предмету речи. Ср. с поликодовым текстом подобного рода:

Рис. 8

В примере на рис. 8, в отличие примеров на рис. 6, 7, – фраза «Я пью чай без сахара» может быть легко заменена на любую другую, но смысл всего текста (ироничный или серьезный) останется прежним: негативное отношение к топикю со стороны определенной группы людей, что выражено в комментарии вербально и графически.

В качестве постоянной может выступать и топик в более предметной форме, чем в примерах на рис. 6 и 7. Это зависит от особенностей компонентов. Например, в заголовке «Вжух – и ям нет. Пермский край получит 106 млн рублей на улучшение дорог» (<http://properm.ru/auto/news/133164/>) в качестве топика используется постоянная: отсылка к некогда популярному мему «Вжух» с котом-волшебником.

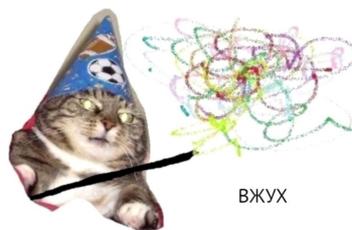

Рис. 9

Несмотря на схожесть междометия «вжух» с уже описанными нами «во!», «о!», «уу!» и особенностями их использования, данный мем выступает именно в качестве топика за счет своей семантики, и прецедентности. Помещая «вжух» в высказывание в качестве второго компонента мы снижаем его значимость до простого эмоционального восклицания, хотя собственное значение этого мема гораздо больше. Он топикализует целый комплекс действий и отношений. Варианты его использования однотипны: *Вжух – и ты в армии; Вжух – и ты отчислен; Вжух – и начал вжухать* и т.д. Текст часто подкрепляется графическим компонентом – вариантами изображения кота (иногда даже без слова «вжух»). Например, в форме полицейского: *Вжух – и ты без прав*, что не отменяет основного значения мема: быстрая и «волшебная» смена действия, что в принципе характерно для двухкомпонентных высказываний [Клочко, Яшманова, 2005, с. 91].

Как топик, так и комментарий, могут носить невербальный характер. Иногда вербальный компонент является топиком, иногда наоборот. Они оба могут быть невербальными. Например, в коротком ролике формата .gif (https://vk.com/doc359771042_452476290?hash=909552bea4c7b8a2a2&dl=6a34c5bc757563374b) медиатекст четко делится на две части: в первой мы видим «удивительное» попадание мячом в корзину, а во второй – эмоциональное отношение к первому эпизоду, выраженное мимикой обезьяны. Как и в предыдущем случае, первую часть легко заменить на любой другой «удивительный» видеозипизод. При смене мест компонентов будет утерян и смысл, как в уже упомянутых нами примерах политических слоганов. На рис. 10 представлены кадры из видео.

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Следует помнить, что отношения «топик-комментарий» не всегда столь легко читаются в поликодовых текстах. Выше перечислены только самые очевидные случаи. Некоторые мемы соотносятся скорее с однокомпонентными высказываниями. Например, подобные мемы выступают в качестве предиката к субъекту, не отраженному в одном и том же поликодовом тексте по указанному выше типу X – P. Например, мем на рис. 11 может быть использован как комментарий к новости.

Заключение

Судя по анализу популярных сайтов и социальных сетей, поликодовый текст, в большинстве случаев оперирующий мемами, последнее время становится все более распространенным и проникает из Интернета в оффлайн рекламу и бытовое общение. Подобный феномен должен быть всесторонне изучен. Для этого стоит начать с исследования соответствия уже известных механизмов и особенностей функционирования вербального текста (на уровне высказывания) и поликодового текста. Так, при изучении последнего мы выявили корреляцию между ними в плане структурных отношений между компонентами. Это примитивная форма выражения предикативности, известная как «топик-комментарий». В достаточно простых поликодовых текстах, таких как демотиватор и мем, она функционирует так же, как и

в простейших вербальных двухкомпонентных структурах. В некоторых случаях поликодовый текст (мем) функционирует по принципам однокомпонентного высказывания протограмматики (см.: [Клочко, 2015]). Исследование аналогий и различий грамматических отношений в вербальном и поликодовом текстах представляется весьма актуальной проблемой современной лингвистики.

Список литературы

1. Ангелова М.М. "Концепт" в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Москва, 2004. С. 3–10.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
3. Волоскович А.М. Семиотическая гибридизация в полимодальных текстах // Вестник МГЛУ. 2012. № 19. С. 61–73.
4. «Вжух – и ям нет. Пермский край получит 106 млн рублей на улучшение дорог» // Портал ProPerm. 14 декабря 2016. URL: <http://properm.ru/auto/news/133164/> (дата обращения: сентябрь 2017).
5. Галло Я. Гетерогенность текста как лингвистическая проблема // Jazyk a kultúra. Ročník 4, číslo 15/2013. URL: https://www.ff.unipo.sk/jak/15_2013/gallo.pdf (дата обращения: сентябрь 2017).
6. Демотиватор. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80> (дата обращения: сентябрь 2017).
7. Докинз Р. Эгоистичный ген. Москва, 1993. 387 с.
8. Журенков К. Мимика письма // Огонек № 39 от 2.10.17. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3408563> (дата обращения: 01.11.2017).
9. Интернет-мем. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет-мем> (дата обращения 01.11.2017).
10. Карпьяк О. Вата с укропом: язык политических мемов // Русская служба BBC. 8 августа 2014 URL: http://www.bbc.com/russian/society/2014/08/140808_ukraine_new_internet_memes.shtml (дата обращения: 01.11.2017).
11. Клочко К.А., Яшманова Л.Ю. О некоторых аспектах исследования двухкомпонентных высказываний. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки», № 6. 2013. С. 89–91.
12. Клочко К.А. Протограмматика как компонент грамматической системы современного человека. Пермь: Изд-во «Пермский институт экономики и финансов», 2015. 184 с.
13. Курдюмов В.А. Китайский язык как идеальный/экзистенциальный объект лингвистики. // 108-е заседание регулярного теоретического семинара «ПРОБЛЕМЫ РАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ». Тезисы доклада, 18.03.14. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2014/18_03_2013_kurdumov.pdf (дата обращения: 1.11.2017).
14. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса Москва: КомКнига, 2005. 368 с.
15. Левицкий Ю.А. Альтернативные грамматики: Стадии развития человеческого языка. Москва: Изд-во ЛКИ, 2010. 176 с.
16. Мем. Интернет-энциклопедия «Луркоморье». URL: <http://lurkmore.to/%D0%9C%D0%B5%D0%BC> (дата обращения: 1.11.2017).
17. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 500 с.
18. Саидова З.Э. Феномен креолизации текста в сетевом дискурсе // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 1490-1493.
19. Сергеева Ю.М., Уварова Е.А. Поликодовый текст: особенности построения и восприятия // Наука и школа. 2014. № 4. С. 128–134
20. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Москва: Наука, 1981. 358 с.

Klochko K.A.

*PhD, Assistant Professor of the English Language
and International Communication Department,
Perm State University*

ON THE REALISATION OF THE “TOPIC – COMMENTARY” STRUCTURE IN A POLYCODE TEXT

The article tackles the questions of similarity between grammatical relations in a verbal text and a polycode text, which contains graphical elements as well as verbal. Popular media-texts as ‘meme’ and ‘demotivator’ are taken as the material of the study. In these texts the structure of the relations between the elements is very much alike the “topic – commentary” structure in bi-component utterances. A particular variant of the realization of this structure (to some extent alike the usage of unicomponent utterances) is seen when some types of polycode texts are used in media-communication.

Key words: text, polycode text, topic, commentary, meme, demotivator, bi-component utterance, unicomponent utterance.

УДК 811.133.1

Осадчая Мирослава Николаевна

Ведущий библиограф, Старооскольский филиал,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
309502, г. Старый Оскол, м-н Солнечный, д. 18.
Тел.: 8 (4725) 32-49-12
E-mail: o_miroslava@bk.ru

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА**

В статье описан ценностно-прагматический потенциал реализации мифологических и архетипических образов в уникальном авторском пространстве художественного дискурса (в сопоставительном рассмотрении особенностей ценностных репрезентаций на материале художественного творчества О. Мандельштама и Г. Иванова). Предложена методика моделирования механизмов актуализации ценностных репрезентаций посредством подтекстовой актуализации архетипических и мифологических образов.

Ключевые слова: индивидуально-авторский художественный дискурс, ценностные репрезентации, когнитивное моделирование.

Введение

Для исследования смыслообразовательных механизмов художественного дискурса актуален когнитивный подход, базирующийся на понимании художественного творчества как особой авторской системы, индивидуальные и неповторимые черты которой обусловлены особенностями аксиологического плана авторского художественного дискурса. Выявление дискурсивных средств репрезентации ценностного содержания в нашей работе наглядно демонстрируется в ходе сопоставления созданных разными авторами художественных произведений, перекликающихся тематически, имеющих общие топики, использующих сходные мифологические прецедентные образы. Когнитивный анализ репрезентированных концептов обнаруживает существенные различия в глубинных когнитивных пластах; кроме того, актуализация различных архетипических образов обуславливает репрезентацию иного ценностного содержания в поэтической системе другого автора. Именно имплицитные слои авторской концептосферы обеспечивают более глубокий смысл простых, на первый взгляд, поэтических текстов.

Для наглядности в качестве материала исследования выбраны произведения мастеров словесности, которые работали в одно время, начинали творческий путь в русле акмеизма, а позже оказались в разных политических, социальных и географических системах, в различных эстетических рамках оба воплотили трагизм своей эпохи. В статье тексты Осипа Мандельштама (1891–1938) и Георгия Иванова (1894–1958) проанализированы с позиций когнитивного подхода. Используемые в данной работе методы когнитивного анализа и ценностно-прагматического моделирования дискурсивной семантики позволяют сосредоточить внимание на ценностных аспектах концептуального содержания, вербализованного в уникальных авторских поэтических текстах.

Основная часть

Дискурсивное сознание реализуется в лингвоментальном пространстве эстетически ориентированного дискурса, в ментальном пространстве «между» двумя сознаниями – автора и читателя. В данном исследовании важнейшими категориями авторского художественного дискурса, обеспечивающими диалогичность художественной коммуникации, рассматривается сложная взаимообусловленность понятий ценность – концепт – архетип. Данные категории демонстрируют сложный когнитивно-прагматический характер дискурсивного смыслоформирования, что актуально для моделирования метафорических моделей концептуализации ценностного для автора явления.

В когнитивном плане индивидуально-авторского художественного дискурса глубинные архетипные структуры функционируют в авторском художественном дискурсе как один из механизмов репрезентации ценностных смыслов, поскольку как особая «базовая» лингвокогнитивная категория, архетипы «задают координаты, в которых человек воспринимает и осмысливает мир» [Алефиренко, 2014, с. 10]. Иными словами, архетип базируется на некоем общекультурном представлении, сле-

довательно, включает когнитивные элементы типового характера. Соответственно, «универсальность» мифологических моделей миропонимания [Мелетинский, 2006, с. 231] воплощается в образах стереотипного характера.

Рассматривая понятия стереотипа и архетипа как «предельно обобщённые формы образного сознания», М. Эпштейн считает стереотип «демонстративно опустошённым от всякого личностного, душевно претворённого содержания», в то время как архетип «именно в индивидуальном творчестве обретает значимость и полноту» [Эпштейн, 2016, с. 132]. Художественная репрезентация архетипических образов в авторском дискурсе преимущественно связана с мифонимами как «коннотативно-прагматическими сигналами», маркирующими в образной форме совмещение культурно-значимой информации [Алефиренко, 2014, с. 11] с авторским своеобразием вербализации.

Исследование художественного дискурса как лингвоментальной среды позволяет предположить, что ценностные факторы определяют структурирование когнитивных элементов художественного пространства, поскольку концепт является ценностно-отмеченным элементом когнитивной структуры дискурса. Соответственно, понимание концепта как «идееносителя» позволяет соотносить «речемыслительные интенции авторов художественных текстов» с категорией образа [Алефиренко, 2014, с. 13]. Анализ концептосферы художественного дискурса показывает, что в художественном дискурсе номинативное имя концепта часто не соответствует использованной автором лексике, что легко продемонстрировать. Например, исследователем И.А. Тарасовой отмечена частотная для русской эмигрантской поэзии актуализация «архаической связи снега и смерти», которая базируется на переосмыслении представлений о загробном мире [Тарасова, 2012, с. 152]. Георгий Иванов, действительно, в поздних произведениях эмигрантского периода во множестве текстов и посредством широкого ряда образов описывает почти «загробное» своё существование без России:

«... И Россия, как белая лира,

Над засыпанной снегом судьбой» [Иванов, 1989, с. 87]. Однако, при очевидной простоте построения текстов, вербализованные в поэзии Иванова когнитивные структуры часто не соответствуют буквальной лексической номинации. Например, следующий текст Георгия Иванова написан в 1921 г., в пору влюблённости поэта и ещё до его отъезда из России:

«...И за плечом твоим глядит любовь моя

На этот снежный рай, в котором ты и я» [Иванов, 1989, с. 36]. Словом *рай* именованы как раз не загробные реалии, а метафорическая концептуализация «Счастья». В данном примере даже синтагматическое соседство и согласование с эпитетом *снежный* не актуализирует ту аксиологически негативную вербализацию «смертной тоски», о которой говорит И.А. Тарасова. Вполне очевидно, что необходимо сопоставление средств вербализации с когнитивным основанием, поскольку анализ лексических единиц художественного текста и их частотности недостаточен для исследования художественного дискурса.

Важными представляются следующие моменты. Во-первых, мифологизированные коннотации образов *снега*, *мороза* или *ледяного пространства*, именно в эмигрантском творчестве закрепились как аксиологические средства вербализации (см. [Тарасова, 2012, с. 151–152], [Васильева, 2014, с. 104–105]). К примеру, устойчивая интеграция концептов «Зима» и «Смерть» наблюдается в хронотопе остановившегося времени в эмиграции у Иванова:

Замечает сумрак снежный

Все поля, все расстоянья.

Тень надежды безнадежной

Превращается в сиянье [Иванов, 1989, с. 87]. Словосочетание «*надежда безнадежная*» выступает индивидуально-авторской номинацией концепта «Изгнанник», репрезентируя в творчестве Иванова ценность «Родины»:

«А могло бы быть иначе» слышу я как обещанье [Иванов, 1989, с. 87]. В поэтических текстах Иванова встречается множество подтверждений того, как ценностно актуализированные образы (*снега*, *далёкой России*, *тоски* и *изгнанничества*) формируют устойчивые контаминации ценностно-смыслового пространства его индивидуально авторского художественного дискурса. Этим объясняется генерирование аксиологических смыслов даже в нейтральных, на первый взгляд, текстах:

И нет ни Петербурга, ни Кремля,

Одни снега, снега, поля, поля... [Иванов, 1989, с. 79]. Очевидно, что для моделирования когнитивной структуры семантики авторских номинаций в художественном дискурсе важен ценностный аспект.

Интересно, что не эмигрировавший Мандельштам тоже ощущает трагизм эпохи, и концептуализация «Изгнания» также сопровождается образными вариациями снежного *морозного* пространства,

когда «...ночь **зимняя** гремит по улицам Москвы» [Мандельштам, 1993, с. 51] или «...белый, белый снег до боли **очи** ест» [Мандельштам, 1993, с. 37]. Сопоставление когнитивного основания похожих в лексическом наполнении поэтических образов наглядно подчёркивает значимость именно аксиологического плана художественного дискурса, поскольку в творчестве Мандельштама ценностью выступает «Поэзия». Как Поэт и ради «Поэзии» он остаётся в неудобном холодном пространстве, поскольку это миссия только «избранных»:

Кому зима – арак и пуни голубоглазый, <...>

*Кому жестоких звёзд солёные **приказы***

В избушку дымную перенести дано [Мандельштам, 1993, с. 36]. Отчётливо видны недобрые коннотации образов *зимы* и *снега*, но ради высокой цели Поэт может смириться с несправедливым и опасным окружением в новой стране:

По старине я принимаю братство

*Мороза крепкого и **щучьего суда*** [Мандельштам, 1993, с. 51]. Семантика лексических вербализаторов наполняется под воздействием аксиологических факторов, формирующих восприятие художественных текстов.

Второй важный момент заключается в том, что рассматриваемые аксиологически нагруженные «экзистенциальные образы», репрезентирующие интеграцию образов «Снега» и «Родины», функционируют именно в эмигрантском художественном дискурсе [Нагибина, 2015, с. 39]. Думается, в когнитивном аспекте их следует рассматривать как своеобразные «культурные стереотипы», причём, именно как «репрезентанты русского культурного пространства» [Красных, 2016, с. 322–323]. Соответственно, в художественном дискурсе Г. Иванова вербализация тоски по России репрезентирует ценность «Родины», представленной в образах прежней России, что сопровождается идеализацией и несколько пасторальным характером аксиологически нагруженных контекстов, которые мы рассматриваем как «ценностные репрезентации» [Семененко, 2011, с. 351]. Сопоставление аксиологических номинаций в текстах разных авторов позволяет показать, что поэты в иной аксиологической системе вербализуют ценностно значимые для них явления. В то же время, данный подход подтверждает и тот факт, что ценности следует рассматривать как не объективную категорию художественного дискурса.

В художественном дискурсе Мандельштама нами выявлен ценностный статус концептуальной сферы «Поэзия». Представляющее для поэта особый мир, не подверженный влиянию времени и не доступный разрушению под действием «толпы», поэтическое пространство обеспечивает истинному Поэту экзистенциальную свободу от разрушающего искусство давления социальной «Системы». Однако, мы не находим аналогичной ценности «Поэзии» в стихах Иванова. Удачным примером предстаёт текст Иванова, написанный в 1936 г.:

...Вечный сон: забор, на нём слова.

Любопытно – поглядим-ка.

*Заглянул. А там **трава, дрова,***

Вьётся та же скука-невидимка [Иванов, 1989, с. 144]. Легко прочитывается аллюзия к паремическому тексту «на дворе – трава, на траве – дрова», репрезентирующему в данном контексте концепт «Банальность». Не вдаваясь в тонкости правомерности трактовки данного текста как паремического, можно видеть его роль в репрезентации аксиологического содержания. Трансформированный автором этнокультурно значимый текст реализует «дискурсивный потенциал», подтверждая не только способность «служить текстообразующим средством» [Семененко, 2015, с. 55], но и демонстрируя механизмы генерирования ценностной составляющей концептуального пространства авторского художественного дискурса.

Также следует отметить роль синтаксической организации: простейшая перечислительная конструкция на синтаксическом уровне языковой системы репрезентирует тот же концепт «Банальность».

Важно и то, как в ценностном плане репрезентируется оценка «Слова», которое обесценено до надписи на заборе. Концепт «Поэзия» в таком контексте приобретает признаки «банальность» и «механистичность», теряя ценностную актуализацию. Думается, в аллюзии скрыта и авторская оценка всей эмигрантской поэзии, к этому времени фактически лишившейся массового читателя, заметно ограничившейся в тематическом плане и уже потерявшей энтузиазм противостояния советской России [Костюков, 2009, с. 240].

Сопоставление демонстрирует, насколько различаются диаметрально противоположные аксиологические системы двух авторов:

1) лирический герой Мандельштама, даже лежащий «в земле», жив, пока есть «губ шевеление»:

Лишив меня морей, разбега и разлёта

*И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы – блестящего расчёта,*

Губ шевелящихся отнять вы не смогли [Мандельштам, 1994, с. 94]; репрезентирована спасительная сила «Поэзии»;

2) лирический герой Иванова в мёртвом мире не живёт, хотя продолжает читать «слова на заборе», в остановившемся и поэтому «вечном» времени, в мире «банальной и сладкой тоски» [Иванов, 1989, с. 134] продолжает с кем-то разговаривать:

*О нет, не обращаюсь к миру я
И вашего не жду признания.*

Я попросту хлороформирую

Поэзией своё сознание [Иванов, 1989, с. 133]. Важно отметить, что нами сопоставляются сложившиеся поэтические системы не раннего (часто подражательного) творчества. Это зрелые поэты, и векторы их творческого поиска постепенно расходились в разных направлениях.

Можно сделать некоторые выводы, обобщив ценностные аспекты концептуального плана художественного дискурса Г. Иванова. Георгий Иванов на три года младше Осипа Мандельштама, они почти одновременно вошли в литературные круги Петербурга, бравирова своей дружбой и нарочито богемным образом жизни. Позже Иванов эмигрировал из советской России, но и Мандельштам не стал своим в новой стране. Поэтому трагическое одиночество очевидным образом объединяет произведения этих разных авторов, при этом позволяя в сопоставлении посредством когнитивного анализа ценностных репрезентаций выявить глубинные когнитивные механизмы репрезентации различий в аксиологическом плане художественного дискурса.

В лингвоментальном пространстве художественного дискурса Г. Иванова когнитивная антиномия проводит аксиологический раздел через вариативность концептуализации образа «Родины»: виртуальная Россия прошлого – современная советская Россия. Объяснимые коннотации, характерные для всей поэзии русского зарубежья, у Иванова специфически приобретают черты загробного мира. Идиллии прежней жизни в поэзии Иванова были вербализованы в архетипических образах «Золотого века», теперь же пасторальный хронотоп поэзии Иванова до-эмигрантского периода сменяется образами «пустоты» и «мёртвого пространства», в котором продолжают существовать лирический герой, его любимая, литературные оппоненты, изредка упоминаются детали городских пейзажей Парижа или Ниццы. И это «Загробное существование» локализовано в хронотопе «Эмиграция».

Различия в механизмах актуализации аксиологического содержания хорошо видны на примере функционирования в разных поэтических системах, например, имени Ленора – это известный персонаж немецкого романтизма, в балладах Ленора выступает своеобразным посредником между царством мёртвых и живых. В тексте Мандельштама семантический объём данной номинации, в ряду перечислений других литературных имён, не ограничен:

Я научился вам, блаженные слова:

Ленор, Соломинка, Лигея, Серафита... [Мандельштам, 1993, с. 125].

В тексте Иванова аллюзия к этому же балладному образу точно повторяет ритмику перевода В. Жуковского. В данном тексте посредством использования романтического образа *Леноры* воплощён не просто мир загробного существования, но предельно усиливается качество «неживого», представляя эмигрантский мир «мертвее мёртвого»:

Леноре снится страшный сон –

Леноре ничего не снится [Иванов, 1989, с. 128]. Отчётливо видно, как достаточная логичность в синтаксическом и смысловом построении фразы конкретизирует коннотации дискурсивного смысла. В тексте Мандельштама отдельная номинация того же персонажа оставляет неопределённым спектр коннотаций, предоставляя читателю широкий простор для образного «достраивания» эстетического пространства.

Мифологический подтекст можно рассматривать как имплицитный элемент авторского кода, оказывающий заметное влияние на формирование образного строя произведения. При этом лексическое наполнение художественных текстов, выступая эксплицитным и материально выраженной «словесной тканью» авторского творчества, вербализует сложный многоуровневый характер когнитивных структур. В когнитивный план эстетически ориентированного дискурса помимо базовых когнитивных элементов концептуализации включены стереотипные образы, культурные символы, мифологические подтексты, исторические аллюзии – всё то, чем наполнены коды культуры как «основной способ организации культурного пространства» [Ковшова, 2012, с. 169]. Художественные произведения рассматриваемых авторов посредством апелляции к разным прецедентным образам «включаются» в культурный пласт эстетически ориентированного дискурса. Неповторимый характер авторской трак-

товки известных образов мифологического пространства культуры и делает возможным подход к исследованию художественного дискурса конкретного автора как уникальной поэтической системы.

Заключение

Наше исследование механизмов формирования смысла во взаимодействии стабильных и нестабильных смыслообразующих элементов дискурсивного пространства показывает, что смыслоформирование можно понимать как спонтанный процесс лишь условно, поскольку множество факторов, определяющих направления смысла, задают несколько «конкурентных» векторов. Традиционные мифологические образы, опирающиеся на архетипические представления, в смыслопорождающем пространстве художественного дискурса генерируют аксиологический потенциал авторских дискурсивных номинаций. Тем самым, мифологический подтекст выступает связующим элементом для нескольких когнитивных структур, вербализованных в разных текстах автора.

Таким образом, в числе факторов, определяющих специфику художественного своеобразия поэтических текстов, следует рассматривать индивидуально осмысленное ценностное содержание, вербализованное в художественных текстах автора. Субъективностью мировосприятия конкретного автора обусловлен специфический контур ценностного плана в авторском художественном дискурсе.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеологические логосистемы: архетипы и символы // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). С. 7–13.
2. Васильева М.А. Двойник-отражение: эволюция мотива в лирике Г. Иванова // Сюжетология и сюжетология. 2014. № 2. С. 100–107.
3. Иванов Г.В. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. Москва: Книга, 1989. 574 с.
4. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 456 с.
5. Костюков Л.В. Иванов Г.В. // Русские писатели, XX в.: биограф. словарь / Сост. О.И. Шайтанов. Москва: Просвещение, 2009. С. 240–241.
6. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии: монография. Москва: Гнозис, 2016. 496 с.
7. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.2. Стихотворения. Проза. Москва: «Арт-Бизнес-Центр», 1993. 704 с.
8. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.3. Стихотворения. Проза. Москва: «Арт-Бизнес-Центр», 1994. 528 с.
9. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Москва: Восточная литература, 2006. 407 с.
10. Нагибина Н.М. Россия в зарубежной поэзии Георгия Иванова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2015. № 20. С. 37–42.
11. Семенов Н.Н. Русские пословицы: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2011. 355 с.
12. Семенов Н.Н. От внутренней формы к оценочному смыслу: дискурсивные приращения в пословичной семантике // Евразийский вестник гуманитарных исследований. Пермь, 2015. № 1 (2). С. 54–57.
13. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. Москва: ФЛИНТА, 2012. 196 с.
14. Эпштейн М.Н. Поэзия и сверхпоэзия: О многообразии творческих миров. Санкт-Петербург.: Азбука, 2016. 480 с.

Osadchaja M.N.

Bibliographer,

Stary Oskol's branch of Belgorod State University

AXIOLOGICAL ASPECTS OF COGNITIVE MODELING OF LITERARY'S DISCOURSE MEANING SPACE

In the article the mechanism of formation within mythological implications and archetype's implications is described as the basis of axiological representation. Features of axiological representations in O. Mandelstam's literary discourse and G. Ivanov's literary discourse are considered within a cognitive-discursive approach. Mechanisms of cognitive modeling within mythological implication are described as evaluation representations of author's literary discourse.

Key words: author's-individual literary discourse, axiological representation, cognitive modeling.

УДК 81'27

Ерофеева Тамара Ивановна

Доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Тел.: 8 (342) 2396-477

E-mail: psu@mail.ru

ЛИНГВИСТИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В МЕТОДИЧЕСКОМ РАКУРСЕ РАССМОТРЕНИЯ

Дана краткая характеристика трех учебных пособий и одного спецкурса, рассматривающих актуальные проблемы изучения речи современного города. В учебных пособиях показаны методы обработки местной устной речи, что представляется ценным как для студентов, так и для ученых – социолингвистов.

Ключевые слова: современная городская речь, теоретические проблемы, социо- и психолингвистические методы, практическая ценность.

Введение

Настоящая тема посвящена рассмотрению методического аспекта такой теоретической проблемы, как исследование лингвистики городского пространства. В Пермском центре по изучению разговорной речи в 2002 г. издано учебное пособие «Локализмы в литературной речи горожан» (авторы: Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева, Ф.Л. Скитова), в котором описываются диалектные особенности речи носителей литературного языка. При этом задача пособия не сводилась к тому, чтобы побуждать студентов изгонять из своей речи все привычное с детства; значительно сложнее – учить овладевать искусством нормированной литературной речи и вместе с тем умело пользоваться богатством национального языка в целом, народного – в частности.

Основная часть

Учебное пособие включает краткую характеристику локализмов как особой лингвистической категории, складывающейся в процессе взаимодействия литературного языка и диалектов. Оно содержит лексикографический обзор локальных элементов, обнаруженных в литературной речи горожан пермского региона на различных языковых уровнях: лексическом, фонетическом, морфологическом, синтаксическом. В основу пособия легли многолетние наблюдения авторов над разговорной речью города. Целенаправленная работа с локальным вариантом литературного языка (в том числе и наблюдения над собственной разговорной речью) оказалась актуальной для формирования речевой культуры преподавателя разных регионов России.

Исследование локальных элементов в литературной речи горожан обладает и теоретической значимостью, ибо способствует разработке таких актуальных проблем, как языковой быт города; единство и вариативность литературного языка; узуальная норма городской литературной речи и др., – и в этом смысле его результаты важны для курса «Социальная диалектология», спецкурсов «Изучение устной русской речи», «Лингвистика городского пространства» и др.

Наконец, современный специалист должен не только в совершенстве разбираться в системе русского литературного языка, владеть нормами кодифицированной русской речи и множеством методических приемов, но и уметь квалифицированно анализировать факты реального языка с теоретической точки зрения, чтобы иметь возможность в сложной языковой ситуации российской периферии методически правильно объяснять их своим ученикам. Поэтому особую важность в этом смысле приобретает знание экстралингвистических аспектов функционирования русского языка, в том числе и социолингвистических, позволяющих учитывать разнообразные языковые ситуации, складывающиеся в различных городах на территории России.

Тенденции, определяющие современное состояние лингвистической науки, учтены в теоретических курсах учебной программы бакалавров и магистров.

Подробнее остановимся на содержании спецкурса «Лингвистика городского пространства». Этот спецкурс рассчитан на 18 часов и предполагает изложение основных сведений по социолингвистике. Важное место в решении этой задачи занимает рассмотрение понятийного аппарата, круга актуальных проблем социолингвистики, подходов к исследованию языкового материала, возможностей социолингвистического исследования. Проблематика науки анализируется с точки зрения природы социальных отношений, изменений социальной структуры, интересов субъектов социального взаимодействия и т.д.

В спецкурсе включены вопросы, связанные с исследованием и описанием языковой ситуации. В контексте этой темы предполагается рассмотрение таких теоретических понятий, как формы существования языка; природа языковых норм; языковая политика и языковое планирование. Естественно, что языковая ситуация в рамках данного курса анализируется на примере языковой ситуации Пермского края. Поскольку русский язык в Прикамье развивается и функционирует в условиях взаимодействия с языками тюркской семьи (татарским, башкирским) и уральской семьи (в первую очередь коми-пермяцким), особое внимание уделяется проблеме языковых контактов, двуязычия и билингвизма [Боронникова и др. 2011].

Следующий цикл вопросов, рассматриваемых в названном спецкурсе, касается изучения коммуникативного поведения. Сегодня уже можно говорить о сложившемся теоретическом аппарате, методах и приемах, используемых в данном разделе языкознания. В рамках спецкурса на материале различных лингвистических исследований [см., например: Ерофеева Е., 2010; Ерофеева Т., 2010; Прохоров, 1996; Прохоров, Стернин, 2006] дается описание русского коммуникативного поведения, а также демонстрируется важность учета коммуникативного поведения при обучении иностранному языку.

Студенты знакомятся также с основами прагматики – науки о коммуникативном взаимодействии говорящего и слушающего; правилах, позволяющих построить высказывание таким образом, чтобы адекватно воплотить свое коммуникативное намерение. Преднамеренная деформация адресантом коммуникативного пространства трактуется как речевая агрессия. В спецкурсе рассматриваются стратегии речевой агрессии и раскрывается понятие конфликта. Данный раздел спецкурса заканчивается рассмотрением «языковых игр» как вида использования речи [Гридина, 1996; Санников, 1999].

Социолингвистический аспект изучения языкового материала строится в рамках терминологического аппарата социальной диалектологии. Вводится понятие *социолект*, понимаемое как речь «среднего индивида», представляющего определенную группу, культуру; обсуждается система речевых средств группы, определяемая рядом социальных факторов. Данный раздел спецкурса подразумевает социолингвистический анализ конкретных социолектов Перми и городов Пермского края. На материале фонетических, лексических и грамматических единиц демонстрируется разница в характеристиках речи, обусловленная влиянием различных социальных факторов: пола, возраста, места рождения, образования, специальности и т.п. [Ерофеева Е., 2005, 2010; Ерофеева Т., 2004, 2009, 2010].

Рассмотрение функционирования лексических единиц языка реальной речевой деятельности проводится при обращении к словарю нового типа – социолингвистическому глоссарию пермских локализмов – слов диалектного или собственно городского происхождения, имеющих ограниченное употребление в Перми и других городах края [Грузберг, Ерофеева Т., 2009]. Словарь достаточно полно описывает территориальную и социальную основу лексических локализмов: в нем представлена информация об употреблении слов разными социальными группами и в разных городах Пермского края. Можно сказать, что данный словарь – это словарь социально-речевого престижа, что дает возможность использовать его как источник наиболее употребительных в широких слоях населения локализмов.

Лингвокультурный аспект изучения языка строится на показе фрагментов языковой картины мира по данным обыденных толкований слов [Балашова, 2005] и данных сценической речи [Щукина, 1999; Санников, 1999]. Проблемы когнитивной лингвистики обозначены в спецкурсе через исследование концептов «время», «любовь» и гендерной специфики когнитивных моделей ситуаций [Мамонова, 2006; Усманова, 2006].

Все теоретические вопросы, рассматриваемые в рамках социальной диалектологии, опираются на анализ конкретной языковой ситуации г. Перми и Пермского края.

Таким же образом построено учебное пособие «Штрихи речевого портрета Прикамья», опубликованное в 2010 г. Оно представляет результаты исследования речи горожан в ракурсе, определяемом проблематикой социальной диалектологии. Демонстрируются нормы устной городской литературной речи; лексикон городских социолектов, методика их исследования; индивидуальная речевая продукция; отражение социолингвистической информации в словарях городской речи; характеризуются актуальные для жителей концепты – тем самым создаются штрихи языковой картины мира горожан. Пособие предназначено для студентов филологического факультета, учителей школ и тех, кто интересуется проблемами комплексного изучения человека.

В 2016 г. опубликовано учебное пособие «Лингвистика городского пространства», посвященное языку города. Пособие состоит из 3 глав.

В первой главе рассматриваются языковые процессы в городе. Подробно описаны некоторые социолекты, реализующиеся в городской речи жителей Пермского края (тема 2); группы локальных и просторечных единиц в речи городского населения и художественной речи (тема 3); профессиональная микросфера (тема 4); арготические элементы в территориальном и социально-психологическом аспектах (тема 5). Есть темы, раскрывающие различные стороны коммуникации (диалогическое общение, нарратив, языковая игра и т.д.).

Глава 2 посвящена социопсихологическому описанию портретов городов Соликамска, Кунгура, Чусового, Глазова, Перми.

Глава 3 демонстрирует культурное пространство города через субкультурные лексические микросферы.

Описание речевой продукции ведется с помощью различных методов, в том числе и лексико-графических.

Заключение

Итак, создание трех учебных пособий, посвященных описанию городского пространства, позволяют глубже показать теоретические проблемы, которые характерны для языка города. Обращение пермских лингвистов к социолингвистическому рассмотрению языка городов отдельного региона приобретает в настоящее время особое значение, поскольку без сбалансированной, научно обоснованной региональной политики не могут решаться общегосударственные проблемы. Недаром Н.М. Карамзин писал «Россия сильна провинцией».

Список литературы

1. Балашова Е.А. Наивная картина мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (опыт исследования четырех фрагментов). Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 2007. 176 с.
2. Боронникова Н.В. и др. Проблемы изучения билингвов единого региона. Социальные варианты языка – VII: материалы междунар. науч. конф., 14–15 апр. 2011 / Н.В. Боронникова, Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева, Т.И. Доценко. Нижний Новгород: Изд-во «Нижегор. лингв. ун-т», 2011. С. 33–35.
3. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотипы и творчество. Екатеринбург: Изд-во «Урал. гос. пед. ун-т», 1996. 214 с.
4. Грузберг Л.А., Ерофеева Т.И. Социолингвистический глоссарий Пермских локализмов как словарь нового типа // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журн. РАН / под ред. М.Г. Абрамзона. Москва, Магнитогорск, Новосибирск: Изд-во ООО «Аналитик», 2009. Вып. 2(24). С. 476–481.
5. Ерофеева Е.В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во «Перм. гос. ун-т», 2005. 320 с.
6. Ерофеева Е.В. Дифференциация и интеграция социолектов: к вопросу о взаимодействии социальных факторов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 5. С. 39–47.
7. Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан / Пермь: Изд-во «Перм. гос. ун-т», 2002. 106 с.
8. Ерофеева Т.И. Лингвистика городского пространства. Социолингвистический подход изучения: учеб. Пособие. Пермь: Изд-во «Перм. гос. ун-т», 2016. 196 с.
9. Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование. Пермь: Изд-во «Перм. гос. ун-т», 2009. 240 с.
10. Ерофеева Т.И. Штрихи речевого портрета Прикамья. Учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во «Перм. гос. ун-т», 2010. 192 с.
11. Мамонова Ю.А. Имя ВРЕМЯ и имя CAS в аспекте теории концепта (на материале русского и чешского языков) Автореф. ... к. филол. н. Пермь, 2006. 19 с.
12. Прохоров Ю.Е. Национальные и социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Москва: Педагогика Пресс, 1996. 228 с.
13. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж: Истоки, 2006. 238 с.

14. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. Москва: Языки русской культуры, 1999. 541 с.
15. Усманова М.В. Гендерная специфика когнитивных моделей ситуаций (на материале устных спонтанных монологов). Учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во «Пермск. гос. ун-т», 2006. 152 с.
16. Щукина И.Н. Сценическая речь в аспекте сценической нормы. Автореф. ... к. филол. н. Пермь, 1999. 19 с.

Erofeeva T.I.

*Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics,
Perm State University*

LINGUISTICS OF THE CITY SPACE IN METHODOLOGICAL ASPECT

The article provides a short characteristics of three textbooks and a special course on vital issues of study of the modern city speech. The textbooks demonstrate some research methods of local speech which are considered to be valuable for sociolinguistics students and researches.

Key words: modern city speech, socio- and psycholinguistic methods, practical value

УДК 378

Алексеева Лариса Михайловна

Доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396-477
E-mail: alm@psu.ru

Мишланова Светлана Леонидовна

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396-477
E-mail: mishlanovas@mail.ru

ПОНЯТИЕ ТРАНССЕМИОТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ¹

В статье рассматривается одно из актуальных понятий современной профессиональной лингводидактики – транссемиотические компетенции. Анализ проводится в сравнении с универсальными компетенциями. Данное понятие рассматривается в социальном и собственно научном аспектах. Особое внимание уделено соотношению понятиям транссемиотических компетенций и языковой личности.

Ключевые слова: транссемиотические компетенции, универсальные компетенции, профессиональная деятельность, транслингвистика, переводческая компетенция, терминологическая компетенция, метафорическая компетенция.

Введение

Понятие транссемиотических компетенций лежит в основе новой категории, формирующейся в отечественной лингводидактике. Данная наука с учетом характера современного процесса обучения профессиональной деятельности, обнаруживающего признаки комплексности и трансмедиативности [Буданов, 2000; Князева, Курдюмов 2003; Bernstein, 2015; Hadjioannou, Hutchinson, 2014; Russell, et al. 2008; Siegel 1995, 2006; Suhor, 1984], преобразуется в новую отрасль знания – профессиональную лингводидактику, интегрирующую в себе задачи формирования профессиональной компетенции специалиста [Крупченко, Иноземцева 2014]. В содержании данной науки большая роль отводится повышению эффективности обучения профессиональной деятельности, предполагающей ее изучение как системного объекта на основе его универсальных и специфических свойств [Грудзинский, Бедный, 2009].

Основная часть

Профессиональная лингводидактика формируется вокруг суждения о том, что исследуемый любой наукой мир изучается единым, не разделенным на отдельные географические, геологические, физические и социокультурные миры. Поэтому те проблемы, которые стоят перед исследователями, являются не столько предметными, сколько универсальными для *всех* наук, как естественных, так и гуманитарных. Эти проблемы не могут быть разрешены усилиями представителей какой-либо одной науки, а требуют совместных усилий со стороны многих наук. «Уже одно это обстоятельство заставляет нас искать формы совместной работы над общими проблемами, формы междисциплинарной коммуникации и комплексного полипредметного мышления» [Щедровицкий, 1995, с. 143].

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №16-13-59006).

Создание новых комплексных наук предполагает формирование новых компетенций, связанных с пониманием необходимости интеллектуального обеспечения собственной деятельности, отбором и использованием нужных для этих целей интеллектуальных средств [Марача, 2002]. Поэтому дальнейшая разработка теоретико-методологических оснований профессиональной лингводидактики включает процесс формирования таких профессиональных компетенций, которые бы соответствовали предмету, цели и задачам новой научной дисциплины.

Понятие универсальных компетенций

Данный вид компетенций первоначально получил название универсальных и был рассмотрен в федеральных государственных стандартах для аспирантов [ФГОС, 2014]. В данном документе этот вид компетенций соотносился с наивысшим уровнем получения знания и не зависел от конкретного направления подготовки. В самом общем виде содержание универсальных компетенций связывалось с формированием способности к критическому анализу и оценке современных научных достижений, со способностью аспиранта проектировать и осуществлять комплексные междисциплинарные исследования с помощью целостного системного научного мировоззрения.

Таким образом, обобщенное понятие универсальных компетенций мы соотносим со следующими характеристиками:

1. «Понятийным каркасом» универсальных компетенций являются представления о целостности обучения и эффективности профессиональной коммуникации. За последнее время представление о формировании такого рода компетенции как основной лингводидактической деятельности значительно изменилось благодаря новому принципу – целостности характера обучения.

2. Понятие универсальных компетенций расширяет горизонты гуманитарных наук и позволяет сформировать личность выпускника-профессионала, владеющего универсальными компетенциями

3. Понятие универсальных компетенций позволит переосмыслить традиционный строго дисциплинарный (иерархический) подход к обучению, поскольку они являются по своей природе метапредметными.

4. Именно универсальные компетенции актуализируют начавшуюся в современной науке интеграцию отдельных областей знания. В этой ситуации разработка понятия универсальной компетенции может оказаться для профессиональной лингводидактики существенно более традиционных исследований содержания частных, видовых компетенций.

Разрабатываемое в нашем исследовании понятие транссемиотических компетенций, в определенном смысле, направлено на усовершенствование существующего понятия универсальных компетенций [Алексеева, Мишланова, 2015, 2016, 2016а]. При этом оно получает иное толкование, поскольку использует другие теоретико-методологические основы. Универсальные компетенции, имеющие интердисциплинарный характер, формируют наивысший уровень компетенций, обеспечивающих языковое сопровождение профессиональной деятельности. В этом случае внедрение универсальных компетенций в процесс обучения межъязыковой, межличностной и профессиональной коммуникации способствует успешному освоению студентами специального знания, овладению умениями и навыками, соответствующими требованиям их будущего рабочего места и выбранной профессии.

Характеристика транссемиотических компетенций

Главная особенность транслингвистических компетенций – это их транслингвистическая (внеязыковая) природа. Транслингвистикой Вяч. Вс. Иванов называл науку, которая занимается текстом и выходит за пределы предложения, на котором традиционный лингвистический анализ должен заканчиваться [Иванов, 2008, с. 84]. Традиционные культуры, начиная с фольклорных, отбирают ограниченное число текстов в качестве образцовых. Их изучение и полное (в преобладающих и архаических обществах) или частичное запоминание составляет основу образования. В современных научных традициях признаются такие области, как история философии, которые целиком основаны на изучении и комментировании ранее написанных текстов [Там же, с. 87]. Таким образом, с помощью транссемиотических компетенций можно осуществлять выход в иные, чем язык, пространства деятельности.

Базовым понятием для рассмотрения транслингвистических компетенций является семиотическая деятельность профессиональной личности, выражающаяся в процессах образования и развития языковых знаков. Очевидно, что подобное понимание транссемиотических компетенций соотносится с главным семиотическим концептом – семиосферой, ассоциирующейся с пространством семиозиса, то есть с пространством взаимодействующих (функционирующих) языков (кодов, знаковых систем), характеризующихся развитием (умножением и обновлением) знаковых систем [Лотман, 1999]. Именно понятие семиосферы позволяет трактовать транссемиотические компетенции как особый вид компетенций, ассоциируемый с возможностью студента осуществлять знаковую деятельность, механизм

которой связан с усвоением, выведением и созданием производных знаков, или метазнаков (терминов, переводных текстов и метафорических моделей).

Значение и роль транссемиотических компетенций проявляются в двух аспектах: социальном и собственно научном. Современный этап развития общества, начавшийся в 1990 г., был определен как персонологически-метафизический. В качестве его основных черт назывались глобализация, развитые информационные телекоммуникации, интернет и e-business. Главные процессы, происходящие в этот период, это перманентная инновация, постоянный поиск нового, создание привлекательного, интеллектуально и эмоционально нагруженного продукта деятельности [Тульчинский, 2002, с. 311.]. Социальные изменения в современном обществе предполагают развитие новых форм компетенций в аспекте эффективности человеческого потенциала.

Социализация современного человека – это разновидность единого когнитивного акта, при котором интериоризируется не отдельное знание или социальный (полезный) навык и даже не их системное целое (например, образовательный стандарт), а информационно-интеллектуальная (интегрированная) картина мира [Сулимов, 2013, с. 23]. Таким образом, интеллектуальные герменевтические практики являются наиболее пригодной модельной основой модернизирующейся школы. По мнению исследователя, вся современная отечественная школа построена, к сожалению, на устаревшей «элементной базе» [Там же, с. 26].

Собственно научная значимость транссемиотических компетенций связана с необходимостью преодоления ограниченности и неоправданных трудозатрат предшествующих технологий обучения профессиональной деятельности, ориентированных на монодисциплинарность, аспектуальность и преимущественно языковую составляющую обучения.

Структура транссемиотических компетенций

Комплексный характер транссемиотических компетенций выражен с помощью трех составляющих: терминологической, переводческой и метафорической компетенций. В традиционных моделях терминологической, переводческой и метафорической компетенций преобладали следующие представления: а) отправным пунктом моделей являлся текст, б) модели имели линейный и последовательный характер, в) они были сосредоточены на решение языковых проблем. В противоположность этому, универсальные модели: а) опираются на специальную опосредованную языком деятельность (дискурсивную деятельность), б) демонстрируют сопряженность и параллельность этапов формирования компетенций, в) направлены на решение языковых, когнитивных и коммуникативных задач.

В семиотическом аспекте данные компетенции приобретают иную трактовку. Терминологическая компетенция формирует у студента фундаментальные основы научного мышления и управляет процессами трансформации бытового мышления в мышление научное, то есть охватывает своей креативностью и проблематикой все специальности и профессии. Овладение переводческой компетенцией соотносится с возможностями решения сложных профессиональных задач, связанных с созданием коммуникативно направленного текста как продукта межъязыковой профессиональной коммуникации. Цель моделирования переводческой компетенции – раскрыть значение обучения переводу как трансляции коммуникативно пригодной мысли. В этом аспекте предполагается создание интегративной модели переводческой компетенции, необходимой в ходе обучения студентов профессиональной межъязыковой коммуникации. Метафорическая компетенция воплощает методологию обучения во многих дисциплинах, это принцип «одно с помощью другого», «принцип толкования». Масштаб решаемой задачи обусловлен тем, что универсальные компетенции, имеющие трансдисциплинарный характер, приобретают большую значимость в системе обучения профессиональной деятельности. Они формируют наивысший уровень компетенций студентов, обеспечивающих языковое сопровождение профессиональной деятельности. Многоуровневость и комплексность транссемиотических компетенций предполагает их изучение в единстве трех направлений: языковом, когнитивном и коммуникативном. Комплексная и многоуровневая структура универсальных компетенций способствует успешному освоению студентами специального знания, овладению умениями и навыками, соответствующими требованиям будущей профессии.

Транссемиотические компетенции и языковая личность

Понятие транссемиотических компетенций формируется с учетом современной гуманистически-личностной парадигмы знания [Болдырев, 2016; Вязникова, 2015; Демьянков 2015, 2016а, 2016б]. Это значит, что данное понятие характеризуется, прежде всего, в аспекте гуманистического подхода в обучении, то есть с ориентацией на личность студента, на его культурное развитие, личностный и профессиональный рост, на построение таких форм и методов обучения, которые были бы личностно значимы для студентов.

Отметим, что исследования языковой личности в настоящее время относятся к числу приоритетных лингвистических задач. Языковая личность как объект лингвистической теории входит в предметы многих научных дисциплин: в функциональную стилистику, культуру речи, риторику, прагмалингвистику, психолингвистику, когнитивную лингвистику, социолингвистику, этнолингвистику, лингвокультуроведение, лингвистику текста, поскольку становится все более очевидным, что как человека нельзя изучать вне языка, так и язык нельзя изучать вне человека [Алексеева, Мишланова, 2002]. Исследователи считают, что построение «личностной парадигмы» должно сыграть интегрирующую роль в отражении языковой картины мира. Речевое поведение отдельной личности представляет собой наиболее характерное, регулярное, рационально объяснимое и эмоционально оправданное состояние человека. Понятие языковой личности понимается как многослойный, многокомпонентный, структурно-упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения [Богин, 1984]. Языковая личность всегда «многорольна» и многомерна, она легко демонстрирует готовность варьировать речевое поведение как личное, регулярно осуществляемое умение выполнять разные речевые роли, которые составлены из «присвоенного» разностилевого репертуара языковых средств применительно к конкретным обстоятельствам общения. При этом собственное языковое выражение оказывает на самого говорящего не меньшее воздействие, чем на других собеседников (слушателей), то есть говорящему необходимо моделировать в себе слушателя, «сопрягать» свое речевое поведение с речевой стратегией партнера. Интеллектуальные характеристики личности, как правило, выдвигаются на первый план. «Интеллект наиболее интенсивно проявляется в языке и исследуется через язык» [Караулов, 2010, с. 36]. Каждая языковая личность выбирает и «присваивает» именно те языковые средства, которые отражают ее жизненное кредо, ее жизненную доминанту [Там же, с. 53].

Языковая личность проявляет себя через порождаемый ею *дискурс*, в котором отражаются знания о мире, оценочные установки, владение языковой техникой и особенности структурирования действительности. Эти моменты могут быть обусловлены, с одной стороны, особенностями языковой личности как индивида, с другой – принадлежностью личности к некоторому социуму, могут быть детерминированы временем, уровнем общей культуры, идеологической ориентацией, профессиональной принадлежностью индивида. ЯЛ формируется в конкретном социокультурном пространстве.

Ю.Н. Караулов в структуре языковой личности как модели «языковой способности индивида, соединяющей системное представление языка с функциональным анализом текстов» выделяет три уровня: вербально-грамматический, когнитивный и прагматический. Вербально-грамматический уровень в структуре языковой личности ответствен за семантику слов и правила их комбинирования в речевые цепи, когнитивный – за формирование знаний о мире носителя языка, закрепленные в языковых структурах, которые, помимо языковой семантики, несут более широкую информацию об устройстве мира, прагматический уровень ответствен за понимание позиции, места человека (говорящего) в мире; он определяется мотивами, интересами, оценками и поведенческими установками личности [Караулов, 2010, с. 154–155].

Существующий процесс подготовки специалистов-профессионалов по-прежнему ориентируется на созданные стандарты и нормы профессиональной деятельности. В подготовке специалистов «по-прежнему стремятся к получению таких продуктов, которые были заданы как образцы в их профессии, и работают привычными для них профессиональными средствами и методами. Более того, представители каждой профессии трактуют смысл и содержание системного движения соответственно своим профессиональным канонам и стремятся так преобразовать и организовать всю системную область, чтобы она соответствовала привычным для них схемам, и даже настаивают на том, чтобы все остальные участники системного движения работали только по этим схемам. Иными словами, каждая профессия в рамках системного движения стремится освоить и ассимилировать весь материал системного движения и системной области в специфических для нее формах мышления и деятельности» [Щедровицкий, 1995, с. 89]. Следовательно, рассмотрение транссемиотических компетенций в аспекте языковой личности оказывается плодотворным.

Выводы

В своих исследованиях мы высказывались в пользу создания целостной, многоуровневой системы формирования у студентов транссемиотических компетенций как основы их будущей профессиональной деятельности. Результаты внедрения данной системы в образовательный процесс обеспечат проведение экспертно-аналитического мониторинга уровня сформированности транссемиотических компетенций студентов вузов. Отметим, что разрабатываемые модели и технологии обучения транс-

семиотическим компетенциям имеют фрактальный характер, то есть обладают функцией самосоздания подобных технологий в иных условиях и могут послужить предметом и базой процесса непрерывного образования, включающего период послевузовского образования, а также различные формы повышения квалификации преподавателей.

Разрабатываемое понятие транссемиотических компетенций, включающих терминологическую, переводческую и метафорическую компетенции, оказывается наиболее эффективным при разработке инновационных образовательных технологий за счет комплексного и транспредметного характера. Транссемиотические компетенции направлены на то, чтобы наилучшим образом обеспечить организацию мыслительного процесса студентов в освоении и понимании ими профессионального знания, а также на разработку методики трансляции знания в условиях профессиональной коммуникации. Именно транссемиотические компетенции актуализируют начавшуюся в современной науке интеграцию отдельных областей знания в рамках образовательного процесса. Таким образом, разработка понятия транссемиотических компетенций оказывается для теории ЯСЦ и профессиональной лингводидактики существеннее исследования универсальных компетенций.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Изд-во «Перм. ун-т». Пермь, 2002. 200 с.
2. Алексеева Л.М. Мишланова С.Л. Переводческая компетенция как условие эффективной межкультурной коммуникации // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления. Материалы Международной научной конференции, 27 ноября 2015 г. Екатеринбург: Изд-во «Ур. гос. пед. ун-т», 2015. С. 11–15.
3. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Переводческая компетенция (семиотический аспект) // Индустрия перевода. Материалы VIII Международной научной конференции (Пермь, 6–8 июня 2016 г.). Пермь: Изд-во «Перм. политех. ун-т», 2016. С.163–169.
4. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Теоретические и прикладные аспекты моделирования метафоры // Когнитивные исследования языка: М-во обр. и науки РФ, акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Тюмень: Изд-во рекламно-полиграфический центр «Айвекс», 2016а. С. 59 – 62.
5. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. ... д. филол. н. Ленинград, 1984. 86 с.
6. Болдырев Н.Н. Исследование феномена человека как главная миссия когнитивной науки // Когнитивные исследования языка. Вып XXVI. Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике. Москва; Тамбов; Тюмень: Изд-во рекл. полиграф. центр «Айвекс», 2016. С. 33–37.
7. Буданов В.Г. Трансдисциплинарное образование, технологии и принципы синергетики // Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов / Под ред. В.С. Степина, С. П. Курдюмова. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 436 с.
8. Вязникова Л.Ф. Гуманитарные технологии как ресурс продуктивного образования // Социально-гуманитарные практики в образовательном пространстве России: сб-к научн.-практ. материалов Всероссийского конкурса-конференции / Под ред. Л.Ф. Вязниковой, Л.Н. Фарафоновой, С.А. Золотарёвой. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2015. 450 с.
9. Грузинский А.О., Бедный А.Б. Трансфер знания – функция инновационного университета // Высшее образование в России. 2009. № 9. С. 66–71.
10. Гусев С.С. Метафизика текста. Коммуникативная логика. Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная академия», 2008. 352 с.
11. Демьянков В.З. О языковых техниках «трансфера знаний» в гуманитарных науках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4 (045). С. 5–15.
12. Демьянков В.З. Языковые следы трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. Выпуск 23. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 17–29.
13. Демьянков В.З. Когнитивные техники трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. Вып XXVI. Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике. Москва; Тамбов; Тюмень: Изд-во рекл. полиграф. центр «Айвекс», 2016а. С. 29–32.
14. Демьянков В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Выпуск 27. Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016б. С. 36–45.
15. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
16. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
17. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Трансдисциплинарность синергетики: следствия для образования // Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. Москва: Прогресс–Традиция, 2003.

18. Князева Е.Н. Инновационная сложность: методология организации сложных адаптивных и сетевых структур // *Философия науки и техники* 2015. Т. 20. № 2. С. 50–69
19. Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // *Вопросы философии*. 2013. № 10. С. 91–104.
20. Кудрявцев И. Г. Синергетика как парадигма нелинейности // *Вопросы философии*. 2000. № 2. С. 55–63.
21. Крупченко А.К., Иноземцева К.М. Методология междисциплинарного иноязычного образования специалиста // *Языковое образование сегодня – векторы развития: Сборник трудов конференции*. Екатеринбург, 18–19 апреля 2014. Екатеринбург: Изд-во «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. С. 102–116.
22. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва: Изд-во «Языки русской культуры», 1999. 464 с.
23. Марача В.Г. Образование на рубеже веков: методологические соображения. Образование XXI века: проблемы и перспективы. Международный сборник теоретических, методических и практических работ по проблемам образования / Под ред. В. П. Зинченко. Рига, Международная ассоциация «Развивающее обучение», Педагогический центр «Эксперимент», 2002. С. 38–53.
24. Сулимов В.А. Когнитивная политика и современные образовательные практики // *Вестник Герценовского университета*. № 1. 2013. С. 22–26.
25. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. Москва: Шк. Культ. Полит., 1995. 800 с.
26. Bernstein, J.H. Transdisciplinarity: A review of its origins, development, and current issues. *Journal of Research Practice*, 11(1), 2015. Article R1. Retrieved from <http://jrp.icaap.org/index.php/jrp/article/view/510/412> (дата обращения 10.10.2017). Hadjioannou X., Hutchinson M. Fostering Awareness Through Transmediation: Preparing Pre-Service Teachers for Critical Engagement with Multicultural Literature // *International Journal of Multicultural Education*. Vol. 16, No. 1. 2014. P. 1–20.
27. Russell, A. Wendy, Wickson, Fern, Carew, Anna L., Transdisciplinarity: Context, contradictions and capacity, *Science Direct Futures* 40 (2008) 460-472, Elsevier, Stable URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016328707001541> (дата обращения: 10.10.2017).
28. Siegel M. More than Words: The Generative Power of Transmediation for Learning // *Canadian Journal of Education. Revue canadienne de l'éducation*. Vol. 20, No. 4, Cultural Psychology and Semiotics (Autumn, 1995). Pp. 455–475.
29. Siegel, M. Rereading the signs: Multimodal transformations in the field of literacy education. *Language Arts*, 84(1), 2006. Pp. 65–77.
30. Suhor, C. Towards a semiotics-based curriculum. *Journal of Curriculum Studies*, 16(3), 1984. Pp. 247–57.

Alekseeva L.M.

*Doctor of Philology, Professor, Linguodidactics Department,
Perm State University*

Mishlanova S.L.

*Doctor of Philology, Professor, Linguodidactics Department,
Perm State University*

THE CONCEPT OF TRANS-SEMIOTIC COMPETENCES

The article deals with one of the actual concepts of modern professional linguodidactics, trans-semiotic competences. The analysis is done by means of the comparison with the universal competences. The concept is regarded within the social and scientific aspects. Special attention is paid to the relationship between the concepts of trans-semiotic competences and the language personality.

Key words: trans-semiotic competences, universal competences, professional activities, trans-linguistics, translation competence, terminological competence, metaphorical competence

УДК 81'271:34

Иванова Галина Николаевна

Старший преподаватель кафедры английского языка
и межкультурной коммуникации,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел.: 8 (342) 239 63 50
E-mail: department.english@yandex.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

В настоящей статье рассматриваются вопросы формирования социокультурной компетенции студентов-юристов в процессе изучения иностранного языка в университете. Показана значимость социокультурного аспекта для формирования конкурентоспособной личности будущего юриста, определены основные направления формирования социокультурной компетенции студентов.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, изучение иностранного языка, коммуникативная компетенция, конкурентоспособная личность будущего специалиста, межкультурное общение.

Введение

В условиях глобализации обществу требуются специалисты, владеющие одним или более иностранными языками, способные выражать себя социально, профессионально и интеллектуально на иностранном языке. В этой связи главной задачей преподавателя иностранного языка является формирование потребности у студентов как будущих специалистов в профессиональном, социокультурном и личностном самосовершенствовании средствами иностранного языка. Данная статья посвящена рассмотрению вопросов формирования социокультурной компетенции студентов юридического факультета ПГНИУ в процессе изучения иностранного языка.

Овладение социокультурной компетенцией существенно влияет на культуру общения человека с другими людьми в обществе, поэтому важно показать значимость социокультурного аспекта для формирования конкурентоспособной личности будущего юриста. Под конкурентоспособностью понимают способность к конкуренции, возможность быть востребованным на рынке труда и в жизни. Специалист при этом должен обладать такими качествами и складом ума как способность к адаптации, целеполаганию, социализации, толерантности и т.д. и компетентностью в своей профессии. В статье будут также определены основные направления формирования социокультурной компетенции студентов.

Основная часть

В настоящее время необходимость развития социокультурной компетенции не вызывает сомнений. Будущий специалист должен не только овладеть умениями, навыками и знаниями, которые необходимы, чтобы использовать язык как инструмент общения и познания, но и развивать у себя способности, помогающие человеку ориентироваться в культурно-языковой среде.

Понятие социокультурной компетенции представлено в общефилософских (Флиер А.Я., Астафьева О.Н., Садохин А.П.) [Флиер, 2000; Астафьева, 2007; Садохин, 2007], лингвистических (Ян ван Эк, Сафонова В.В., Сысоев П.В., Бим И.Л., Тер-Минасова Г.С. и др.) [Ek van J., 1991; Сафонова, 2004; Сысоев, 2003; Бим, 2001; Тер-Минасова, 2008] и педагогических исследованиях (Зимняя И.А., Хуторской А.В. и др.) [Зимняя, 2006; Хуторской, 2002].

В материалах международной организации «Совет Европы по культурному сотрудничеству» социокультурная компетенция определяется как «одна из составляющих коммуникативной компетенции, понимаемой как способности к адекватному взаимодействию в ситуациях повседневной жизни, становлению и поддержанию социальных контактов при помощи иностранного языка [Ek van J., 1991, p. 11].

В российской методике схожая трактовка понятия «социокультурная компетенция» представлена в работах В.В. Сафоновой, П.В. Сысоева, которые рассматривают её как один из компонентов коммуникативной компетенции. По определению В.В. Сафоновой, «социокультурная компетенция пред-

ставляет собой совокупность определенных знаний, навыков, умений, способностей и качеств, формируемых в процессе формальной или неформальной языковой подготовки к межкультурному общению» [Сафонова, 2004, с. 25].

Дальнейшие исследования в сфере социокультурной компетенции выполнялись В.В. Сафоновой в традициях социокультурного подхода, который «акцентирует внимание на ценностном отношении к общечеловеческой и национальной культуре, стремлении к диалогическому общению с другими народами и культурами, подразумевая владение как системой ценностей культуры изучаемого языка, так и системой ценностей родной культуры» [Муравьева, 2011, с. 137–138].

Большинство исследователей, в частности, П.В. Сысоев, отмечают многокомпонентный состав социокультурной компетенции, а именно:

а) социокультурные знания (сведения о стране изучаемого языка, духовных ценностях культурных традиций, знания об особенностях национального менталитета);

б) опыт общения (выбор стиля общения, верная трактовка явлений иноязычной культуры);

в) личностное отношение к фактам культуры;

г) владение способами применения языка (правильное употребление языковых единиц в речи в различных сферах межкультурного общения) [Сысоев, 2003, с. 43].

Включение данных компонентов в рамках социокультурной компетенции указывает на значимость социокультурного аспекта в учебном процессе, в том числе для формирования конкурентоспособной личности будущего юриста.

Владение иностранным языком для специалистов всегда являлось залогом успешной карьеры. Государства на протяжении всей многовековой мировой истории стремились поддерживать контакты между собой для успешного развития экономики и установления социально-культурных связей. Высшие должности государственной службы предполагали знание как минимум одного иностранного языка, что свидетельствовало о высокой лингвистической культуре специалистов.

После Октябрьской революции 1917 г. и в первые годы советской власти руководство страны осознало необходимость налаживания разорванных ранее международных связей. Эта задача требовала владения иностранным языком на профессиональном уровне в связи с наличием в лексиконе специальных юридических, экономических и иных терминов. В это время западное государство и право развивалось активными темпами.

После 1991 г. с выходом России на мировой рынок знание иностранного языка для специалиста стало рассматриваться как один из показателей успешности личности в современном мире, индикатор конкурентоспособности человека на рынке труда и конкурентоспособности России на международном уровне в сфере профессионального образования [Иванова, Подошлева, Югова, 2010, с. 29].

Определим основные направления формирования социокультурной компетенции на занятиях по иностранному языку в группах студентов юридического факультета.

Во-первых, изучение отраслевых юридических дисциплин предполагает получение знаний об источниках права, регулирующих те или иные общественные отношения. Весомая часть источников российского права приходится на международные договоры Российской Федерации, а также общепринятые принципы и нормы международного права. Для юристов, специализирующихся в области международного права и сравнительного правоведения, знание иностранного языка позволяет обращаться к аутентичным текстам. Изучение литературы на иностранном языке также помогает выявить общемировые тенденции правовой науки.

Во-вторых, получение гуманитарного образования предусматривает овладение набором нравственно-этических и гражданских категорий, без чего не может обойтись профессиональный юрист. В связи с тем, что для юристов важно формирование активной гражданской позиции, изучение иностранного языка имеет большое значение в становлении юриста как гражданина, причастного к решению важных вопросов. Так, в процессе изучения иностранного языка будущий юрист получает знания в области страноведения, что позволяет ему ориентироваться в современных культурах и культурном наследии зарубежных государств.

В 2007 г. Постановлением Правительства была утверждена Концепция модернизации российского образования до 2020 г. В Концепции в качестве приоритетных направлений государственной политики в сфере образования обосновывается необходимость всестороннего развития будущих специалистов для эффективной интеграции в международный бизнес, привлечения иностранного капитала в экономику страны, а также формирования конкурентоспособности российских вузов в международном образовательном пространстве. Последнее предусматривает специальное приложение к диплому

о высшем профессиональном образовании, дающее право выпускнику российского вуза поступать в магистратуру за рубежом [Иванова, Подоплелова, Югова, 2010, с. 32].

На практических занятиях по иностранному языку студенты вовлекаются в процесс моделирования личностно-значимых социокультурных ситуаций, который способствует развитию умения отбирать и анализировать необходимую информацию. Студенты также занимаются исследовательской творческой деятельностью, нацеленной на развитие умения проводить исследования: собирать и осмысливать необходимую информацию, выражать своё мнение, чётко и логично излагать свои мысли в письменной и устной форме.

Широкое применение находит метод изучения случаев из практики (кейс-стади) и метод проектов.

Формирование социокультурной компетенции происходит, «когда обучаемые не только получают и используют информацию, а пропускают её через свои культурные нормы и ценности, извлекая при этом определённый смысл, который реализуется в виде умения действовать или компетенции» [Муравьева, 2011, с. 142].

Результатом социокультурной направленности в обучении иностранному языку является диалог культур в процессе приобщения учащихся к культуре стран изучаемого языка, лучшее осознание культуры своей страны и развитие умения представлять её на иностранном языке.

Заключение

В заключение отметим, что в процессе изучения иностранного языка специалист овладевает навыками, необходимыми в его будущей деятельности. Возрастает заинтересованность работодателя в таком специалисте, так как он может исполнять свои обязанности на более высоком профессиональном уровне, используя опыт зарубежных коллег в повседневной деятельности, способен постоянно совершенствовать свои личностные качества путём познания культуры других стран и своей собственной страны. Развитие социокультурной компетенции в процессе изучения отраслевых юридических дисциплин, моделирования личностно-значимых социокультурных ситуаций, осуществления исследовательской творческой деятельности, применения методов проектов и изучения случаев из практики способствует повышению культуры общения человека в обществе, формированию грамотного, всесторонне развитого специалиста, что повышает его привлекательность на рынке труда, а также позволяет реализовать его профессиональный и личностный потенциал.

Список литературы

1. Астафьева О.Н., Захарова О.А. Информационно-коммуникативная компетентность личности в условиях становления информационного общества. Сб. м-лов междунар. науч. конф. «Судьба России: вектор перемен» 8-10 июля 2007. URL: www.ural-yeltsin.ru/usefiles/media/Astafieva_Zaharova.doc. (дата обращения: 15.11.2017).
2. Бим И.Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского). Обнинск: Титул, 2001. 48 с.
3. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос». 2006. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm> (дата обращения: 15.11.2017).
4. Иванова Г.Н., Подоплелова О.Г., Югова Е.Н. Иностранный язык как средство формирования конкурентоспособной личности будущего юриста // Роль иностранного языка в профессиональном и социокультурном формировании будущего специалиста: материалы Всероссийской юбилейной научно-практической заочной конференции с участием студентов (3 ноября 2010 г.). Красноярск: Изд-во «СибГТУ», 2010. С. 28–33.
5. Муравьева Н.Г. Понятие социокультурной компетенции в современной науке и образовательной практике // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 9. С. 136–143.
6. Садохин А.П. Межкультурная компетентность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 1. С. 125–139.
7. Сафонова В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. Серия: О чем спорят в языковой педагогике. Москва: Еврощкола, 2004.
8. Сысоев П.В. Культурное самоопределение личности как часть поликультурного образования в России средствами иностранного языка и родного языков // Иностранные языки в школе. 2003. № 1. С. 42–47.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. Москва: Слово. Slovo, 2008. 264 с.
10. Флиер А.Я. Культурная компетентность личности: между проблемами образования и национальной политики // Общественные науки и современность. 2000, № 2. С. 151–165.
11. Хуторской А.В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (дата обращения: 15.11.2017).
12. Ek van J. Threshold Level. Strasbourg: Council of Europe Press, 1991.

Ivanova G.N.

Senior Teacher of the English Language
and Intercultural Communication Department,
Perm State University

THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' SOCIOCULTURAL COMPETENCE IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING

The article considers the development of students' sociocultural competence in the process of foreign language learning at the law faculty of Perm University. The importance of a sociocultural aspect in the formation of a future lawyer's competitive ability and the main ways of the development of students' sociocultural competence are shown.

Key words: sociocultural competence, foreign language learning, communicative competence, a future specialist's competitive ability, intercultural communication.

УДК: 811.222.8

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна

Доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания
и сравнительной типологии, Таджикский национальный университет.
Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17.
Тел.: + (992) 372- 221-77-11
E-mail: tnu@mail.ru

Собирова Фарзона Асомиддиновна

Ассистент кафедры общего языкознания и сравнительной типологии,
Таджикский национальный университет.
Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17.
Тел.: + (992) 372- 221-77-11
E-mail: tnu@mail.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена сопоставительному анализу морфологической системы русского и таджикского языка и выявлению ее интегрирующих и дифференцирующих признаков. Актуальность работы обусловлена проблематикой изучения особенностей формирования, развития и освоения интернационального и национально маркированного в русско-интернациональной лексике таджикского языка, впервые исследуются особенности морфологической адаптации большого пласта русско-интернациональной лексики таджикского языка.

Ключевые слова: морфологическое освоение, русские интернационализмы, таджикский язык, сопоставление, адаптация заимствованных слов, категория рода, категория числа.

Введение

Изучение специфики функционирования интернационализмов является одной из приоритетных составных частей исследования лингвистической системы языка. Однако отдельные вопросы и задачи, связанные с пластом интернациональной лексики и лежащие как будто на поверхности, требуют своего разрешения: исследование специфики формирования и функционирования интернациональной лексики, выявление значимости экстралингвистических факторов при создании данного пласта лексической системы мировых языков. Представляется целесообразным рассмотреть лексические единицы различного происхождения, существующих в таджикском языке.

Основная часть

Морфологическая система таджикского языка пополняется как посредством внутренних ресурсов, так и за счет заимствования отдельных морфологических элементов из русского языка. Морфологическое освоение русизмов рассматривается некоторыми исследователями как «появление у заимствованного слова производных на почве данного языка и подчинение его словообразовательным законам усвоившего языка» [Сорокин, 2003, с. 56] или «соотнесение иноязычного слова определенным грамматическим классам и категориям» [Крысин, 1991. С 75].

Если фонетическая адаптация заимствованных слов определяется в соответствии с артикуляционной системой и многими другими аспектами, то морфологическое освоение не может зависеть от субъективных факторов. Данное обстоятельство имеет место в силу того, что морфология развивается замедленными темпами, стихийным и незаметным для носителей языка образом, как правило, за счет собственных ресурсов и при соблюдении своих внутренних законов.

Морфологическая система таджикского языка заимствует русско-интернациональную лексику, наделяя ее соответствующими грамматическими категориями и подчиняя своим законам. Морфологическая адаптация интернационализмов в таджикском языке зависит непосредственно от грамматических особенностей контактирующих языков, соответствий и расхождений морфологической системы русского и таджикского языков.

При сопоставлении морфологических систем русского и таджикского языков обнаруживаем в них довольно развитые и разветвленные структуры, характеризующиеся как большими сходствами, так и значительными расхождениями, которые обусловлены их принадлежностью к различным типологическим типам.

Русский язык относится к стройно развитым флективным языкам, тогда как таджикский язык описывается как агглютинативный язык.

Отличительными критериями этих двух типов языков считаются такие морфологические характеристики, как система словоизменения и словообразования, а также наличие или отсутствие подсистем для разных категорий. В частности, для русского как флективного языка для системы словообразования и словоизменения свойственна фузия или присоединение аффиксов, сопровождаемая не фонетически обусловленными трансформациями основ и аффиксов. Одновременно русский язык отличает наличие нескольких подсистем для различных категорий, например, типы спряжения глаголов или особенное склонение прилагательных. В то время как таджикский язык как агглютинативный характеризуется прозрачной системой словообразования и словоизменения, заключающейся в присоединении аффиксов к основе без особых изменений аффикса и основы. Более того, морфологическая система таджикского языка проста, поскольку характеризуется одним комплектом флексий для склонения всех имен и одним набором окончаний для спряжения глаголов.

Морфологический анализ русских интернационализмов в таджикском языке позволил выявить различие в структуре слов, проявляющееся в том, что абсолютное большинство русских слов состоит из двух морфем: корневой морфемы и оформляющей это слово морфемы. Закономерным является факт отсутствия у корневой морфемы слова значения, за исключением единиц, имеющих нулевую флексию. Основа слова, как часть слова без окончания, считается неоформленным словом и не может использоваться в предложении. В таджикском языке, в противовес русскому, корень слова эксплицирует конкретное понятие и может функционировать как самостоятельное слово. Более того, знаменательные слова не имеют окончаний, они состоят либо из корня, либо из производной основы, содержащей словообразовательные суффиксы. В таджикском языке основа слова представляет собой полноценную и оформленную лексему, которая может функционировать в предложении.

Как было отмечено, таджикская морфологическая система в плане типологии относится к агглютинативным языкам, которым характерна прозрачность и простота в структуре. Данный фактор имеет большую значимость в процессе заимствования, поскольку любое заимствованное слово является такой же используемой единицей, как и другие элементы лексики. Если для флективных языков свойственно то, что заимствованные слова сталкиваются с проблемой вступления в новые для них разряды склонений и спряжений, то в таджикском языке подобные проблемы не имеют места, поскольку заимствованные единицы легко становятся компонентами системы словоизменения и словообразования.

Заимствованные таджикским языком русские интернационализмы не ограничиваются только лексическими единицами, они также содержат и элементы словообразования, но согласно правилам морфологической системы таджикского языка, все прототипы, имеющие в языке оригинала сложную или составную форму, принимаются как простые непрямые слова. Большое число слов проникло в таджикский язык в «комплекте», сохраняющем деривационные формы исходного слова, как, на-

пример, *роман – романтизм – романтик, синдикат – синдикализм – синдикалист, террор – терроризм – террорист, академия – академизм – академик*. Из приведенных примеров видно, что заимствование словообразовательных элементов довольно частое явление и словообразовательные аффиксы русского языка употребляются в таджикском в совокупности с проникающими в таджикский язык лексическими единицами. Однако нами не было выявлено примеров, в которых бы словообразовательные средства русского языка, распространенные в русских интернационализмах были в полной мере адаптированы и стали продуктивными элементами словообразования. Они употребительны лишь в составе тех лексических единиц, с которыми были заимствованы.

Следовательно, попавшие в таджикский язык словообразовательные средства воспринимаются его носителями как иноязычные. Более того, зачастую подобные элементы не обретают статуса морфемы, и с точки зрения носителей таджикского языка подобные заимствованные слова считаются одноморфемными.

Имена существительные в контактируемых языках проявляют полное совпадение в общем значении данной части речи. Указывая на предмет в широком смысле слова, то есть обозначая не только предметы, но и признаки, состояния, действия, мыслимые как предмет, существительные в исследуемых языках отличаются многообразием определенных значений и являются наиболее многочисленным лексико-грамматическим разрядом слов.

Основные различия между русским и таджикским существительным лежат в области собственно морфологии, то есть в способах словообразования и словоизменения, поскольку здесь наблюдается расхождение как в составе грамматических категорий, так и в способах словоизменения.

Основное значение имен существительных как части речи в русском и таджикском языках – предметность, которая реализуется в морфологических категориях существительного и выражается формальными признаками этих категорий.

В русском языке имя существительное характеризуется морфологическими категориями рода, числа и падежа, а также одушевленности и неодушевленности.

Значение предметности имен существительных в таджикском языке грамматически выражается в категории числа, лица/нелица (перекрещивающейся с категорией одушевленности / неодушевленности) и в категориях единичности и неопределенности. Существительное в таджикском языке, в отличие от русского, не имеет категории грамматического рода и не изменяется по падежам. Соответственно с этим связи существительных с другими словами в предложении выражаются в основном синтаксическими средствами. Этими средствами являются предлоги и послелоги, изафетная конструкция и порядок слов. «Имена существительные и прилагательные в таджикском языке по формальным признакам, то есть по наличию у них особых окончаний, не дифференцируются» [Рустамов, 1972, с. 56]. В русском же языке каждое существительное, как правило, состоит из двух частей – основы и соответствующего окончания.

Как правило, имена существительные заимствуются языком в своей начальной форме, то есть в именительном падеже единственного числа. Однако существует немногочисленная группа существительных, вошедших в таджикский язык в иных формах, чаще всего в форме родительного падежа, например: *санатория, лаборатория*.

Основная особенность имен существительных таджикского языка, отличающая эту часть речи от аналогичной в русском языке, заключается в отсутствии грамматической категории рода, поскольку данная категория в русском языке является наиболее характерным морфологическим признаком имен существительных. В этой связи, в таджикском языке нет соответствующих грамматических форм передачи данной категории и поэтому флексии женского рода -а, -я, среднего рода -о, -е индифферентны для таджикского языка. Более того, указанные морфемы в таджикском языке не считаются частью лексической единицы, имеющей самостоятельное значение, хотя в разговорном таджикском языке, подвергаясь фонетическому освоению, они могут находиться в ударной позиции, поскольку, согласно нормам произношения в таджикском языке, место ударения определяется последним слогом: *лампа, бомба, тонна, почта, бочка*.

Следовательно, понятие грамматического рода в таджикском языке, предполагающее дифференциацию слов на группы со специальными морфологическими показателями, вообще отсутствует. Однако «в школьных таджикских учебниках, испытавших влияние грамматических схем, которые были созданы применительно к языкам, имеющим категорию грамматического рода (арабский и русский), в течение долгого времени проводилась мысль о наличии категории рода (Чинсият) и в таджикском языке» [Рустамов, 1972, с. 41].

Как утверждает Ш.Рустамов, «известную роль здесь играли многочисленные заимствования арабских существительных женского рода, сохраняющих в таджикском формальные приметы... Арабские заимствования такого типа оказали известное влияние на словообразование женских имен собственных... посредством суффикса -а (муаллим – муаллима). К этому прибавились заимствования из русского частично сохраняющие не только формальные приметы, но и значения (ср. пионер-пионерка, при собственно таджикском пути словообразования по моделям композит и словосочетаний с зан, духтар)» [Рустамов, 1972, с. 42].

Некоторую аналогию выделения рода можно наблюдать только на семантическом уровне, при определении пола для одушевленных существительных. В таджикском языке живые существа лексически обозначены наименованиями лиц женского и мужского пола (мард – мужчина, зан – женщина, чавон – юноша, духтар – девушка). В отдельных случаях биологический род эксплицируется лексически, посредством номинирующих его слов, «зан» – женщина: коргар – рабочий, работник, коргарзан – работница. Однако по аналогии с русским языком, где абсолютное большинство наименований профессий мужского рода, профессию лиц женского пола, как правило, указывают в форме мужского рода: тарчумон Назарова (переводчик Назарова), профессор Набиева, филолог Мирзоева, журналист Хусейнова, духтур Самадова и т.п. Данный факт можно проиллюстрировать следующими отрывками из периодической печати:

– *Озмоишгоҳи мо «чаими корхона» аст, мегӯяд Мунира Олимҷонова, муҳандиси техники озмоишгоҳ (Чумхурият, № 119, 20.06.2016) – Наша лаборатория является «глазами предприятия», – отмечает технический инженер лаборатории Мунира Олимджонова.*

Одной из основных морфологических категорий, присущих именам существительным, является категория числа. Эта категория свойственна обоим языкам, в которых различают единственное и множественное число, но оформляется в них различными грамматическими показателями: флексиями в русском языке и суффиксами –ХО-, -ОН- (с его фонетическими вариантами –ЁН-, -ГОН-, -ВОН) в таджикском, при этом наличие суффиксов является показателем множественного числа, а их отсутствие – указывает на форму единственного числа. В отличие от русского языка, образование множественного числа имен существительных в таджикском языке проходит в рамках строгой унификации форм. Единственным средством для этого служат аффиксы –ХО и –ОН, присоединяющиеся к основе единственного числа, которая при этом никаким изменениям не подвергается.

Если в русском языке относительно категории числа выделяется три группы имен существительных: 1) существительные, имеющие форму и единственного числа и множественного; 2) существительные, не образующие формы множественного числа; 3) существительные, не имеющие формы единственного числа, то в таджикском языке мы наблюдаем несколько иную дифференциацию слов относительно их функционирования в единственном и множественном числе.

В формальном плане любое существительное в таджикском языке может образовывать форму множественного числа. Однако в практическом плане в языке отмечаются группы существительных, использующихся только в единственном числе. Это вещественные имена существительные (*шир – молоко, охан – железо*), отвлеченные существительные, эксплицирующие качество, свойство, действие (*зебои – красота, омӯзиш – учеба*), а также существительные, обозначающие природные явления (*барқ – молния, хаво – воздух*).

В таджикском языке отсутствует группа существительных, обозначающих «парные» и составные предметы и имеющих только форму множественного числа (*очки, ножницы, сумки, духи* и т.д.), поскольку эквивалентные им существительные в таджикском языке выражены формой единственного числа.

Форму множественного числа как в русском, так и в таджикском языке не могут иметь абстрактные имена существительные: *филология, идеализм, кардиология, сейсмография, волейбол, космология, мезозой, монархия* и др.; вещественные имена существительные: *волфрам, калий, метан, кофеин, йод, аммоний* и др.; существительные, обозначающие природные явления: *сунами*.

Примечателен факт фиксации отдельных существительных в форме множественного числа, что, возможно, указывает на отсутствие у этих слов формы единственного числа и, как правило, данные существительные образованы посредством суффикса –ХО: *оксидхо – оксиды, пластидахо – пластины, антибиотикхо – антибиотики, астероидхо – астероиды, бронххо – бронхи, гелогенхо – галогены, гаммашӯрохо – гамма-лучи, субтропикхо – субтропики*.

Таким образом, абсолютное большинство русско-интернациональных заимствований в таджикском языке может образовывать форму множественного числа: *агент – агентхо, аквариум – аквариумхо, айсберг – айсбергхо, бактерия – бактерияхо, биржа – биржахо, газопровод – газопро-*

водхо, вулқон – вулқонхо, генератор – генераторхо, демократ – демократхо, жанр – жанрхо, индикатор – индикаторхо и т.д.

В то время как в русском языке существительным свойственна корреляция по одушевленности и неодушевленности, особенностью существительных таджикского языка является дифференциация их на два класса: имена личные и нарицательные [Грамматикаи забони хозираи тоҷик, 1985, с. 90]. То есть, для носителя таджикского языка все наименования животных и иных живых существ, за исключением людей, приравниваются к предметам неживой природы. Вопросительное местоимение КИ? (кто?) соотносимо лишь с личными именами существительными, то есть с существительными, имеющими отношение к названиям человека (*бародар – брат, муаллим – учитель*). На вопрос ЧИ? (что?) отвечают все остальные существительные, в том числе и названия животных (*доншигоҳ – университет, мор – змея*). При этом разделение существительных на личные и нарицательные имеет принципиальное грамматическое значение. Следовательно, такие заимствования как *ординатор, резидент, полковник, президент, прокурор, проректор, радист, романтик, сержант, самурай, снайпер, спикер, старшина, стюардесса* в таджикском языке являются личными именами существительными и отвечают на вопрос КИ? (кто?), тогда как *пингвин, бактерии, микроб, вирус, шимпанзе, амёба, кенгуру, лама, медуза* объединяются с предметами неживой природы, относятся к нарицательным существительным и отвечают на вопрос ЧИ? (что?).

Основной отличительной особенностью таджикского существительного является выделение категории неопределенности, единичности и определенности. Эксплицирующими данную категорию средствами являются артикль –Е – *ретсепте* – какой-то *рецепт*, *принсипе* – какой-то принцип, *фелдшере* – какой-то фельдшер, *миллионере* – какой-то миллионер, и *послелог* –РО – *микроскопро гир* – возьми этот микроскоп (конкретный) в отличие от *микроскоп гир* – возьми микроскоп (какой-нибудь).

Дар ин бора дар брифинге, ки 17 юни соли чорӣ дар Вазорати корҳои хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон баргузор гардид, сухан рафт [Ҷумҳурият, № 116, 16.06.2016]. – Об этом говорилось на одном из брифингов, который состоялся 17 июня текущего года в Министерстве иностранных дел Республики Таджикистан.

Дар нухаи дуҷум ва охири, ки Ҳикмат Юлдашев аз нав кор карда баромад, се бинои алоҳидаи қаблӣ якҷоя шуда, руҳавалии бино намуди амфитеатро гирифт [Ҷумҳурият, № 116, 16.06.2016]. – Во втором и последнем экземпляре, разработанном Хикматом Юлдашевым, три предыдущих отдельных здания были объединены и приняты форму амфитеатра.

Специфика значений неопределенности и определенности заключается в том, что они отражают не отношения между предметами и явлениями, существующие независимо от говорящих (например, значение падежей), а выражают отношение к предметам и явлениям участников акта общения – говорящего и слушающего. Сущность этого отношения заключается в том, что говорящий характеризует предмет, обозначаемый существительным, как известный или неизвестный для слушающего, учитывая осведомленность последнего в данном предмете. Если предмет неизвестен слушающему, то употребляется неопределенный артикль –Е, если известен – показатель определенности послелог –РО.

Заключение

Таким образом, морфологическое освоение русско-интернациональных заимствований обусловлено, прежде всего, разным типологическим строем таджикского и русского языков. Заимствованные лексические единицы с точки зрения носителей таджикского языка морфологически не разложимы, поскольку заимствованное слово воспринимается как единая единица, к которой при словообразовании и словоизменении возможно присоединение таджикских аффиксов. В таджикском языке теряют свою значимость показатели множественного числа и родовые окончания заимствованного слова. Заимствованные единицы легко становятся компонентами системы словоизменения и словообразования, поскольку в таджикском языке не имеют места проблемы вступления в новые для них разряды склонений и спряжений.

Морфологический анализ показывает, что заимствуются таджикским языком исключительно имена существительные, которые в ходе морфологической адаптации могут служить производной основой для других существительных и прилагательных таджикского языка. Абсолютное большинство исследуемой лексики заимствуется языком-реципиентом в своей начальной форме в именительном падеже единственного числа. Образование множественного числа заимствований проходит по аналогии с исконной лексикой в рамках строгой унификации форм. Русско-интернациональная лексика способна вступать в характерные для таджикской грамматики новые грамматические категории, в частности, категории лица-нелица, категории неопределенности, единичности и определенности.

Список литературы

1. Аверина А.В. Природа синтаксической неподчинимости // Вестник Московского государственного областного университета. № 3. 2016. С. 140-150
2. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ч.1. Душанбе: Дониш, 1985. 355 с.
3. Крысин Л.П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. № 2. 1991. С. 74–78.
4. Рустамов Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке: (существительное в системе частей речи, грамматические категории, словообразование и синтаксические функции). Автореф. ... д. филол. н. Душанбе, 1972. 45 с.
5. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. 160 с.

Nagzibekova M. B.

Doctor of Philology, Professor, Tajik National University

Sobirova F.A.

Assistant, Tajik National University

**MORPHOLOGICAL DEVELOPMENT OF
RUSSIAN INTERNATIONALISM INTO TAJIK LANGUAGE**

The relevance of the work is conditioned by the problems of studying the formation and development peculiarities and the acquisition of internationally and nationally marked Tadjik language in Russian international lexicon.

Keywords: morphological development, Russian internationalism, Tajik language, comparison, adaptation of loan words, category of gender, category of number.

УДК: 811:008

Полякова Светлана Валентиновна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, доцент кафедры лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел.: 8 (342) 2396-477, e-mail: polsvetlana@yandex.ru

Гриценко Елена Александровна

доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Пермский государственный национальный исследовательский университет. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел.: 8 (342) 2396-350, e-mail: gritsenko@inbox.ru

**CROSS CULTURAL ESP PROJECT: USING A DOCUMENTARY FILM
IN TEACHING SOCIAL WORK STUDENTS**

Целью статьи является анализ межкультурного проекта, разработанного в рамках курса английского языка для студентов специальности «Социальная работа», который применяется на юридическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета с 2014 г. В статье рассматривается педагогический, лингводидактический и кросс-культурный потенциал американского полнометражного документального фильма “Настоящий Друг – история Билла Сактера”, который знакомит российских студентов с программами для лиц с ограниченными возможностями в США.

Ключевые слова: английский язык для специальных целей, кросс-культурный междисциплинарный проект, документальный фильм, программы для лиц с ОВЗ, английский для специальности «социальная работа», метод проектов.

Introduction

The purpose of this paper is to analyze the linguodidactic and pedagogical potential of documentaries in a cross-cultural ESP project which can serve as a valuable authentic tool both for classroom use and self study. The novelty of the research is to show how a full –length can be effectively applied for raising students' cross-cultural awareness and professional competence.

In our projects we make an extensive use of the content-based, the system activity and the learner-centered approaches.

Project methodology

The ESP (social work) project in question is focused on the inspiring feature-length US documentary “A Friend Indeed – The Bill Sackter Story” (2009) produced by award winning independent filmmaker Lane Wyrick. The story in the movie is devoted to Bill Sackter abandoned in a mental institution at age 7, who would never see his family again. When he was released 44 years later, he met a college student (Barry Morrow) by chance. The meeting changed his life forever since Barry became his guardian. Bill's life story spread throughout the United States when Mickey Rooney and Dennis Quaid starred in the highly successful tv movie “Bill” (1981) which dramatized Bill and Barry's relationship. It was a landmark production that forever changed the world's perception of people with disabilities.

Bill became the harmonica-playing proprietor of “Wild Bill's Coffee Shop” which is located in the heart of the University of Iowa School Social Work.

It is worth mentioning that the School has been our International Partner-University for two decades. Many Russian and American Social Work students and professors have watched this film.

The Coffee Shop is considered to be “social work” because for the students it is a living course on understanding disabilities where they can socialize with handicapped workers, that is why it is a unique project which is worth studying across nations.

The project is divided into four stages: **Preparatory, During Viewing, Post Viewing and Extension Stages.**

At the **Preparatory**, pre-viewing stage, the students should be prepared for as much of the social work vocabulary as possible (e.g. *deinstitutionalization, residential facility, mainstream, a provision, a title, respite care, intermittent, handicapped, mentally retarded* e.g.). It is also very important to pre-teach cultural and social content area. For this reason the students are assigned some homework to familiarize themselves with the University of Iowa School Social Work and their educational programs. They are also offered to study the texts about Bill Sackter and the programs for people with disabilities in the United States which appeared in the 1970-ies as a result of deinstitutionalization where a number of handicapped people were released to live in the community. The students also learn about the people who are featured in the film and who contributed to Bill's adaptation to new living conditions: Barry Morrow (A Hollywood script –writer and producer), his wife Beverly, professor Tom Walz, a former director of the school of social work, who helped to set up Bill's Coffee Shop and other people.

The During Viewing stage is divided into several parts since it is a full-length movie (90 minutes), interrupted for the discussion of the issues raised in each part submitting the students with a number of comprehension questions.

The most common problem faced by the students when watching any movie is that they may feel overwhelmed with by the authentic language used. That is why the film is viewed with the subtitles, which allows to eliminate some linguistic challenges, thus helping the learners to keep track of all the events shown in the movie.

The Post Viewing stage includes various writing activities. In this particular project the students are invited to write movie reviews according to the plan, which encompasses the story about Bill, the people who made his life complete after the institution, favorite scenes and their personal impressions about the movie.

Below are some excerpts from the students' essays:

“The film is very touching. The most interesting in it is the fact that it is based on real events. The film raises sympathy to the main character and resentment to the cruel attitude of the state towards its citizens with disabilities who lived in institutions in the 1st half of the last century. Despite the harsh conditions, Bill Sackter remained the person who could smile, make other people laugh.”

“One of the most striking moments was when Bill died and we could feel that everybody really missed him. We had a feeling that we knew him personally too.”

“I was very surprised that being very young Barry decided to help a mentally handicapped person, took him to his family and gave real love and care to him.”

“Looking at the life of Bill, you start to think about how you would live the rest of your life if you were him, the person who spent most of his life in a mental hospital.”

“Bill Sackter’s story is the lesson of optimism. He was always positive and loved life with all its difficulties and disadvantages. The story of his life teaches that every person despite all the difficulties can live a decent life and find their place in this world. Bill is a hero for people with disabilities and a symbol of hope for all people. His story gives hope in a better future.”

Another valuable cross-cultural experience of the **Post-Viewing** stage was sending the students’ commentaries to the online newsletter “Bill’s Coffee shop Newsletter” which is a virtual extension of Wild Bill’s Coffee shop and Uptown Bill’s. It is written by Tom Gilseman, a former manager of Wild Bill’s and now the director of Uptown Bill’s. The Newsletter is distributed via email to more than 500 readers. The best excerpts from the students’ comments were published in one of the newsletter issues.

One more **Post-Viewing** activity is writing individual and group letters to Professor Tomas Walz. This year examples are as follows:

“Dear Tom,

Can you convey our thanks to Lane Wyrick for his exciting documentary «A Friend Indeed – The Bill Sackter Story». The story about Bill Sackter is very inspirational and emotional. Bill’s life is an example of hope, compassion and the power of friendship...”

“... We want to thank you for all the knowledge and experience that you gave us in your textbook «English for social work students» and the book «A friend indeed». We saw the movie about Bill Sackter and we were excited by your ideas! You gave a new chance for people with disabilities to become full-fledged members of society...”

The professor gave feedback to every letter:

“Dear Kristina, Lena, Nasya and Elvira

I appreciated receiving your reactions to the "Bill Story", it has been a very special part of my life and to a modest extent now part of your life, Bill inspired me to continue to devote full time to work with persons with disabilities following my retirement from the University, it has been 17 years of challenging work, i will be sure to pass on your remarks to Barry and Lane, Barry is still very active as a film writer and Lane works full time as a medical videographer, thank you again for sharing your comments, sincerely, tom walz.”;

“Dear students, thank you for sharing your reactions to the story of Bill, i will be happy to pass on your remarks to Barry, Bev and Lane, if you found the story inspirational, you can imagine how much more of an impact knowing Bill and being with him daily for the final eight years of his life was for me, it inspired me to continue my work with persons with disability following my retirement from the University, you might want to check out one of our projects on the internet (www.idcwg.org), an on line Gallery which showcases the arts and craft work of persons with disabilities, you will even find four young women from Perm on the Gallery, best wishes on your studies, sincerely, tom walz.»

To consider the educational value of the cross-cultural project in the present research we have also analyzed the contexts of 80 individual reviews, comments and personal letters of the students and identified five most frequently used categories: **Emotions, feelings, empathy; Friendship and Love; Personal Achievements; Impact on the Society; Impact on Students.**

The examples of the category **Emotions, feelings, empathy** are as follows: *“I could not hold back my tears...”, I was moved, “It was touching”, “We could feel that everybody really missed him”. The music is very touching as well as the story of Bill. “It touched me to the core of my soul for its content and personal attitude to the main character.”*

The category **Friendship and Love** can be illustrated in these contexts: *“he had a lot of friends”, “People and children loved Bill because he was generous, loving, non-violent, unique”; “Sheltering a stranger in your home is a very important step which not everyone can decide to do. Friendship between Bill, Barry and Bev shows what the true friendship should be and how people should treat each other.”*

The next category is **Personal Achievements**: *«to find a vocation in life or a natural talent and to develop it – is enough to provide personal development and a good life for people with mental retardation”, “The film helps us understand that you must never back down and try to achieve your goal.”*

The category **Impact on the Society**” is represented in the following quotations:

It shows all the world how to fly high when you want to be useful and help our imperfect world; “In spite of his mental disability, his contribution to the American society was significant. Thanks to Bill the attitude towards people with disabilities began to change.” . Bill is a hero for people with disabilities and a symbol of hope for all people.

And finally, here are some examples of the category **“Impact on Students”**:

When I heard the story about Bill I understood: it is not necessary to look for heroes. They are all around us. They surround us every day... these people are not perfect ... The main thing is that they are doing good things and give that to all the people around them!

It makes us think about many things: whether we live righteously, whether “values” of our modern society are so important, or there is something that is more important than gadgets, money and status?

“The story of his life teaches that every person despite all the difficulties can live a decent life and find their place in this world.”

“In my opinion, it is very important that today we understand that these people are part of our society and we need to help them to adapt to modern conditions of life.”

These categories demonstrate a huge educational and pedagogical impact the documentary has on the students' personal and professional growth and both their intrinsic and extrinsic motivation to learn the language.

The final stage of the project is **Extension work** (skills development: speaking and presenting). At this stage the student do a research on the programs for persons with disabilities in Russia and compare the two social work systems relating to this vulnerable category of population. The results of their study are presented at a students' annual scientific and practical cross-cultural conference. The students are recommended to focus on such issues as The Americans with Disabilities Act, some of the provisions of the act, programs and services for the disabled in Russia and the USA, the laws which protect the rights of people with disabilities in the Russian legislation, etc., thus encouraging them to use some comparative analysis of the social work systems.

Conclusion

In conclusion, the possibilities for using film in the ESP cross-cultural projects are endless. A strong tendency towards the use of authentic materials and tasks makes such projects a valuable tool for exploiting linguistic aspects of the language, investigating cultural differences, expanding the learner's knowledge of a certain field of life or science, namely, social work. Films can be an important factor for maintaining and increasing the students' motivation.

References

1. A Friend Indeed – the Bill Sackter Story: URL: <https://youtu.be/rGbKvlgX7ag>. (дата обращения: 07.11.2017).
2. Welcome to a Friend Indeed Story. URL: <http://www.billsackter.com>. (дата обращения: 07.11.2017).
3. Гриценко Е.А., Уолз Томас. English for Social Work Students: учеб. пособие / Перм. гос. Ун-т., у-нт штата Айова. - Пермь; Iowa City: Sackter House Media Productions, 2011. 146 с.
4. Гриценко Е.А. Полякова С.В. Использование фильмов о семье на занятиях по английскому языку со студентами неязыковых специальностей / сборник материалов XV Прикамского народного Собора амяти святых равноапостольных Мефодия и Кирила и VII краевой научно-практической конференции "Язык и духовность" г. Пермь, 2013. С. 168-174.
5. Полякова С.В., Гриценко Е.А. Иностранный язык (английский) Reader for Law Students / Сост. С.В. Полякова, Е.А. Гриценко; Пермь: Изд-во «Перм. гос. нац. исслед. ун-т». 2016. 100 с.

Polyakova S.V.

Ph.D., Associate Professor of the English Language and Intercultural Communication Department, Associate Professor of the Lingodidactics Department, Perm State University

Gritsenko E.A.

Associate Professor of the English Language and Intercultural Communication Department, Perm State University

CROSS CULTURAL ESP PROJECT: USING A DOCUMENTARY FILM IN TEACHING SOCIAL WORK STUDENTS

The purpose of the paper is to describe a cross-cultural ESP project that was developed as a part of the course English for Social Work Students, and has been applied at Perm State University Faculty of Law since 2014. The paper analyzes the pedagogical, didactic and cross-cultural potential of the full length American documentary “A Friend Indeed- the Bill Sackter Story” which educates Russian students about the programs for people with disabilities in the United States.

Key words: English for Specific Purposes, a cross-cultural project, documentary, programs for people with disabilities, social work students

УДК 81'373.2(082)

Розенкова Христина Евгеньевна

Магистрант, факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396-477, e-mail: swisschizz@inbox.ru

Шустова Светлана Викторовна

Доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396-477, e-mail: lanaschust@mail.ru

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ,
РОЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

В статье исследуется понятие кода культуры и выделяется термин лингвокультурный код как наиболее подходящий для использования в сфере лингвистики. Поднимается проблема систематизации кодов культуры и делается вывод об отсутствии их единой классификации. Также рассматривается вопрос о том, какое место освоение культурных кодов занимает в изучении иностранных языков.

Ключевые слова: код, культурный код, лингвокультурный код, языковой код, лингвокультурология, инокультурная компетенция, межкультурная коммуникация, аккультурация инофона.

Введение

На первый взгляд может показаться, что термин *код* применим лишь в точных науках. Тем не менее, «к настоящему времени лексема *код* стала элементом терминосистемы, используемой в сфере гуманитарного знания» [Королёва, 2015, с. 334]. В лингвистику термин *код* был впервые введён Р.О. Якобсоном для анализа поэтических текстов [Якобсон, 1975]. Последующая конкретизация данного термина привела к возникновению наименования *культурный код*. Ю.М. Лотман одним из первых в отечественной филологии применил его, как и Р.О. Якобсон, для анализа языка художественного произведения [Лотман, 1994]. Начало использованию термина *код* в лингвокультурологии было положено В.Н. Телия, а сейчас активно развивается её учениками: В.В. Красных, Д.Б. Гудковым, М.Л. Ковшовой и другими [Маслова, 2012, 355]. Изучение культурных кодов является относительно новым и перспективным направлением в лингвистике и смежных науках. До сих пор остаются неразработанными единое понятие и классификация кодов культуры. Однако их важность для межкультурной коммуникации очевидна, а их изучение является неотъемлемым условием овладения инокультурной компетенцией.

Основная часть

Лексема *код*, помимо *культурного кода*, употребляется в составе таких наименований, как *языковой код*, *культурно-языковой код*, *лингвокультурный (лингво-культурный) код*. Однако многие исследователи отмечают, что дефиниция термина *код*, как и содержащих данную лексему наименований, остаётся неясной, до сих пор не существует чёткого определения. По этой причине в научных трудах по филологии можно встретить разные интерпретации данного термина.

Согласно точке зрения Е.В. Королёвой, «термин *лингвокультурный (лингво-культурный) код* более удачен в сферах лингвистики <...> в сравнении с терминами *культурный код* и *языковой код*, поскольку в нём подчёркивается равноправие изучения культурных и языковых феноменов» [Королёва, 2015, с. 338]. В нашей работе под названием «Анималистический¹ код английской культуры в лингводидактическом аспекте» мы отдаём предпочтение использованию термина *лингвокультурный код* и соглашаемся с В.В. Красных, считающей, что «это² совокупность имён или их сочетаний, которые

¹ Анималистический = зооморфный

² Необходимо отметить, что здесь В.В. Красных не использует формулировку *лингвокультурный код*, а даёт объяснение термина *культурный код* с двух точек зрения – культуры и языка. В тексте статьи приведена вторая.

обладают, помимо собственно денотативного значения, культуросносными смыслами» [Красных, 2014, с. 172]. Также интересно определение С.В. Ивановой: «Лингво-культурный код представляет собой систему лингво-культурных соответствий, организованных согласно заложенной матрице, роль которой выполняет структурная организация языковой личности» [Иванова, 2003, с. 56].

В.М. Савицкий и Э.А. Гашимов в своей монографии «Лингвокультурный код (состав и функционирование)» утверждают, что «в качестве культурного кода может выступать практически любая чувственно воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело, предметы хозяйственного обихода, техника, оружие и т.д. и т.п.» [Савицкий, Гашимов, 2005, с. 15]. На основании данного тезиса разными исследователями выделяется целый ряд кодов культуры: пространственный, временной, предметный, количественный, космогонический, соматический, природно-ландшафтный, зооморфный, архитектурный, растительный, пищевой и множество других. Как пишет В.А. Маслова, «список кодов культуры на сегодняшний день открыт» [Маслова, 2012, с. 356], и это обуславливает актуальность исследований в рамках данного направления.

Отдельную проблему представляет отсутствие единой классификации (лингво)культурных кодов. Н.И. Толстой пришёл к выводу о существовании трёх кодов культуры – вербального, реального и акционального [Толстой, 1995, с. 23]. При этом единицы последних двух кодов могут получать именование (вербализоваться) [Кольовска, 2014, с. 26], то есть переходить из культурного в лингвокультурный код. В.М. Савицкий и Э.А. Гашимов говорят о постоянном взаимодействии естественного языка и культурных кодов, которое выражается в «экспансии» культурных кодов в язык и обратном влиянии языка на культуру [Савицкий, Гашимов, 2005, с. 8]. «Таким образом, единицы лингвокультурного кода образуются при взаимодействии культурных кодов с общеязыковым кодом» [там же, с. 15]. С.В. Иванова и З.З. Чанышева продолжают данную мысль в монографии «Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения»: «Лингво-культурный код появляется в результате вербализации культурных кодов как языковая сущность, распрямление которой ведёт к декодированию кодов культуры» [Иванова, Чанышева, 2010, с. 75]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что между феноменами культурного и лингвокультурного кода наблюдается неразрывная связь, и представляется возможной разработка общей классификации.

В.В. Красных выделила шесть базовых кодов, в которых фиксированы наивные представления о мире: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный. Она утверждает, что таких кодов по определению не может быть много [Красных, 2002, с. 233]. Коды культуры подвержены взаимному «наслаиванию» и «членению», в результате которых они предстают как совокупности других, самых разнообразных кодов с собственными семантическими полями [Кольовска, 2014, с. 29]. Так, в состав биоморфного кода входят уже названные ранее зооморфный и растительный, а внутри последнего, в свою очередь, можно выделить дендрарный и флористический коды.

В.Н. Телия и авторский коллектив «Большого фразеологического словаря» выделили пятнадцать кодов культуры, отметив, как и В.А. Маслова, что данный список не является конечным. «Коды культуры тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного, растительного и т. п. миров, мира предметного (натуральных или сотворенных человеком «вещей»), природно-ландшафтного или духовно-религиозного и под.» [БФСРЯ, 2006, с. 13]. В их классификацию вошли следующие коды: антропный, или собственно человеческий, зооморфный, растительный, природный, артефактно-вещный, вещно-костюмный, гастрономический, архитектурный код, духовно и / или религиозно-антропоморфный, религиозно-артефактивный, временной, пространственный, количественный (числовой), цветовой и телесный (соматический).

Итак, на настоящий момент в научной литературе не существует единой, исчерпывающей классификации кодов культуры, которая могла бы полностью вобрать в себя и структурировать всё их многообразие. Это объясняется тем, что культурных кодов существует великое множество, а при их взаимном «наложении» возникают новые коды. Более того, феномены культуры и языка по своей природе не статичны. Их, скорее, следует сравнивать с живым организмом, который постоянно развивается, трансформируется, обретая при этом новые коды.

Также мы считаем необходимым затронуть вопрос о важности изучения лингвокультурных кодов в рамках обучения иностранным языкам. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в книге «Язык и культура», которую С.Г. Тер-Минасова назвала «Библией лингвострановедения» [Тер-Минасова, 2000, с. 13], утверждают, что «даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 26]. Следовательно, для успешной иноязычной коммуникации, что является основной целью овладения любым из иностранных языков, необходимо «наличие <...> инокультурной компетенции, а именно владение сово-

купностью инокультурных кодов – таких, как «Времена года», «Ландшафт», «Флора», «Фауна», «Артефакты» и мн. др.» [Савицкий, Гашимов, 2005, с. 138]. Для полноценного общения на иностранном языке даже свободного им владения будет недостаточно. Человек, не владеющий инокультурной компетенцией, будучи погружённым в иноязычную среду, так или иначе столкнётся с проблемой взаимного непонимания, а порой даже полного непонимания, при общении с носителями языка, то есть обнаружит собственную неспособность к участию в межкультурной коммуникации.

Из определения термина *межкультурная коммуникация*, данного Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, следует, что «этим термином называется адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 26]. Так, при отсутствии взаимного понимания между коммуникантами-представителями разных культур, их коммуникативный акт с высокой долей вероятности не будет успешным. С.Г. Тер-Минасова отмечает, что «тесная связь и взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации настолько очевидны, что вряд ли нуждаются в пространных разъяснениях. Каждый урок иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [Тер-Минасова, 2000, с. 25]. Из этого следует вывод о немыслимости преподавания иностранного языка без учёта аспектов межкультурной коммуникации.

Изучение кодов культуры, играющих существенную роль в иноязычной межкультурной коммуникации, представляется возможным на материале паремий и фразеологизмов, так как «особенно богатый материал для анализа национальной языковой картины мира и структурирующих ее кодов культуры предоставляет фразеологический и паремиологический фонд языка» [Кольовска, 2014, с. 53]. Важно отметить, что при сравнительном анализе кодов различных культур на материале паремий и фразеологизмов, исследователи далеко не во всех случаях отмечают их полное расхождение. При сопоставлении обнаруживаются три основных вида отношений – тождества, неполного тождества и различия [Райхштейн, 1980, с. 24]. Это объясняется тем, что разные культуры в ходе истории естественным образом сталкиваются и взаимодействуют, оказывая друг на друга взаимное влияние, оставляя свои «следы». Степень сходства и различия кодов отражает степень общности и расхождения культур народов [Мамонтов, Морослин, 2016, с. 142]. Следовательно, поиск и обнаружение «точек соприкосновения» в ходе изучения кодов культуры в перспективе может способствовать сближению народов, воспитанию толерантности и терпимости к другим культурам, что, с учётом современных тенденций международных отношений, имеет огромную значимость.

В современной научной и научно-методической литературе достаточно широко используется термин *аккультурация инофона*. По определению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, она являет собой «усвоение человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой культуры» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 10]. Без овладения кодами целевой культуры данный процесс представляется невозможным. Тем не менее возникает естественный вопрос о том, «до какой степени должны быть «усвоены» нормы и ценности «другой национальной культуры»» [Кольовска, 2014, с. 48]. В.В. Воробьёв считает межкультурное общение возможным только при условии «глубинной аккультурации», под которой он понимает «формирование второй языковой личности» [Воробьёв, 2006, с. 32]. Однако данная мысль представляется нам слишком категоричной. Интересна в рамках данного вопроса позиция Ю.Е. Прохорова, который на основании четырёх типов взаимовлияния культур: межкультурных интерференции, конвергенции, дивергенции и конгруэнции – выделяет четыре типа межкультурных языковых контактов: 1) соприкосновение; 2) приобщение; 3) проникновение; 4) взаимодействие (см. [Прохоров, 1996, с. 107–115]). Как видно из названий, типы взаимодействия культур в концепции Прохорова градуированы от наименьшего, поверхностного к наибольшему, глубинному погружению в иную культуру. Мы считаем разумным учёт данной градации при обучении инофонов языку, ведь, как известно, изучая язык, люди преследуют самые разные цели, и не всегда существует необходимость в особо глубоком погружении.

Заключение

Нам представляется, что лингвокультурный код является важным инструментом, обеспечивающим наиболее глубокое понимание и, как следствие, полноценную коммуникацию между носителями разных культур. В конце концов, представители одной этнокультуры зачастую понимают друг друга с полуслова именно потому, что в основе их коммуникации лежит «не только общий вербальный код (естественный язык), но и общий культурный код» [Савицкий, Гашимов, 2005, с. 21]. Всякий носитель языка естественным образом усваивает культурные и лингвокультурные коды с ранних лет. Для инофонов же встаёт необходимость в той или иной степени освоить их в ходе занятий по иностранному языку. По этой причине мы видим необ-

ходимость внимательно изучать коды культуры и связанную с ними проблематику. Более того, новейшие учебно-методические комплексы должны разрабатываться с учётом данного аспекта развития инокультурной компетенции и содержать материалы, содействующие изучению кодов целевой культуры.

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвостранроведение в преподавании русского языка как иностранного: методическое руководство. 4-е изд. перераб. и доп. Москва: Высшая школа, 1990. 246 с.
3. Воробьев В.В. Культурная грамотность как основа межкультурного взаимодействия и общения // Русский язык в полиэтнической среде: Социокультурные проблемы лингвистического образования: Мат-лы Международной науч.-практ. конф. 26–28 октября 2006 г. Уфа: РИО БашГУ, 2006. С. 30–32.
4. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц. Дисс. ... д. филол. н. Уфа, 2003. 364 с.
5. Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 366 с.
6. Кольовска Е.Г. Природно-ландшафтный код русской культуры в аспекте лингводидактики. Дисс. ... к. пед. н. Москва, 2014. 240 с.
7. Королева Е.В. Место лексемы код в лингвистической терминосистеме // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. С. 332–340.
8. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Москва: Гнозис, 2002. 284 с.
9. Красных В.В. Некоторые базовые понятия психоллингвокультурологии (в развитие идей В.Н. Телия) // Язык, сознание, коммуникация. 2014. № 50. С. 167–175.
10. Мамонтов А.С., Морослин П.В. Зоометафоры как лингвокогнитивная составляющая процесса межкультурной коммуникации (на материале русско-турецких сопоставлений) // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2016. № 1. С. 139–143.
11. Маслова В.А. Числовой код в коммуникации: лингвокультурный образ числа «семь» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Том 25 (64). № 1. Часть 1. С. 355–358.
12. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Москва: Педагогика-пресс, 1996. 215 с.
13. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. Москва: Высшая школа, 1980. 143 с.
14. Савицкий В.М., Гашимов Э.А. Лингвокультурный код (состав и функционирование): Монография. Москва: Изд-во Моск. гор. пед. ун-та, 2005. 170 с.
15. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Слово, 2000. 624 с.
16. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва: Индрик, 1995. 512 с.
17. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / Отв. ред. А.Д. Кошелев. Москва: Гнозис, 1994. 547 с.
18. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. Москва: Прогресс, 1975. С. 193–228.

Rozenkova Ch.E.

Master Student, Linguodidactics Department, Perm State University

Shustova S.V.

Doctor of Philology, Professor, Linguodidactics Department, Perm State University

LINGUOCULTURAL CODE: DEFINITION, PROBLEM OF CLASSIFICATION, ROLE IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article explores the concept of 'culture code'. The term 'linguocultural code' is suggested for use in linguistics as a more suitable one. The problem of systematization of culture codes is addressed and it is concluded that there has not yet been introduced a general classification. Additionally, the question of culture codes' role in foreign language learning is examined.

Key words: code, culture code, linguocultural code, language code, linguoculturology, foreign culture competence, intercultural communication, acculturation of inofones.

УДК 81'42

Тимиркина Мария Эмильевна

Магистрант, факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2-396-477
E-mail: marywka59@mail.ru

Мишланова Светлана Леонидовна

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2-396-477
E-mail: mishlanovas@mail.ru

Милиц Евгений Витальевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396 477
E-mail: janerm@list.ru

Ветрова Кристина Олеговна

Магистрант, факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2-396-477
E-mail: vetrovachristina95@gmail.com

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ
РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ¹**

Темой статьи является анализ употребления метафор в эссе, написанных носителями английского и русского языков, в рамках когнитивной теории метафоры. Метафорическая компетенция рассматривается как способность индивида распознавать, понимать и употреблять метафоры в речи. В работе анализируется влияние визуальной метафоры на количество и плотность вербальных метафор.

Ключевые слова: метафора, метафорическая компетенция, визуальная метафора, вербальная метафора, визуальный стимул, конвенциональность, метафорическая плотность.

Введение

В настоящее время метафора, являясь одним из значимых элементов языка, находится под пристальным вниманием многих исследователей [Алексеева, 2013]. В исследованиях, посвященных метафоре, подчеркивается ее важная роль в построении концептуальной и вербальной систем человека, ее активное участие в категоризации языка, процессах мышления и восприятия. Данная работа основывается на идеях Дж. Лакоффа и М. Джонсона, описанными ими в монографии «Metaphors we live by», впоследствии ставшим одним из классических, основополагающих текстов когнитивной лингвистики. Суть авторской теории выражается тезисом «Наша обыденная понятийная систе-

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №16-13-59006)

ма, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387].

Таким образом, метафоре отводится центральная роль в понимании и структурировании действительности. При восприятии и осмыслении мира человеческим сознанием значительна роль не индукции и дедукции, а аналогии. Человек осознает неизвестное через известное, абстрактное – через конкретное, то есть происходит перенос знаний из одной содержательной области в другую. Метафора «отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов... Эта способность играет громадную роль как в практическом, так и в теоретическом мышлении» [Арутюнова, 1979, с. 169]. С этой точки зрения метафора является языковым отображением крайне важных аналоговых процессов, поскольку вербальное существование метафор становится возможным только потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека.

В рамках современной парадигмы гуманитарного знания особый интерес представляет исследование метафорической компетенции, то есть способности идентифицировать метафоры в дискурсе, правильно их интерпретировать и применять в собственной речи [Azuma, 2004]. В лингвистических и психолингвистических исследованиях высказывается мнение, что развитие метафорической компетенции необходимо для успешного общения. Более того, метафорическая компетенция считается обязательным условием развития всех составляющих коммуникативной компетенции, а именно социолингвистической, иллокутивной, дискурсивной, грамматической и стратегической компетенции [Littlemore, Low, 2006, p. 292]. К метафорической компетенции относят такие аспекты речемыслительной деятельности индивида, как распознавание метафорических выражений при слушании и чтении новостей, научных текстов и т.п., использование метафорических выражений в устной и письменной речи, а также распознавание метафор и понимание механизмов, лежащих в основе построения метафорических выражений [Azuma, 2004].

Благодаря возрастающему антропоцентризму в лингвистике становится очевидным, что попытки принципиального отделения языка от коммуникации, мышления и поведения малопродуктивны и искусственны. Как следствие этих процессов, повышается внимание к самым разным внешним стимулам в коммуникации, к мультимодальной ее составляющей: «Термин “мультимодальный” <...> опирается на понимание модальности, принятое в психологии, нейрофизиологии и информатике: модальность – это тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом» [Кибрик, 2010, с. 134]. Так, повышается внимание к несегментным явлениям в речи, например, просодии. Однако исследуется не только звуковая коммуникация, но и коммуникация через визуальный канал.

Визуальная метафора была признана важным когнитивным приемом, который используется в самых разных мультимодальных коммуникационных ситуациях [Sorm, Steen, 2013, p. 1]. Как и в лингвистической, в визуальной метафоре есть несоответствие между буквальным значением изображенного объекта и метафорическим значением, проявляющимся в изображении. Именно осознание некоторого несоответствия выступает спусковым крючком в интерпретации метафоры.

Основная часть

Данная работа посвящена сравнительному анализу метафорической компетенции русских и американских студентов, а именно процессу порождения ими вербальных метафор в письменной речи. Внимание уделяется тому предположению, что метафорическая компетенция наиболее развита именно у носителей языка. Также предполагается, что визуальная метафора будет являться стимулом для порождения вербальных метафор, а тексты, порождаемые носителями, являются более насыщенными и креативными.

Для подтверждения данных гипотез, нами было проведено психолингвистическое исследование с целью получения письменных продуктов от студентов русского и английского языка. Респондентами нашего исследования студенты филологического факультета Пермского государственного научного исследовательского университета (Россия) и студенты университета Delta (США). Возраст участников эксперимента – 18–23 лет. Всего было собрано 19 эссе на русском и 19 эссе на английском языках.

В качестве визуального стимула была использована картина бельгийского художника Р. Магритта «The Lovers». Перед респондентами была поставлена задача – написать эссе, в котором они должны были описать эмоции и чувства, которые у них вызвала предоставленная картина, название

картины им не сообщалось. Объем эссе был задан количеством 200–250 слов, время написания эссе – 45 минут.

Перед проведением исследования, связанного с участием респондентов, нами была проанализирована картина Р. Магритта «The Lovers» на наличие в ней визуальных конвенциональных метафор, используя процедуру идентификации конвенциональных метафор VisMet, предложенной Лабораторией Метафоры Свободного университета Амстердама. Данная процедура состоит из следующих шагов:

1. Сбор метаданных. На данном этапе собирается информация об авторе картины, времени и места ее написания, стиле, в котором она написана и т.д.

2. Анализ изображенных объектов. В первую очередь на данном этапе необходимо посмотреть на картину в целом, включая ее визуальные и вербальные элементы. Необходимо описать изображенные объекты, место действия и само действие, изображенные на картине.

3. Подбор всевозможных синонимов к словам, описывающим объекты изображения и далее обобщение данных синонимов к более общему определению объектов, используя прием генерализации.

4. Сопоставляя со списком конвенциональных визуальных метафор [Vis Met Corpus of Visual Metaphors.URL: www.vismet.org], выделить конвенциональные визуальные метафоры, содержащиеся в картине.

Используя данную процедуру, нами было выделено 7 конвенциональных визуальных метафор, содержащихся в картине Р. Магритта «The Lovers»:

1. Love is unity (of two complementary parts) (Любовь – это единство двух дополняющих частей).
2. Love is madness (Любовь – это безумство).
3. Love is magic (Любовь – это магия).
4. External appearance is a cover (Внешний вид – это укрытие).
5. Darkness is a cover (Темнота – это укрытие).
6. Darkness is a solid (Темнота – твердое вещество).
7. Strong emotion is blinding (Любовь ослепляет).

Было принято допущение, что словосочетание «сильные эмоции» может быть равнозначно понятию «любовь», поэтому далее в статье мы употребляем модифицированную версию данной конвенциональной метафоры – «Любовь ослепляет».

На следующем этапе нашего исследования мы поставили вопрос, влияет ли визуальное изображение, а в нашем случае картина Р. Магритта, содержащая визуальные конвенциональные метафоры, на метафорический потенциал вербальных произведений респондентов, описывающих данную картину.

Для того, чтобы ответить на данный вопрос, тексты-интерпретации были проанализированы на наличие лингвистических метафор с помощью процедуры идентификации лингвистической метафоры (MIP), разработанной группой Pragglejazz (2007) (MIP) и доработанной Лабораторией метафоры (2010) (MIPVU). Данная процедура «представляет собой поэтапный алгоритм, позволяющий выполнять маркирование элементов языка, имеющих метафорическое значение. Для идентификации лингвистической метафоры в тексте необходимо выполнить следующие шаги:

1. Прочитать текст.
2. Определить лексические единицы, составляющие данный текст:
 - а) для каждой лексической единицы определить контекстуальное значение;
 - б) для каждой лексической единицы определить, имеет ли она современное, базовое значение;
 - в) если лексическая единица имеет более конкретное базовое значение, определить, является ли контекстуальное значение отличным от базового, выводным, в отличие от базового.

3. При утвердительном ответе необходимо отметить лексическую единицу как лингвистическую метафору [Pragglejazz Group, 2007]. Поиск базового значения предполагает использование словаря, для анализа англоязычных текстов рекомендуется использовать словарь Macmillan.

В результате использования данной процедуры, нами были получены следующие данные: минимальное число употребленных метафорических единиц в эссе русских респондентов составило 39 единиц, максимальное – 99 единиц. В эссе американских студентов минимальное число метафорических единиц составило 28 единиц, максимальное – 81 единиц. Среднее количество употребленных метафорических единиц в текстах русских респондентов составило 69 единиц, в эссе американских студентов – 55 единиц. Всего употребленных метафорических единиц в эссе русских респондентов–1472, в эссе американских респондентов 1093 единицы.

Используя эти данные, на следующем шаге нашего исследования нами была подсчитана метафорическая плотность вербальных произведений респондентов. Мы отобрали метафорически употребленные единицы в процентном соотношении от общего количества лексических единиц в каждом тексте. Так, общая метафорическая плотность эссе русских респондентов составила 42,1 %, метафорическая плотность эссе американских студентов: 39,7 %. Эти результаты подтверждают нашу гипотезу о том, что тексты-интерпретации как русских, так и американских респондентов высоко метафоричны, что, в свою очередь, доказывает влияние визуального изображения, содержащего конвенциональные визуальные метафоры, на метафорический характер вербальных произведений, его описывающего.

Следующий этап нашего исследования был посвящен дихотомии конвенциональных и визуальных метафор в текстах-интерпретациях респондентов.

Феномен новизны и конвенциональности (устойчивости) метафоры рассматривает концептуальное направление изучения метафоры. В рамках данного направления говорится, что новые метафоры не зафиксированы в толковых словарях и не запечатлены в концептуальных системах носителей языка. Восприятие и понимание таких метафор происходит при активизации концептуальных структур сферы-источника. Конвенциональные метафоры же отличаются фиксированной репрезентацией в толковых словарях и сознании индивидов, что влечет их непосредственную активизацию из концептуальных систем, минуя процесс наложения концептуального сферы-источника на целевой домен.

Нашей целью стало определение того, какие конвенциональные визуальные метафоры респонденты распознали в визуальном стимуле, и какая им дана интерпретация, а также важным моментом стало выявление новых метафор в текстах-интерпретациях студентов.

В эссе русских студентов встречались разнообразные вариации тех конвенциональных визуальных метафор, что были нами описаны выше. Например, «любовники ослеплены своей же любовью», «их безумная любовь не оставляет им других шансов», «этот серый мешок, что накрыт на головы любовников, скрывает и оберегает их», «мешок на головах укрывает их от чужих глаз», «под темным покрывалом скрыты чувства возлюбленных», «любовь – это единство тайны двоих», «герои ослеплены своей любовью», «любовники слепы от любви» и т.д. В эссе американских студентов также встречались различные вариации визуальных конвенциональных метафор: «*love is magic word*», «*love between these two people is magical*», «*love is madness and it is true*», «*love is the unity of two parts that want to be together no matter of what*», «*dark sheets on their heads cover these lovers from others*», «*love is truly blind*», «*love blinds them and they know it*», «*strong emotion that they have is blinding*».

Заключение

Было выявлено, что конвенциональная визуальная метафора «*Love is blinding*» («Любовь ослепляет») наиболее частотна в использовании у студентов по сравнению с другими. В эссе русских студентов встречались различные вариации данной конвенциональной метафоры, такие как: «слепы от любви», «слепота любви», «любовь приводит к ослеплению», «слепы влюбленные люди». В эссе американских респондентов встречались такие интерпретации данной конвенциональной визуальной метафоры, как: «*to be blind by love*», «*love blinds them*», «*to go blind from love*», «*love is truly blind*». Также нами было выявлено превалирование новых метафор над конвенциональными. Например, в американских эссе: «*the two are blind like bats in a day-light*», «*love has no color*», «*love is tragic*», «*love does not see a color of religion*», «*love can kill*», «*covered faces are the test of love*», «*bag is death*». В эссе русских респондентов: «*пара задыхается от любви*», «любовь не правит миром», «потерять голову от любви», «мешки – символ болезни (СПИДа)», «двуглавье отношений», «задняя стена – выход в открытый космос».

Полученные результаты показали, что концептуальные визуальные метафоры являются стимулом для порождения вербальных метафор. Также было обнаружено преобладание новых метафор над конвенциональными. Новые метафоры использовались с целью представления своей оценки, отношения к описываемому объекту, а также для создания комического эффекта.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. Метафора в дискурсе. Учебное пособие / Л.М.Алексеева, Н.П.Ивинских, С.Л.Мишланова, С.В.Полякова; под ред. Л.М.Алексеевой; Пермь: Изд-во «Перм. гос. ун-т», 2013. 240 с.

2. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. Москва: Наука, 1979. С. 147–173.
3. Кибрик А.А. Мультиmodalная лингвистика // Когнитивные исследования – IV. Москва: ИП РАН, 2010. С. 134–152.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. Москва: Прогресс, 1990. С. 387–415.
5. Azuma M. Metaphorical competence in an EFL context: the mental lexicon and metaphorical competence of Japanese EFL students. PhD thesis, University of Nottingham. 2004. URL: <http://etheses.nottingham.ac.uk/1894/1/416746.pdf> (дата обращения: 25.10.2017).
6. Littlemore, J. and Low, G. Metaphoric competence and communicative language ability. *Applied Linguistics* 27 (2). 2006. P. 268–294.
7. Pragglejaz Group MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*. 22 (1). 2007. P. 1–39.
8. Šorm E., Steen, G.J. Processing visual metaphor: A study in thinking out loud. *Metaphor and the Social World*, Volume 3. Number 1. 2013. P. 1–34.
9. VisMet Corpus of Visual Metaphors. URL: www.vismet.org/ (дата обращения: 02.11.2017).

Timirkina M.E.

*Master Student, Linguodidactics Department,
Perm State University*

Mishlanova S.L.

*Doctor of Philology, Professor, Linguodidactics Department,
Perm State University*

Milz E.V

*PhD, Associate Professor, Linguodidactics Department,
Perm State University*

Vetrova K.O.

*Master Student, Linguodidactics Department,
Perm State University*

METAPHORICAL COMPETENCE OF RUSSIAN AND AMERICAN STUDENTS

The paper deals with the study of metaphor production in essays written by Russian and English native speakers in the framework of cognitive metaphor theory. It considers metaphorical competence as the ability to recognize, understand and use metaphors in speech. The work analyzes the influence of visual metaphor on production and density of verbal metaphors.

Key words: metaphor, metaphorical competence, visual metaphor, verbal metaphor, visual stimulus, conventionality, metaphorical density

УДК 378

Филиппова Анастасия Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 2396-477
E-mail: filippovasmvfl@list.ru

**РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»**

В статье рассматривается понятие критического мышления и способы его развития в рамках дисциплины «Иностранный язык». Особое внимание уделяется технологии развития критического

мышления через чтение и письмо, которая может применяться в рамках самостоятельной работы учащихся, а именно при подготовке к семинарским занятиям.

Ключевые слова: критическое мышление, иностранный язык, технология развития критического мышления через чтение и письмо, семинар, фрейм.

Введение

В современном обществе, в сетевых ресурсах которого представлено огромное количество информационных потоков, процесс получения и переработки информации играет большую роль. Умение индивида находить, анализировать и выбирать информацию, необходимую для решения повседневных и профессиональных задач, является одним из важнейших умений, требующихся современному человеку для успешной реализации его профессиональных идей.

Как известно, процессы получения и переработки информации так или иначе связаны с процессами мышления, поскольку при работе с информационными ресурсами требуются способности к сравнению, анализу и синтезу, абстракции и обобщению, которые, в свою очередь, относятся к «основным операциям мыслительной деятельности, направленным на адекватное познание» [Азимов, 2009, с. 150]. В научной литературе выделяется несколько видов мышления, однако, особого внимания, на наш взгляд, учитывая требования современного высшего образования, заслуживает такой вид мышления как критическое. По мнению Ричарда Поля, критическое мышление – это дисциплинированное, самонаправляемое и саморегулируемое мышление, которое иллюстрирует совершенства мышления, соответствующие к специфическому способу или области мысли [Paul, 1990, p. 52].

Основная часть

В литературе по психологии и смежных с ней науках представлены определения критического мышления, в которых данный тип мышления понимается с точки зрения когнитивной психологии [Федотовская, 2005, Халперн, 2000]. Критическое мышление – это использование когнитивных техник или стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого конечного результата. Это определение характеризует мышление как нечто отличающееся контролируемостью, обоснованностью и целенаправленностью, – такой тип мышления, к которому прибегают при решении задач, формулировании выводов, вероятностной оценке и принятии решений [Халперн, 2000, с. 19]. Одними из основных когнитивных процессов по поступлению и переработке информации индивидом можно рассматривать процессы категоризации и концептуализации. Процесс категоризации предполагает «деление мира на категории, то есть выделение в нём групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий» [Болдырев, 2002, с. 23]. Концептуализация определяется как один из важнейших процессов познавательной деятельности индивида, который заключается в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов в мозгу человека [Краткий словарь, 1996, с. 93]. Концепт при этом мыслится как «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённая в человеческой психике» [Краткий словарь, 1996, с. 90]. Иными словами, концепт – это общее представление о каком-либо объекте, понятии и данное представление формируется индивидом в первую очередь за счёт его способности к категоризации и концептуализации. Итак, критически мыслящий учащийся должен уметь самостоятельно анализировать полученную информацию, то есть подвергать сомнению и делать соответствующие выводы, высказывать свою точку зрения и аргументировать её, соотносить новую информацию с уже имеющейся с целью решения повседневных и учебных задач.

Изучая проблему развития критического мышления студентов, делаются попытки «построения индивидуальных траекторий развития критического мышления преподавателей и студентов с учётом их личностных особенностей. Соответствующие индивидуальные траектории развития критического мышления субъектов образовательного процесса разрабатываются в многомерном пространстве профессионально-личностных качеств и способностей субъектов, в качестве базисных векторов которого рассмотрены индивидуально-типологические особенности, особенности саморегуляции и особенности мышления личности» [Макарова, Шаршов, 2013, с. 108]. По мнению исследователей, данные индивидуальные траектории являются схематическими программами развития критического мышления, определяющими конкретные цели, задачи и способы их достижения.

Технологии развития критического мышления активно применяются в различных дисциплинах, имея при этом для каждой дисциплины свои особенности. Не исключением является и дисциплина «Иностранный язык», в которой развитие критического мышления рассматривается как способ мо-

тивации к изучению иностранного языка и средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции [Абдрафикова, Ещенко, 2016, Федотовская, 2005, Мишланова, 2016].

Одной из известных технологий развития критического мышления, разработанной зарубежными исследователями [Стил, Мередит, Темпл, Уолтер, 1997], является технология развития критического мышления через чтение и письмо (РКМЧП). Данная технология представляет собой три стадии учебного процесса (вызов – осмысление содержания – рефлексия), в ходе которого с помощью определённого набора приёмов и методов учащиеся стремятся достичь определённых результатов в зависимости от поставленных первоначально целей. Первая фаза (фаза вызова) заключается в самостоятельной актуализации имеющихся знаний по заданной теме. Вторая фаза (фаза осмысления) представляет собой организацию активной работы с информацией, самостоятельное сопоставление пройденного материала с уже известным. Под третьей фазой (фаза рефлексии) понимается систематизация нового материала и определение дальнейших направлений [Заир-Бек, Муштавинская, 2011, с. 6].

На занятиях по иностранному языку, фазы технологии развития критического мышления через чтение и письмо представляются следующим образом: предтекстовая фаза (Vor-Phase), текстовая фаза (Während-Phase) и послетекстовая фаза (Nach-Phase) [Мишланова, 2016, с. 83–84].

Следует отметить, что согласно мнению разработчиков данная технология может быть применена не только на занятии, но и за его пределами, в рамках самостоятельной деятельности студентов. Одним из видов такой деятельности может рассматриваться подготовка учащихся к выступлению по новой теме на семинарских занятиях. Итак, в рамках первой фазы, заключающейся в актуализации знаний по определённой теме и определении направлений, могут быть использованы следующие приёмы технологии РКМЧП: «бортовой журнал», таблица «З – Х – У», «Плюс – минус – интересно». Под приёмом «бортовой журнал» понимается заполнение таблицы с колонками «Что мне известно по данной теме?» и «Что нового я узнал из текста?». Естественно, первая колонка заполняется на стадии вызова, вторая же оформляется на стадии осмысления [Заир-Бек, Муштавинская, 2011, с. 85]. Полезным на стадии вызова может также оказаться приём таблица «З – Х – У», который представляет собой заполнение таблицы с колонками «Знаю», «Хочу узнать» и «Узнал». Третья колонка оформляется на стадии осмысления. Помимо названных колонок в таблице представлены нижние графы с колонками «Категория информации» и «Источники информации» [Заир-Бек, Муштавинская, 2011, с. 103]. Приём «Плюс – минус – интересно» также может рассматриваться на стадии вызова. Данный приём предполагает заполнение таблицы на основе определения положительных и отрицательных моментов какого-либо явления, подхода и т.д. Положительные стороны указываются в столбике «Плюс», отрицательные – в столбике «Минус», информация, вызывающая интерес, заносится в столбик «Интересно» [Заир-Бек, Муштавинская, 2011, с. 84].

Во второй фазе, заключающейся в осмыслении получаемой информации и сравнении с уже имеющейся, могут быть использованы следующие приёмы: «бортовой журнал», таблица «З – Х – У», «инсерт». Как уже было отмечено, применяя на стадии осмысления таблицу «З – Х – У» и «бортовой журнал», заполняется последняя колонка, в которую заносится новая информация, приобретенная учащимися в ходе прочтения того или иного источника. Наиболее полезным, на наш взгляд, применяемым на стадии осмысления, является приём «инсерт», смысл которого заключается в оформлении пометок в тексте во время чтения, например: «v» – уже знал, «+» – новое, «-» – думал иначе, «?» – не понял, есть вопросы [Заир-Бек, Муштавинская, 2011, с. 31].

На третьей стадии, в рамках которой происходит систематизация материала, могут быть использованы такие приёмы как эссе, «бортовой журнал» [Заир-Бек, Муштавинская, 2011, с. 149]. «Бортовые журналы», как уже было описано выше, применяются на первой и второй стадиях технологии, однако они могут быть полезны и на третьем этапе работы. А именно, анализируя информацию, занесённую в «бортовые журналы» и дневники, учащиеся имеют возможность проанализировать полученные данные, сравнить, сделать выводы по той или иной теме. Эссе является также одним из вариантов проведения рефлексии. Выражая письменно свои мысли на бумаге, а именно, фиксируя то, что ими было усвоено на основе прочитанной литературы, и, излагая при этом свое отношение к проблеме (теме), учащиеся подводят своего рода итог по проделанной работе. Одним из вариантов систематизации материала, на наш взгляд, может также рассматриваться презентация, составленная в формате Power Point. В презентации, как правило, тезисно излагаются мысли, идеи, предложения, сформулированные на основе полученной информации.

Помимо названных приёмов, на наш взгляд, одним из приёмов, используемых в третьей фазе технологии РКМЧП, может также рассматриваться фрейм, представляющий когнитивную структуру, в которой отражено знание о стереотипных ситуациях, вербализующееся посредством естест-

венного языка [Филлмор, 1988]. Под фреймом понимается совокупность слотов различного уровня, среди которых слоты первого уровня рассматриваются как базовые слоты, а слоты второго уровня, конкретизирующие слоты первого порядка, как терминальные или конечные слоты.

В качестве иллюстрации к использованию фрейма с целью рефлексии в рамках третьей фазы технологии РКМЧП приведем отрывок описания концепта «принцип» в немецком методическом дискурсе. Концепт «принцип» структурирован в виде фрейма, состоящего из двух уровней слотов, к первому из которых относятся слоты «дидактика» и «методика». Слоты второго уровня «активность» и «индивидуализация» сочетаются со слотом первого уровня «дидактика». Со слотом первого порядка «методика» соотносятся слоты второго уровня «учёт родного языка», «коммуникативность».

Слот «индивидуализация» представлен корпусом контекстов, в которых термин «принцип» понимается с точки зрения принципа индивидуализации. Слот «индивидуализация» сочетается со слотом «дидактика», поскольку принцип индивидуализации является дидактическим принципом обучения. Данный принцип предполагает «учет индивидуальных особенностей учащихся в процессе занятий и внеаудиторной работы» [Азимов, Щукин, 2009, с. 213]. Примером репрезентации термина «принцип» как принципа индивидуализации может рассматриваться следующий контекст: «**Das Prinzip der Schülerorientierung.** In diesem Prinzip werden die individuellen Voraussetzungen der Schüler für das Fremdsprachenlernen berücksichtigt. Es weist auf die Notwendigkeit hin, auch im Fremdsprachenunterricht die Schüler als Individuen mit jeweils unterschiedlichen Lernvoraussetzungen zu verstehen und dann diesem Prinzip entsprechende Methoden zu wählen» [Janikova, 2008, с. 122]. Термин *das Prinzip* сочетается с существительным *die Schülerorientierung*, что в переводе дословно означает «ориентация, ориентировка на ученика». Существительное «ориентировка» образовано от глагола «ориентироваться», который в переносном значении означает «направить(-влять) свою деятельность, усилия, внимание на кого-что-нибудь» [Ожегов, 2010]. Следовательно, речь идёт о направлении внимания и усилий преподавателя на учащегося. Согласно контексту в рамках данного принципа при обучении иностранным языкам принимаются во внимание «индивидуальные условия учеников» (*die individuellen Voraussetzungen der Schüler*). «Условия» могут пониматься как «данные, требования, из которых следует исходить», а «данные» в свою очередь предполагают «свойства, способности, качества как условия или основания для чего-нибудь» [Ожегов, 2010]. В данном контексте речь идёт об индивидуальных качествах и способностях учащегося, которые следует учитывать при обучении иностранному языку.

Слот «учёт родного языка», сочетающийся со слотом «методика», представлен набором контекстов, в которых термин «принцип» понимается как методическая основа, которая «предусматривает организацию учебного процесса с учётом опыта в родном языке учащихся, что определяет построение программы обучения» [Азимов, Щукин, 2009, с. 219]. Пример репрезентации термина «принцип» с точки зрения принципа учёта родного языка может послужить следующий контекст: «**Das Prinzip der muttersprachlichen Vorleistung.** Dieses Prinzip besagt vereinfacht, dass in der Unterrichtspraxis die Muttersprache durchdacht und sinnvoll eingesetzt werden soll» [Janikova, 2008, с. 122]. В данном контексте термин *das Prinzip* согласуется со словосочетанием в родительном падеже *der muttersprachlichen Vorleistung*. *Die Vorleistung* в переводе означает «подготовительная работа», *muttersprachlich* – «относящийся к родному языку», то есть речь в контексте идёт о принципе подготовительной работы, относящейся к родному языку.

Слот «коммуникативность» представлен набором контекстов, в которых термин «принцип» трактуется как принцип коммуникативной направленности. Данный принцип является «ведущим методическим принципом обучения, согласно которому обучение организуется в естественных для общения условиях или максимально приближенных к ним. Принцип предполагает такую направленность занятий, при которой цель обучения (овладение языком как средством общения) и средство достижения цели (речевая деятельность) выступают в единстве» [Азимов, Щукин, 2009, с. 213]. Примером репрезентации термина «принцип» в качестве принципа коммуникативности может послужить следующий контекст: «**Das Prinzip der Mündlichkeit und der Kommunikation.** Dieses Prinzip verweist darauf, dass Hören und das daran gekoppelte Sprechen die Grundlage aller anderen sprachlichen Fertigkeiten sind, und das im Fremdsprachenunterricht immer wieder die Mittel und Wege thematisiert werden müssen, die den Lernenden ermöglichen, in der Sprache handeln zu können» [Janikova, 2008, с. 122]. В контексте термин *das Prinzip* употребляется с существительными *die Mündlichkeit* (устность), *die Kommunikation* (коммуникация, общение), то есть речь идёт о принципе коммуникативной направленности.

Заключение

Итак, нами был представлен отрывок описания концепта «принцип», структурированного в виде фрейма. Построение фрейма требует глубокого анализа дискурса, поэтому может рассматриваться одним из способов развития критического мышления. Данный тип мышления, необходимый учащемуся при получении и переработке информации, может способствовать принятию правильных решений в учебной, повседневной и профессиональной сферах жизни.

Список литературы

1. Абдрафикова А.Р., Ещенко Е.Ю. Некоторые следствия применения стратегий развития критического мышления на уроках английского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск: Изд-во «Челяб. гос. пед. ун-т», 2016. № 8. С. 9–15.
2. Азимов, Э.Г., Шукин, А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика преподавания языков). Москва: Изд-во ИКАР, 2009. 488 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Изд. 3-е, стер. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 123 с.
4. Заир-Бек С.И., Муштавинская И.В. Развитие критического мышления на уроке. Пособие для учителей общеобразовательных учреждений. 2-е изд., дораб. Москва: Просвещение, 2011. 223 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.С., Лузина Л.Г. Москва: Изд-во «Моск. гос. ун-т», 1996. 245 с.
6. Макарова Л.Н., Шаршов И.А. Обоснование алгоритмических способов построения индивидуальных траекторий развития критического мышления преподавателя и студента // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. Выпуск 11 (127). С. 108–115.
7. Мишланова С.Л., Филиппова А.А., Заседателева М.Г. Технология критического мышления как средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск: Изд-во «Челяб. гос. пед. ун-т», 2016. № 5. С. 82–89.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 2010. URL <http://ozhegov.textologia.ru/> (дата обращения: 12.04.2017).
9. Стил Дж. Основы критического мышления: междисциплинарная программа: пособие 1 / Сост. Дж. Стил, К. Мередит, Ч. Темпл, С. Уолтер. Москва: Изд-во «Ин-т «Открытое Общество», 1997. 235 с.
10. Федотовская Е.И. Методика развития критического мышления как важного фактора формирования иноязычной коммуникативной компетенции в специализированных вузах. Автореф. ... к. п. н. Москва, 2005. 24 с.
11. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1988. Вып. 23. С. 52–92.
12. Халперн Д. Психология критического мышления. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 512 с.
13. Janikova Vera Aktuelle Trends in der Ausbildung der Fremdsprachenlehrer und -lehrerinnen // Lehrer/- innenbildung in Europa. Pädagogische Hochschule Wien (Hg.) – LIT VERLAG & Co.KG Wien, 2008. S. 119–126. URL: <http://books.google.ru/books?id=1feZ46gyP2MC&pg=PA122&dq=Das+Prinzip+der+muttersprachlichen+Vorleistung&hl=ru&sa=X&ei=W-tAU9WgOcO84ASK-4DgAQ&ved=0CCwQ6AEwAA#v=onepage&q=Das%20Prinzip%20der%20muttersprachlichen%20Vorleistung&f=false> (дата обращения: 12.03.2017).
14. Paul, Richard W. Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World. Rohnert Park, CA: Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State Univ., 1990. 571 p.

Filippova A.A.

*PhD, Linguodidactics Department,
Perm State University*

DEVELOPMENT OF CRITICAL THINKING IN FOREIGN LANGUAGE

The article discusses critical thinking and critical thinking development in a foreign language. It is focused on the use of the technology of critical thinking development through reading and writing, which can be used in students' self-study, specifically for seminar preparation.

Keywords: critical thinking, foreign language, development of critical thinking through reading and writing, workshops, frame.

УДК 372.881.161.1

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна

Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы, Таджикский национальный университет.
Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, д. 17.
Тел.: +992 372- 221-77-11, e-mail: hojgul@mail.ru

Хабибова Мохру Ориповна

Ассистент кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Таджикский национальный университет.
Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, д. 17.
Тел.: +992 372- 221-77-11, e-mail: mohru20@mail.ru

Сафарова Малика Абдухафизовна

Ассистент кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Таджикский национальный университет.
Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, д.17.
Тел: +992 987 66 58 73, e-mail: melike-1@mail.ru

**ОБОГАЩЕНИЕ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА УЧАЩИХСЯ–ТАДЖИКОВ
В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

В статье авторы рассматривают процесс формирования и совершенствования лексических умений и навыков учащихся таджикских классов в условиях интегрированного обучения русскому языку. Обучение лексике принято рассматривать в соответствии с этапами формирования умений и навыков, в связи с чем используется следующая последовательность: а) введение, б) семантизация, в) закрепление и г) активизация в речи.

Ключевые слова: интегрированный урок, интегрированное обучение, русский язык, родной язык, литература, лексические умения и навыки, словарный запас

Введение

Русский язык занимает особое место среди других школьных дисциплин как учебный предмет (он обеспечивает овладение средством межнационального общения) и как предмет, предоставляющий большие возможности для решения задач воспитания учащихся. Необходимо так организовать систему обучения, чтобы каждый учащийся в дальнейшем мог свободно общаться, читать русскоязычную художественную литературу, приобщаться к мировой культуре. Следует отметить, что в настоящее время, особенно в дальних кишлаках отсутствует русскоязычное население и, как следствие, языковая среда для изучения русского языка. Даже при овладении пониманием устной и письменной русскоязычной речи (слушание на уроках русского языка, теле- и радиопередач, чтение книг), учащиеся испытывают трудности в спонтанном общении на русском языке.

Основная часть

Проблема обучения русскому языку в таджикских средних общеобразовательных учреждениях требует своего решения как на уровне организационном, так и научно-методическом. В этой связи важной задачей является научное определение содержания обучения русскому языку. Традиционная методика обучения второму языку требует усовершенствования, в частности, необходимо усовершенствовать учебную программу. Формирование коммуникативной компетенции происходит за счет пополнения и расширения необходимого словарного запаса учащихся, представляющего собой совокупность приемов, мобилизующих умственные стимуляторы для поиска возможности восполнить нехватку знаний, умений и навыков.

Для формирования и совершенствования лексических навыков, обеспечивающих употребление лексики в процессе устной и письменной речи, используем интегрированное обучение русскому языку в на-

циональных классах. Обучение лексике принято рассматривать в соответствии с этапами формирования навыков, в связи, с чем используется следующая последовательность: введение лексики, объяснении семантики слова, употребления его в словосочетании, предложении, контексте, введение данного слова в активную речевую деятельность учащихся. Это, несомненно, требует развития специальных умений. Так, анализируя структуру слова с целью выяснения его семантики, учащийся должен уметь соотнести значение производящей основы и словообразовательного суффикса и установить значения всего слова, так как подавляющее большинство производных слов семантически связано с производящими основами. Для этого учащийся должен овладеть практическим словообразовательным анализом: уметь выделить образующую основу и словообразовательный суффикс. Следовательно, задача учителя состоит в выработке у учащихся навыка словообразовательного анализа и умения соотносить значение производящей основы и словообразовательного суффикса.

Если слово многозначно, то при совпадении значений данного слова в родном и изучаемом языках учащийся овладевает его фонетическим и графическим обликом при усвоении какого-либо одного из значений. В других своих значениях многозначного слово становится единицей потенциального словарного запаса учащихся.

В преподавании русского языка в таджикской школе учителям приходится преодолевать много трудностей. Одной из них является отсутствие русской языковой среды. Следует отметить, что «в семантической структуре лексики разных языков, в том числе русского и таджикского наблюдаются большие расхождения, ибо каждый язык представляет собой своеобразную систему внешних значений. В процессе обучения обычно различают следующие явления: а) совпадающие в русском и родном языках, которые можно переносить из родного языка в изучаемый (русский) язык; б) частично совпадающие, которые должны быть лишь скорректированы; в) несовпадающие или отсутствующие в одном из языков, которые необходимо формировать» [Ходжиматова, 2011, с. 106]. В этой связи знание характерных особенностей русского и таджикского языков и их учет в процессе обучения дает преподавателю возможность выявить и предупредить ряд характерных ошибок, связанных с типологическим различием данных языков.

Обогащение словарного запаса учащимися-таджиками будет более эффективным при разработке системы заданий, на преодоление интерферирующего влияния родного (таджикского) языка учащихся. Однако урок как форма учебной работы не может вместить все обилие материала, которое служило бы воспитательным, практическим и образовательным целям обучения русскому языку учащихся таджикских школ. На помощь должна прийти широко развернутая внеклассная работа, открытые уроки, проведение недели русского языка, без чего трудно рассчитывать на успешное овладение учащимися русским языком.

В практику школы должны войти и прочно утвердиться такие виды внеклассных мероприятий, как: организация внеклассного чтения, подготовка и проведение вечеров на русском языке, выпуск стенгазет, посвященных знаменательным датам, организация и проведение занятий кружка, просмотр мультфильмов и художественных кинофильмов с целью развития устной речи учащихся.

Одна из главных задач учителей русистов заключается в том, чтобы как можно чаще проводились интегрированные уроки. Планируя интегрированный урок, всегда учитель стремится, в первую очередь, к тому, чтобы он помог расширить и углубить знания, полученные учащимися на уроках. Развитию мыслительной деятельности, закреплению орфографических и стилистических навыков, пополнению словарного запаса, расширению кругозора учащихся способствует систематическая работа с использованием материалов по родной и русской литературе, географии, ботаники и др.

Одним из эффективных средств развития интереса к учебному предмету является использование на уроках дидактических игр и занимательного материала, что способствует созданию у учеников эмоционального настроения, вызывает положительное отношение к выполняемой работе, улучшает общую работоспособность, дает возможность один и тот же материал повторить разнообразными способами.

В.А. Сухомлинский писал, что без игры нет и не может быть полноценного умственного развития. Игра – это огромное светлое окно, через которое в духовный мир ребенка вливается живительный поток представлений и понятий [Зимняя, 1989, с. 143]. «Когда человек играет, он повышает свои эмоции. Нашу школу мы должны сделать местом как раз такого оживления» [Выготский, 1935, с. 33]. Л.С. Выготский, рассматривая роль игры в психическом развитии ребенка, отмечал, что в связи с переходом в школу, игра не только не исчезает, но, наоборот, она пропитывает всю деятельность ученика. «В школьном возрасте, – говорил он, – игра не умирает, а проникает в отношение к действительности. Она имеет свое внутреннее продолжение в школьном обучении и труде...» [Выготский, 1935, с. 34]

Современная дидактика, обращаясь к игровым формам обучения, справедливо усматривает в них возможность эффективной организации взаимодействия педагога и учащихся, продуктивную форму общения с элементами соревнования, непосредственности, неподдельного интереса (В.Г. Коваленко) [Выготский, 1935, с. 35].

Развитие русской речи, пополнения словарного запаса является одним из самых важных приобретений ученика-таджика в школе и рассматривается в современном воспитании как общая основа воспитания и обучения школьника. Для развития русской речи, пополнения словарного запаса у учеников – таджиков нами используется сборник под редакцией М.Б. Нагзибековой, Г.М. Ходжиматовой, М.А. Сафаровой «Сборник тестов, диктантов и изложений по русскому языку и литературе (5–9 классы)» [Нагзибекова, Ходжиматова, Сафарова, 2016, с. 15]. В данном сборнике тестов представлены тесты, диктанты, сочинения, изложения.

В педагогической практике для пополнения словарного запаса используются следующие коммуникативные задания для развития устной и письменной речи учеников средних классов:

Тесты по русскому языку

Упр. 1. Спишите. Вставьте пропущенные буквы. Рядом в скобках запишите проверочные слова. Подчеркните имена существительные, которые отвечают на вопрос *кто?* Каким членом предложения они являются?

Лето подходило к к...нцу. В...лчата заметно выросли. Как-то раз они в...рвались в са... и нач...ли носит...ся между дерев...ями. Было ослепител...но яркое у...ро. З...мля была мягкая. Опавшие лист...я так и манили зарыт...ся в них нос...м.

Ответьте на вопросы:

1. О каком времени года идет речь в тексте? – *Лето*.
2. Кто вырос за лето? – *Волчата*.
3. Куда ворвались волчата как-то раз? – *В сад*.
4. Какое было утро в тот день? – *Ослепительное и яркое утро*.
5. Что манила волчат? – *Опавшие листья манили волчат*.

Упр. 2. Составьте словосочетания разных типов на основе главного слова. (согласование, управление, примыкание).

Обращайтесь (как?) вежливо (примыкание)

Владеть (чем?) мечом, языком (управление)

Дорога (к чему?) Обучать (чему?) К (каким ?)людям.

Связана (с чем?) Изолировать (от чего?) (какой?)язык.

Упр. 3. ЗАМЕНИТЬ ДАННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ СО СПОСОБОМ СВЯЗИ СОГЛАСОВАНИЕ СИНОНИМИЧНЫМИ СО СПОСОБОМ СВЯЗИ УПРАВЛЕНИЕ с предлогом:

1. бессонная ночь – ночь без сна.
2. подземный переход – переход под землей.
3. алгебраическая задача – 4. школьный портфель – 5. приморский парк – 6. клетчатый шарф –

С целью развития речи учащихся, обогащения их словарного запаса нами предлагаются дидактические игры. Теория игры базируется на ряде фундаментальных исследований, которые доказывают ее чрезвычайно важное значение в развитии ребенка. Исследователями экспериментально проверено и убедительно доказано резкое возрастание у детей интереса к учебным действиям, если они включены в игровую ситуацию. Учебные задачи становятся для учащихся более доступными, общая продуктивность деятельности заметно повышается.

В физминутках, в речевой разминке нами активно используется работа с ребусами, которая направлена на обогащение словарного запаса у ученика, развития логического мышления.

ХО-МЯЧ-ОК, КУВШИН-КА, Ф-РАК, ГВОЗДИ-КА, ЗЕ-БРА, НЕЗА-БУДКА, К-ОСЫ-НКА.

П–ЛАК–АТЬ, С–НОС–ИТЬ, К–ИВА–ТЬ, БР–ОСА–ТЬ, Т–РОГА–ТЬ, СТО–НАТЬ.

Заключение

Таким образом, основной целью процесса усвоения лексических единиц является выработка умений правильного их употребления, активного использования в речевых ситуациях. Чтобы обучение русской лексике учащихся таджикских классов было эффективным, необходимо учитывать определенные объективно существующие закономерности процесса усвоения, правила и на их основе строить методическую систему работы. Все сказанное свидетельствует о необходимости серьезной работы по обогащению речи учащихся русской лексикой, развитию у них коммуникативных умений и навыков.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Умственное развитие в процессе обучения. Москва, Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство. 1935. 135 с.
2. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. Москва: Русский язык, 1989. 145 с.
3. Нагзибекова М.Б., Ходжиматова Г.М., Сафарова М.А. Сборник тестов, диктантов и изложений по русскому языку и литературе (5-9 классы). Душанбе: Изд-во «Тадж. нац. ун-т», 2016. 180 с.
4. Ходжиматова Г.М. Научные основы обучения терминологической лексике русского языка в неязыковом вузе. Дис.... д. пед. н. Душанбе, 2011. 328 с.

Khodgimatova G.M.

Doctor of Pedagogics, Professor, Tadjik National University

Khabirova M.O.

Assistant, Tadjik National University

Safarova M.A.

Assistant, Tadjik National University

ENRICHING THE VOCABULARY OF TADJIK STUDENTS IN TERMS OF INTEGRATED EDUCATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The authors consider a process of the formation and perfection of lexical skills in Tajik students learning the Russian language in an integrated class. Vocabulary learning is generally viewed as a four-stage skills formation through the following sequence: introduction; semantization; consideration and activation of speech.

Keywords: integrated class, integrated education, the Russian language, native language, literature, vocabulary, lexical skills.

УДК 378. 81'36

Царенко Наталья Михайловна

Магистрант, факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 342 2396 477
E-mail: shibalovanatаба@mail.ru

Шустова Светлана Викторовна

Доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614099, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 342 2396 477
E-mail: lanaschust@mail.ru

КОНТРОЛЬ СФОРМИРОВАННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ

Данная статья посвящена вопросу формирования и контроля грамматической компетенции студентов языкового профиля в свете коммуникативно-когнитивного подхода. В статье раскрываются понятия коммуникативной компетенции, грамматической компетенции, этапов работы над формированием грамматической компетенции и типов упражнений. Анализ УМК, применяемый при обучении студентов-лингвистов с двумя профилями подготовки, способствовал разработке методики контроля сформированности грамматической компетенции английского языка и проведению экспериментального обучения с применением данной формы.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, грамматическая компетенция, этапы формирования грамматической компетенции, контроль, упражнение

Введение

Профессиональная подготовка специалистов, владеющих иностранным языком, в высших учебных заведениях предполагает способность свободно изъясняться и взаимодействовать с носителями чужой культуры, выраженной в языке. Однако это не означает, что все выпускники факультета иностранных языков будут владеть языком на должном уровне. Это объясняется рядом причин.

Во-первых, это изменение структуры высшего образования и разделение его на два уровня: бакалавриат и магистратура. Во-вторых, недостаточная развитость и применение современных подходов и методов к обучению иностранным языкам, которые были бы способны удовлетворить потребность общества в формировании иноязычной коммуникативной компетенции. В-третьих, расхождение в методах, подходах и приемах, применяемых при обучении иностранному языку в школах и в вузах. В школьном иноязычном образовании преследуется цель научить обучающихся изъясняться на иностранном языке в любой ситуации и быть понятым собеседником, что зачастую происходит в ущерб грамматической компетенции. Данная ситуация вызывает ряд трудностей при профессиональном обучении студентов лингвистического направления: студентов приходится переучивать, корректировать знания и представления о том или ином грамматическом явлении изучаемого иностранного языка [Зверховская, Косиченко, 2013, с. 84–85].

Основная часть

Грамматическая компетенция является одной из важнейших составляющих коммуникативной компетенции. Понятие коммуникативной компетенции в документе, определяющем все европейское иноязычное образование, Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment, трактуется как совокупность знаний, навыков и характеристик человека, которые наделяют его способностью оперировать определенными лингвистическими средствами [CEFR, 2001, p.9]. Там же дается подробное описание структуры коммуникативной компетенции, которая состоит из следующих элементов: лингвистической, социолингвистической и прагматической компетенций

[Opt. sit., p. 13]. Однако в трактовке отечественной методике преподавания иностранных языков коммуникативная компетенция имеет более сложную структуру. И.Л. Бим выделяет следующие компоненты: языковой, речевой, социокультурный, компенсаторный и учебный [Бим, 2002]. О.П. Карпова включает в состав коммуникативной компетенции грамматическую, социолингвистическую, дискурсивную (дискурсивную) и стратегическую компетенции [Карпова, 2015, с. 197].

Грамматическая компетенция входит в состав лингвистической или языковой. Существует большое количество пониманий грамматической компетенции. Она может трактоваться в качестве кода языка, проявляющегося в грамматических правилах, словарях, словообразовании и структуре предложений [Там же], как способность индивида коммуникативно целесообразно и ситуативно адекватно пользоваться иноязычными грамматическими знаниями, навыками и умениями в целях адекватной реализации своего речевого поведения на иностранном языке в процессе общения [Мерзляков, 2014, с. 72–73] и как многокомпонентное явление, предполагающее владение определёнными знаниями, навыками и умениями, наличие способности и готовности к выполнению речевой деятельности средствами иностранного языка [Рябцева, 2010, с. 116].

Тем не менее, все трактовки иноязычной грамматической компетенции содержат знания, навыки и умения. Под грамматическими навыками понимается автоматизированное использование грамматических знаний того или иного языка в процессе общения на этом языке [Филатов, 2004, с. 361]. Грамматический навык может реализовываться на рецептивном и продуктивном уровнях в зависимости от условий ситуации общения. Применение грамматических навыков, имеющее свою определённую специфику в зависимости от вида речевой деятельности (аудирование, чтение, говорение, письмо), соотносится с понятием грамматического умения. В зарубежной методике не существует дифференциации между навыками и умениями, используется универсальное понятие «skill». Однако, в отечественной методической школе поддерживается мысль, что навык является необходимым условием и фактором успешного формирования умения. Навыки соотносятся с понятием операции в действии, в то время как умение – это само действие [Колесникова, 2008, с. 161–168].

Формирование грамматических умений и навыков проходит в несколько этапов. С. Ф. Шатилов выделяет ориентировочно-подготовительный, стереотипизирующе-ситуативный и варьирующе-ситуативный этапы [Шатилов, 1986, с. 113–117]. Существует мнение о выделении подготовительного, элементарного, совмещающего этапов, этапа систематического обобщения и этап включения грамматических навыков в речевую деятельность [Direct Education]. Е.А. Маслыко в формировании грамматических навыков выделяет четыре этапа: этапы ознакомления, тренировки, применения и контроля [Маслыко, 2004, с. 29–58]. Таким образом, формирование грамматического навыка проходит в три этапа: ознакомление, тренировка и применение. Четвёртый этап, выделяемый Е.А. Маслыко, помогает судить об уровне сформированности грамматического навыка и определить необходимые последующие действия по его корректировке, совершенствованию и дальнейшей активизации.

Грамматический строй языков всегда отличается друг от друга, что лингвисты объясняют различиями в восприятии мира, причем эти грамматические различия являются более глубинными, нежели лексические. Для успешного овладения грамматическим строем того или иного языка необходимо понимать не только коммуникативную составляющую того или иного грамматического явления, его прагматическую функцию в коммуникации, но и сформировать некое представление когнитивного характера, концептуальную модель грамматического явления. С этой целью в профессиональном вузовском образовании целесообразно применять коммуникативно-когнитивный подход при формировании, развитии и контроле грамматической компетенции студентов языкового профиля.

Коммуникативно-когнитивный подход берет свое начало из синтеза коммуникативного и когнитивного, вобрав в себя все лучшее. В соответствии с коммуникативным подходом к обучению, оно должно строиться с учетом особенностей реальной коммуникации, грамматические явления осваиваются с учетом их непосредственного функционирования в речи [Колесникова, 2008, с. 47]. Такой подход к обучению предполагает прагматизацию грамматической компетенции. Исходя из этого, можно сделать вывод, что коммуникативная составляющая грамматической компетенции студентов-лингвистов должна быть сформирована с учетом социолингвистической и иллокутивной составляющих. Социолингвистическая компетенция связана с осознанием контекстуального соответствия лингвистических форм и умением их использовать в определенном контексте, а иллокутивная – со знанием речевых актов и языковых функций [Bachman, 1990]. Когнитивная составляющая подхода говорит о связи языка и речи. Язык выступает средством выражения мысли. Процесс формирования знаний о языковых явлениях напоминает процесс образования понятий, что роднит лингвистическое и когнитивное развитие человека, делает эти процессы параллельными [Мисхожева, Тлисова, 2017, с. 77]. Когнитивные навыки (ощущение (sensation), воспри-

ятие (perception), внимание (attention), кодирование (encoding), память (memory) принимают непосредственное участие в формировании грамматических языковых структур. При обучении грамматике целесообразно учитывать индивидуальные когнитивные стили обучающихся.

При прохождении педагогической практики в рамках обучения в магистратуре нами была принята попытка реализации коммуникативно-когнитивного подхода при обучении, формировании, развитии и контроле грамматической компетенции студентов профильного направления.

Экспериментальная группа обучающихся – это студенты 2 курса бакалавриата направления «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки» специальности «Иностранный язык и литература (немецкий и английский язык)». Обучение студентов английского языка осуществляется на основе УМК Total English уровня Intermediate (B1–B2) издательства Pearson Longman [Clare, Wilson, 2006] по предмету «Иностранный язык (английский)». Выбор данного учебника для обучения английскому языку студентов профильного направления, может быть, объясним следующими факторами:

Принадлежность к TESOL-индустрии (Teaching English to Speakers of Other Languages – Преподавание английского как иностранного), которая так же включает обучение английскому языку, проведение тестирований, подготовку учителей, а также консультативную работу, проводимую по заказу министерств образования во всем мире [Пургина Е.С., Пургина Е.И., 2015, с. 32–33];

Привлекательный внешний вид (качественная бумага, яркая цветная печать, структурированность, функциональность оформления);

Статус «авторитетных» и «престижных» УМК международного уровня;

Логичная структура;

Разнообразные задания, формы работы, в том числе и творческие;

Многокомпонентность УМК, позволяющая творчески подойти к процессу обучения и реализовывать индивидуализацию обучения

Доступность УМК в библиотечном фонде университета.

Экспериментальное обучение проходило на протяжении 2 месяцев, и прежде чем приступить к применению коммуникативно-когнитивного подхода к формированию и совершенствованию грамматической компетенции английского языка студентов профильного направления, данное учебное пособие было тщательно изучено.

Грамматический материал подается для изучения в контексте и изначально идет его рецептивное восприятие обучающимися в аудировании или чтении. Данный способ подачи можно считать, актуальным, так как осуществляется процесс развития языковой догадки обучающихся, активизируются их способности прогнозирования и компенсаторная составляющая коммуникативной компетенции. Данный подход соотносится с идеей когнитивного становления концептуальной модели грамматического явления в рамках когнитивного направления в методике преподавания иностранных языков. Восприятие грамматического явления английского языка идет на подсознательном уровне, так как нет объяснения того или иного грамматического явления. Затем обучающимся предоставляется возможность самим сформулировать особенности употребления и структуру того или иного грамматического явления английского языка. Таким образом, происходит реализация индуктивного метода познания, который предполагает выведение общего основания из частных явлений. Однако, данный метод познания носит вероятностный характер, что может в результате привести к ложному формулированию грамматического знания [Тягнибедина]. Данный этап предполагает активную когнитивную деятельность студентов, педагог должен направлять студентов, корректировать их умозаключения и подводить к правильным выводам. В отечественной методике сравнительно недавно стала развиваться технология проблемного диалога, автором которой является Мельникова Е.Л. Данная технология может применяться не только в рамках школьного обучения, но и вузовского и соотносится с коммуникативно-когнитивным подходом [Мельникова, 2015].

Затем обучающимся предлагается выполнить ряд тренировочных упражнений. Упражнения в основном носят подстановочный и трансформационный характер, есть упражнения на соотнесение, если следовать терминологии Е.И. Пассова. Данные упражнения являются языковыми и способствуют лишь более точному осознанию и усвоению формы грамматического явления, но они полностью исключают целенаправленную речевую деятельность с использованием того или иного грамматического явления изучаемого языка. Более эффективными упражнениями считаются условно-речевые, которые предполагают взаимодействие между участниками коммуникации, предполагается осуществление речевой деятельности на иностранном языке, но говорящий имеет определенную задачу и часто говорение основано на той или иной опоре или образце. Истинно-речевые упражнения всегда пред-

полагают наличие стратегии, взаимодействия между участниками общения, ситуативность и самостоятельность высказываний. [Пассов, 1991, с. 142–159]. Истинно-речевые упражнения в УМК Total English Intermediate имеют разнообразные формы: дискуссии, диалогическое взаимодействие, монологическое высказывание, опрос и письменное сообщение. Однако, ряд истинно-речевых упражнения можно считать псевдокоммуникативными, так как искусственно создаются мотивы речевой деятельности, требуется представление себя в той или иной роли и ситуации [Галимуллина, Валиуллина, 2015, с. 77–78].

На этапе контроля сформированности грамматической компетенции в учебном пособии используются только языковые упражнения, что способствует проверке лишь степени усвоенности той или иной грамматической формы. В связи с этим в рамках практической деятельности для осуществления контроля сформированности грамматической компетенции нами была применена особая форма, которую мы назвали «Conscious Card». Данная форма имеет пятиблочную структуру: блоки А, В, С, D и Е. В первом блоке, или блоке А, студенты должны определить грамматическое явление на основании монологического или диалогического высказывания. В блоке В студенты отвечают на CCQs, или Concept Check Questions по монологическим или диалогическим высказываниям блока А. Эти вопросы направлены на проверку понимания употребления грамматического явления в ситуации общения. Блок С, имеет чисто теоретическую составляющую и предполагает построение схемы высказывания по трем типам предложений: утвердительному, отрицательному и вопросительному с использованием проверяемого грамматического явления. Вопрос из блока С, во-первых, помогает более четко структурировать то или иное грамматическое явление и вписать его в систему изучаемого языка. Во-вторых, данный вопрос оправдывает свою актуальность профилем подготовки студентов-лингвистов, а именно «Педагогическое образование», так как в дальнейшем усвоенные схемы грамматической структуры могут быть использованы в практической деятельности выпускников данной специальности при обучении школьников иностранному языку. В-третьих, схематическое изображение грамматических явлений разных языков помогает сформировать более глубинное представление об их общности и различиях.

Блок D в «Conscious Card» предполагает использование грамматической структуры в своих собственных высказываниях, либо выполнение трансформационного упражнения. Блок Е содержит истинно-речевое упражнение, в котором имеет место быть данное грамматическое явление английского языка.

Заключение

По выше указанной схеме нами были проверены уровни сформированности следующих грамматических явлений английского языка: Subject and Object Questions (вопросы к подлежащему и дополнению), причем осуществлялась их параллельная проверка для формирования дифференциальных представлений, выражения used to/ would, словообразование существительных и использование приставок, I, II and III Conditionals, проверка сформированности последних так же проходила параллельно. Выбор данных грамматических явления был определен образовательным процессом и образовательной программой в рамках педагогической практики. Данная схема контроля реализует основные понятия когнитивного обучения, так как затрагиваются когнитивные процессы обучающихся и проверяется понимание и сформированность концептуальной модели грамматического явления. Коммуникативная составляющая подхода реализуется в использовании монологических или диалогических элементов при работе с теоретической составляющей грамматического явления английского языка, а так же на последнем этапе контроля, при выполнении истинно-речевых упражнений.

Список литературы

1. Бим И.Л. Личностно–ориентированный подход–основная стратегия обновления школы // Иностранные языки в школе, 2002. № 2. С.11–15.
2. Галимуллина А.Ф., Валиуллина Г.Ф. Коммуникативные приемы обучения английскому языку при формировании грамматических навыков у учащихся // Приоритетные направления развития науки и образования. Чебоксары: Издательство: Общество с ограниченной ответственностью "Центр научного сотрудничества "Интерактив плюс". 2015. № 4(7). С. 77–78.
3. Зверховская Е.В., Косиченко Е.Ф. Формирование грамматической компетенции: в поисках новых подходов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. Москва: Изд-во «Моск. гос. лингв. ун-т», 2013. № 19–2(679). С. 84–92.

4. Карпова О.П. Формирование иноязычной грамматической компетенции // Научная сессия ГУАП. Сборник докладов: в 3х частях. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петерб. гос. ун-т аэрокосм. приборостр.», 2015. С. 197–199.
5. Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков: справочное пособие. Москва: Дрофа, 2008. 431 с.
6. Маслыко Е.А. Настольная книга преподавателя иностранного языка. Справочное пособие. Минск: Изд-во «Высшэйшая школа», 2004. 529 с.
7. Мельникова Е.Л. Государственные стандарты и технология проблемного диалога // Образовательная панорама. Ярославль Изд-во "Институт развития образования". 2015. № 1(3). С. 105–110.
8. Мерзляков С.В. Сущность иноязычной грамматической компетенции // Пермский педагогический журнал. Пермь, 2014. № 5. С. 71–75.
9. Мисхожева Ф.А., Тлисова С.М. Когнитивные схемы и ментальное картирование в обучении иностранному языку для специальных целей // Вестник научных конференций. Тамбов: Изд-во «ООО "Консалтинговая компания Юком"». 2017. № 1–1 (17). С. 76–79.
10. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. Москва: Просвещение. 1991. 223 с.
11. Пургина Е.С., Пургина Е.И. Международные учебники английского языка как средство формирования межкультурной компетенции студентов вузов // Педагогическое образование в России. Екатеринбург: Изд-во «Урал. гос. пед. ун-т». 2015. № 11. С. 31–36.
12. Рябцева О.М. Формирование грамматической составляющей иноязычной коммуникативной компетенции // Известия ЮФУ. Технические науки / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2010. № 10(111). С. 115–118.
13. Тягнибедина О.С. Дедуктивный и индуктивный методы познания. URL: http://www.rusnauka.com/ONG/Philosophia/6_tjagnibedina.%20tezisy.doc.htm (дата обращения 11.11.17).
14. Филатов В.М. Методика обучения иностранным языкам в начальной и основной общеобразовательной школе, Учебное пособие для студентов педагогических колледжей / Под ред. В.М. Филатова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 416 с.
15. Шатилов С.Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». 2-е изд-е, дораб. Москва: Просвещение, 1986. 223 с.
16. Этапы формирования грамматических навыков. Педагогический сайт: Direct Education // URL <http://www.directeducation.ru/powins-321-1.html> (дата обращения: 11.11.2017).
17. Antonia Clare, JJ Wilson Total English Intermediate Student's Book. Harlow Essex: Pearson Longman Education. 2006. 176 p.
18. Bachman L. Fundamental considerations in language testing. Oxford, 1990. 420 p.
19. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 276 p.

Tsarenko N.M.

*Master Student, Linguodidactics Department,
Perm State University*

Shustova S.V.

*Doctor of Philology, Professor, Linguodidactics Department,
Perm State University*

CHECKING OF GRAMMAR COMPETENCE FORMATION OF STUDENTS OF FOREIGN LANGUAGES DEPARTMENT

This article is devoted to the question of formation and checking of grammar competence of students of linguistic department in the ideas of communicative and cognitive approach. The article touches upon the definitions and understandings of communicative competence, grammar competence, stages of grammar competence formation and types of grammar exercises. The analysis of the Students' Book used in teaching of the students of Foreign Languages Department with two professions led to the introduction of the method of checking English grammar competence formation and experimental teaching.

Key words: communicative competence, grammar competence, stages of formation of grammar competence, checking, exercise.

УДК 81

Кондаков Борис Вадимович

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614690, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: +7 (342) 2396 310
E-mail: kondakovb@mail.ru

Красноярова Анна Александровна

преподаватель кафедры русского языка, Нанчанский университет.
330000, Китай, провинция Цзянси, г. Наньчан, ул. Сюефу, 999.
Тел.: +86 13117803138
E-mail: annapropkova1909@gmail.com

КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ И КИТАЙСКИЙ КОНТЕКСТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье исследуется «китайский текст» и соответствующий ему «китайский контекст» русской литературы, описывается история формирования, а также место в национальной культуре. Анализ «китайского текста» позволяет сделать вывод о его существенном влиянии на формирование русской литературы в XX в.

Ключевые слова: китайский текст, контекст, русская литература, синология, XIX век.

Введение

В литературоведении 1990–2000-х гг. стало популярным исследование различных вариантов «тематических текстов» – «петербургского» [Топоров, 1995], «пушкинского» [Гаспаров, 1996], «венецианского» [Меднис, 1999], «пермского» [Абашев, 2000; 2014], «лондонского» [Воробьева, 2008], «дягилевского» [Деменева, 2010] и др. Под «тематическим текстом» нами имеется в виду объединение произведений искусства (в частности, литературы) вокруг определённой «темы», в основе которой находится описание «топоса» (художественного пространства) тех или иных стран или городов (Италии, Венеции, Москвы, Петербурга и т. п.) или личности какого-либо выдающегося деятеля культуры (А.С. Пушкин, С.П. Дягилев), связанные с определёнными *культурными контекстами*. «Тематические тексты», с одной стороны, формируют соответствующие контексты в сознании «воспринимающего» (читателя, зрителя, слушателя), а, с другой, – активно используют для создания необходимого образа ассоциации, существующие в рамках данной культуры.

Понятие «текст» в данном случае используется в значении, которое употреблялось Ю.М. Лотманом [Лотман, 1996] и постструктуралистами [Барт, 1989]: как *часть* целого, обладающая собственной внутренней структурой и связанная с множеством аналогичных «текстов» и иных феноменов культуры («литературных», «культурных», «исторических»), которые многообразно пересекаются друг с другом [Ильин, 1999]. При таком понимании текст оказывается точкой пересечения множества связей, объединяющих в единой ценностно-смысловой системе автора и читателя, литературу и иные формы духовной и материальной культуры.

Основная часть

Среди многочисленных и разнообразных «текстов», созданных русской культурой, особое место занимают произведения, в которых изображается Китай – страна, имевшая своеобразный путь историко-культурного развития и особые отношения с окружающими её государствами. Совокупность таких произведений будет в дальнейшем называться «китайским текстом». В «китайский текст» оказываются включены произведения, описывающие географию и историю страны, её культуру и литературу, философские и этические системы, а также воспроизводящие жизнь китайского народа и образы отдельных персонажей-китайцев («ханьцев»).

Китайский текст объединяется в целое не только изображением (описанием) Китая, его истории, населения и природы, но воспроизведением культурных реалий Китая, цитированием многочисленных текстов китайской культуры, национальных религиозно-философских идей, используемых китайской словесностью сюжетов и образов, использованием некоторых стилевых и сюжетно-композиционных особенностей, характерных для китайских художественных произведений.

Китайский текст существует не только в рамках русской литературы, но и в литературе Западной Европы. Характерным примером развёрнутого китайского текста в европейской литературе может служить цикл романов о Судье Ди, созданный в 1950–1960-е гг. известным учёным, писателем и дипломатом Робертом ван Гуликом, или произведения, созданные китайскими писателями-эмигрантами, написанные на английском (или каком-либо ином «европейском» языке) – Дай Сыцзе, Ли Джейд, Минь Аньци, Си Лиза, Тан Эми, Цю Сяолуном, Чжан Жун, Шань Са и других. Китайский текст русской литературы включает в себя «литературу путешествий» (например, книги Н.Г. Гарина-Михайловского, Н.М. Пржевальского, П.П. Семенова-Тян-Шанского, Д.Г. Янчевецкого, в которых описаны путешествия по Китаю), множество мемуарных произведений (изображения жизни в Китае русских эмигрантов), а также переводы (нередко вольные) произведений китайской культуры на русский язык.

Китайский текст занял в русской культуре XIX–XXI вв. достаточно большое место, и в этом плане он сопоставим с иными «пространственными» текстами – «итальянским», «московским», «петербургским»), что объясняется огромной значимостью жизни страны – близкого соседа России – для понимания собственной истории и культуры. Россия и Китай – два государства, исторический путь и культурные парадигмы которых, с одной стороны, принципиально различались, а, с другой, – при всем своеобразии – имели ряд черт, сопоставление которых помогало понять существенные особенности исторического пути России и русского характера. Китайский текст помогал российским писателям и читателям лучше представить перспективы России и закономерности ее развития, способствовал осмыслению места личности и «голоса» героя в общественной жизни того или иного периода.

Существование и функционирование в рамках той или иной культуры любого такого «текста» возможно только в том случае, если в ней существует соответствующий ему многообразный культурно-исторический *контекст*. В «контекст» в данном случае включается не только историческая и культурная *среда*, но и отраженные в культурной памяти *субъектов* текста – *читателей* – представления о Китае (нередко весьма далёкие от реальности и даже фантастические), его языке, истории, природе и культуре, в том числе выраженные через другие созданные ранее *тексты*, посвященные этой стране (в частности, исследования российских сиологов). Этот контекст в статье предлагается называть «*китайским контекстом*». Контекст во многом определяет соответствующий ему тематический «текст», и эти отличия нередко определяют его специфику.

Так, например, следует отметить, что китайский текст русской литературы организован иначе, чем, например, развитый в русской литературе XIX в. «итальянский» текст. Италия была страной, которую хорошо знали и часто посещали не только российские писатели, художники, музыканты, но и значительная часть дворянства и определенная часть разночинной интеллигенции. Итальянское искусство, жизнь итальянского народа были достаточно хорошо известны и близки российскому читателю, а итальянская культура в целом, сохраняя, естественно, статус «чужой», в конечном итоге оказывалась все-таки «*своей-чужой*» культурой.

Китай, который – в отличие от Италии – долгое время оставался для русских людей «не освоенной» в культурном плане страной (с «*своей-чужой*» культурой) и поэтому интерпретировался как экзотичная, «загадочная» для читателя страна, в связи с чем для китайского текста русской литературы особенно важными оказывались проблемы *восприятия* и *интерпретации*. Исторические события, происходившие в Китае на протяжении конца XIX и XX века, а также сложная эволюция отношений между Китаем и Россией в рассматриваемый период способствовали расширению интереса российских (или «советских») читателей к культуре этой страны.

«Итальянский контекст» русской литературы в значительной мере был представлен в *личном опыте* российских читателей и писателей; *китайский* контекст в XIX в. был дан преимущественно через другие *тексты*. Важнейшей частью *китайского контекста* русской культуры являлись размышления о закономерностях и парадоксах развития России (в сравнении с Китаем), особенно (в период с конца XIX в. и вплоть до начала XXI в.), – в сопоставлении с историей Китая.

К сожалению, до сих пор существует не так много исследований, в которых бы история Китая и России анализировались не только с целью анализа их политического и экономического взаимодей-

ствия, но и взаимодействия культур и национального самосознания, что, с нашей точки зрения, способствовало бы пониманию многих закономерностей развития русской литературы и культуры. Отсутствуют и специальные литературоведческие работы, в которых бы исследовался «китайский текст», «образ Китая» или «образы китайцев», а также место этих явлений в русской художественной культуре XIX–XX вв.

Формирование китайского контекста предвещало процесс становления китайского текста. Процесс возникновения китайского контекста русской литературе имел свою довольно продолжительную историю. Целенаправленный интерес к Китаю и к китайской культуре (то есть формирование *китайского контекста*, ставшего основой для дальнейшего формирования *китайского текста*) стал проявляться в России в XVIII в. В этом плане Россия включалась в общеевропейскую тенденцию, связанную с ростом интереса к великому восточному государству: в ней, например, стала развиваться европейская «придворная» традиция обращения к «китайскому стилю» *шинуазри*¹, который повлиял на архитектуру, живопись, оформление интерьеров и женскую моду. Стиль *шинуазри* предполагал использование художественных отдельных приёмов китайского искусства, а также специфической китайской символики (изображений птицы феникс, элементов китайского орнамента, обозначавшего благодатный дождь, облаков, волн, молнии и т. п.). Использование стиля *шинуазри* стало не просто очередной модой, – он был признаком утончённого вкуса и свидетельством материального достатка хозяев. Его возникновение в рамках русской культуры по сути стало первым этапом создания китайского контекста. Однако в большинстве случаев обращение к китайской культуре оставалось поверхностным, касающимся только отдельных внешних деталей и стилистических приёмов; при этом *сущность* китайских традиций и стоящая за ней философско-этическая система, жизнь китайского народа долгое время оставались вне сферы внимания российского общества и не сопровождались углублённой «просветительской» и «интеллектуальной» любовью к Китаю.

Значительную часть информации о стране российские читатели получали из переводов произведений китайской литературы. В XVIII в. российский читатель получил возможность читать китайские произведения в переводах с языков-посредников (французского, английского, маньчжурского). Так, например, именно с французского языка писателем и дипломатом Д.И. Фонвизиным в 1779 г. был выполнен перевод важнейшего для китайской культуры трактата «Да сюэ» («Великое учение»)².

В XVIII–первой половине XIX вв. Китай был практически полностью закрыт для иностранцев и не поддерживал каких-либо дипломатических отношений, как с европейскими странами, так и с Россией, однако не препятствовал пребыванию на своей территории представителей духовенства. В 1715 г. в Пекин была направлена Российская Духовная миссия, целью которой было, с одной стороны, «духовное окормление» потомков дальневосточных албазинских казаков, проживавших в Пекине и служивших китайскому императору, а с другой, – выполнение неофициальных дипломатических и некоторых исследовательских задач (изучение китайского языка, культурной и национальной специфики китайского народа, налаживание дипломатических контактов с правительством). Деятельность представителей Российской Духовной миссии в Пекине заложила основы отечественной синологии и способствовала быстрому развитию отечественной школы перевода [Головин, 2013, с. 4]. Публикации о Китае и переводы китайских классических текстов, следовавшие на протяжении XVIII в., сформировали в сознании русской публики интерес к стране и способствовали возникновению определённого первичного «фона», культурного контекста. Существенное продвижение в этом направлении произошло в XIX в.

Основным объектом переводов на протяжении первой половины XIX в. для российских сиологов становились *исторические* сочинения, которые, с одной стороны, давали русским читателям представление об истории соседней страны, а, с другой, – вызвали в их сознании параллели с отечественным прошлым (интерес к которому на протяжении XVIII–XIX вв. постоянно возрастал). Реже появлялись тексты, в которых описывались повседневные обычаи и нравы китайцев. В 1832 г. в альманахе «Северные цветы», издававшимся А.С. Пушкиным, был опубликован анонимный перевод фрагмента из китайского романа XVII в. «Хао цю чжуань» («Счастливым браком»), в котором повествовалось о судьбе двух молодых людей: учёного юноши Те Чжунюе и дочери сановника Шуй Бинсинь³.

¹ Название *шинуазри* (шинуазери) происходит от французского слова *chinoiserie*.

² См.: Фонвизин Д.И. (пер.). Та-гио, или Великая наука, Примечание на Та-гио // Академические известия. 1779. Май. Ч. II. С. 59–101.

³ Бичурин Н.Я. Отрывок из китайского романа «Хау-Цю-Джуань, т. е. Беспримерный брак» // Северные цветы на 1832 год / изд. подгот. Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1980. С. 34–52.

Журналы (например, «Вестник Европы») систематически размещали на своих страницах описания путешествий по странам Востока, переводы восточной поэзии и прозы. Особым интересом пользовались у русских читателей путевые заметки, в частности, о странах Востока, изобилующие экзотикой, яркими и оригинальными образами и сюжетами. Такие издания формировали в сознании российских читателей систему представлений о Китае, который предстал как страна со своим оригинальным историческим путём, а испытываемые китайскими людьми проблемы, их переживания, чувства представляли похожими на аналогичные переживания и чувства многих русских людей.

Вычленение в русской литературе из общей «темы Востока» особой «китайской темы» произошло в 1830-е гг. (причиной этого в немалой степени стало формирование и развитие в сознании общества «китайского контекста»). Среди первых произведений, которые можно включить в состав «китайского текста» русской литературы, можно, например, назвать роман-утопию В.Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма» (1835 г.)¹ и ироничные «китайские произведения» О.И. Сенковского².

Итоговым произведением русской литературы первой половины XIX в., в котором появился развёрнутый образ Китая, стал «географический роман» И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», написанный в 1855–1855 гг. и опубликованный отдельным изданием в 1858 г. Писатель описал китайский национальный характер, отметив трудолюбие, смиренность, доброжелательность и усердие китайских людей, отсутствие у них фанатизма, учтивость и честность, их сыновнюю почтительность. Сравнивая китайцев и англичан (не в пользу последних), автор отметил: «Не знаю, кто из них кого мог бы цивилизовать – не китайцы ли англичан?» [Гончаров, 1986, с. 236]. В романе впервые выявилась важнейшая особенность «китайского текста» русской литературы, которая и способствовала его быстрому превращению в «контекст»: для отечественных писателей и читателей «Китай» оказывался интересен не сам по себе, не как экзотическое (незнакомое русскому читателю) *место действия*, а как особый мир, который, с одной стороны, постоянно противопоставляется России, а с другой, – во многом похож на нее. Это *иной*, не реализованный Россией путь развития страны (цивилизации, культуры), исследование которого могло многому научить Россию и русских людей, предостеречь её от каких-либо потенциальных (возможных в ближайшем или отдаленном будущем) опасностей. Ю.М. Лотман отмечал: «Фрегат “Паллада”» Гончарова, по сути дела, концентрирует внимание не на том культурном пространстве, которое пересекает путешественник, а на восприятии путешественником этого пространства<...>. Гончаров <...> декларирует, что интерес к разнообразию культур, открытость «чужому» есть реальная специфика русского сознания» [Лотман, 2002, с. 747]. Китайская культура стала в данном случае примером «чужого», необходимого для понимания «своего», то есть частью *контекста* русской культуры.

Качественно новый этап формирования «китайского контекста» русской литературы связан с русской литературой второй половины XIX в. В этот период огромную роль в его развитии сыграли работы русских китаеведов о Палладия [Кафарова], И.А. Гашкевича, А.А. Татаринова, М.Д. Храповицкого, В.П. Васильева, которые в 1850–1880-е гг. опубликовали множество научных трудов по истории и культуре Китая, Маньчжурии, Тибета, Монголии, а также переводы китайских классических философских текстов (в том числе книги Лаоцзы, Конфуция, Менцзы) и произведений китайской литературы и фольклора. Их исследования были предназначены не только для узкого круга специалистов-востоковедов, но и для широкого круга российских читателей. Статьи российских востоковедов, в которых описывались история и современное состояние Китая, его религиозно-философская система, природа и культура региона, быт и обычаи китайцев и проживающих рядом с ними народов нередко обладали яркой художественно-публицистической формой и печатались в изданиях, имевших широкий круг читателей, – таких, как журналы «Современник» и «Издание Русского Географического Общества», газеты «Северная пчела», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Голос» и др. Таким образом, информация о Китае и китайской культуре входила в сознание российской читающей публики и создавала определенный «китайский контекст», который, в свою очередь, широко использовался и российскими писателями и критиками, – например, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, Н.Г. Чернышевским.

¹ В романе представлены письма «китайского студента» Ипполита Цунгиева, в которых Россия и Китай представлены как два основных центра будущего мира. См.: Одоевский В.Ф. 4338-й год. Петербургские письма. М., 1926. (Б-ка «Огонек». № 169).

² См., например: Сенковский О.И. Фаньсу, или Плутовка горничная: Китайская комедия знаменитого Джин-Дыхуэя // Библиотека для чтения. 1839. Т. 35. Отд. II: Иностранная словесность. С. 53–140.

Большое значение для формирования китайского контекста сыграла деятельность Л.Н. Толстого. Китай привлекал его своими духовными ценностями, высокими нравственными принципами, глубинной философской мысли и обращением к духовной сущности человека. В 1880-е гг. – период сложнейших духовных исканий – Л. Толстой изучал труды древних китайских мыслителей – прежде всего, Лаоцзы, Конфуция и Мэнцзы. В 1884 г. писатель, используя европейские переводы, создал работу «Изложение китайского учения», в которой кратко описал суть трактата «Да сюэ» («大学» – «Великое учение»); в том же году он начал работу над трактатом «Китайская мудрость. Книги Конфуца». Л. Толстой полагал, что труды китайских мыслителей представляют для русского человека своеобразный духовный «путеводитель», гармонично сочетающий понимание «своего» и «чужого», рождающий в процессе прочтения важнейшие духовные ценности и показывающие людям истинный путь, тем самым воздействуя на ход исторического развития.

Заключение

Возникновение в русской культуре XVIII–XIX вв. «китайского контекста» и связанного с ним «китайского текста» способствовало росту интереса к Китаю и китайской культуре, развитию у российских читателей представления об истории, природе, быте, традициях, религии и философии Китая. Всё это, в свою очередь, создало основу для формирования сложного и многозначного «китайского текста», который активно развивался на протяжении всего XX в.

Список литературы

1. Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с. 2-е изд. Пермь, 2014. 480 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр., сост., общ. ред. и вступит. ст. Г.К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. 615 с.
3. Воробьева Л.В. Лондонский текст в творчестве Е.И. Замятина как смоделированное пространство // Вестник Томского государственного университета, № 308, март. Томск, ТГУ, 2008. С. 15–18.
4. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 351 с.
5. Головин С.А. Российская духовная миссия в Китае: Исторический очерк. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013.
6. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2 т. / Подгот. изд. Т.И. Орнатская. Л., 1986. 880 с. (Литературные памятники).
7. Деменева А.А. Образ С.П. Дягилева в мемуарах XX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5. С. 156–164.
8. Ильин И.П. Постструктурализм // Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник. Москва: Интрада-ИНИОН, 1999. С. 97–105.
9. Лотман Ю.М. История и типология культуры. Санкт-Петербург: Искусство, 2002. 768 с.
10. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста Санкт-Петербург: Искусство–СПб., 1996. 846 с.
11. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск: Изд-во «Новосиб. ун-т», 1999. 392 с.
12. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. Москва: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.

Kondakov B.V.

*Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature,
Perm State University*

Krasnoyarova A.A.

*Senior Lecture of the Department of Russian Language,
Nanchang University, China*

CHINESE TEXT AND CHINESE CONTEXT IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH CENTURY

The article examines Chinese text and Chinese context in the Russian literature. The article describes some ways of its formation. The authors explore the role of Chinese text in the Russian culture and argue that it affected the process of shaping the Russian literature.

Key words: Chinese text, context, Russian literature, sinology, 19th century.

УДК 82'02

Махбубзадех Сара

Магистрант, Тегеранский университет, Иран.

Иран, г. Тегеран, пр. Энгелаб.

Тел.: +98-21-61119120

E-mail: mahboobzadeh.s@ut.ac.ir

Яхьяпур¹ Марзие

Кандидат филологических наук, профессор

кафедры русского языка и литературы,

Тегеранский университет, Иран.

Иран, г. Тегеран, пр. Энгелаб.

Тел.: +98-21-61119120

E-mail: myahya@ut.ac.ir

ЛИТЕРАТУРА ПЕРСИДСКОГО И РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И ЕЕ ИСТОРИЯ

Эмиграция как историческое явление с самого начала была связана с человеком и оказала влияние на разные аспекты его жизни. На литературу тоже оказала влияние эмиграция и возникло течение под названием "Литература зарубежья". Такая форма, развивавшаяся наравне с литературой внутри страны, с точки зрения тем как отражения чувств, ностальгии, возвращения к прошлому и критического взгляда и протеста против ситуации в стране отличается от отечественной литературы.

Ключевые слова: литература зарубежья, эмиграция, отечественная литература.

Введение

Персидские и русские писатели, которые покинули родину по разным причинам, продолжали свою литературную деятельность за пределами страны. Они создали собственную литературу под названием «литература зарубежья», которая развивалась наравне с отечественной литературой. Литература зарубежья имеет важное значение для литературоведения. В отличие от отечественной литературы литература эмиграции существовала в условиях свободы творчества, свободы слова, отсутствия «внутреннего цензора». Личная трагедия, пережитая каждым из покинувших родину, не могла не сказаться на мироощущении писателей, а, следовательно, неизбежно наложила отпечаток на характер художественного творчества [Кафедра русской литературы, 2007, с. 31]. Пейман Вахабзаде, писатель, живущий в Америке, в интервью с Шахрохом Тондро Салех в газете Шарг говорит: «Литература зарубежья – это литература, которая эмигрирует в буквальном смысле слова, ... с точки зрения темы, стиля ... она находится вне границ стилистических и литературных норм родной литературы ... упраздняет и критикует такие нормы» [Тондро-Салех, 2006, с. 19].

Основная часть

«Эмиграция: вынужденное или добровольное переселение в другую страну по политическим, экономическим или иным причинам. Пребывание в другой стране после такого переселения» [Ожегов, 2010, с. 729]. «Эмигрант – человек, живущий вдали от родины, но не потерявший с ней внутренней связи. Это трагическая личность. Эмигрант – не отверженный, не отщепенец, не предатель родины. Он блудный сын отечества. Как изотоп, эмигрант выявляет в культурном процессе наиболее значимые моменты» [<http://www.independent-academy.net>].

Писатель-эмигрант находит себя в новых условиях. «Он обращается к самому себе, анализирует прошлое, рассматривает причины неудачи и провалов» [Абеди, 2011]. Новая обстановка обуславливает новые вопросы.

Первая проблема – идентичность. Шиде Ахмадзаде в разных публикациях о литературных и художественных критиках, об идентичности писателя под влиянием культуры говорит: «Кажется, что

¹ Работа выполнена в рамках проекта № 4605006/6/23. Ответственный автор: Марзие Яхьяпур.

идентичность эмигранта проявляется как субкультура, которая вырастает на обочине двух основных культур... В эмиграции мы сталкиваемся с третьим пространством, созданным на границе двух культур» [Ахмадзаде, 2012, с. 7]. "Эмигранты живут по одной из трех моделей: «1) ностальгической, сохраняющей традицию покинутой родины, 2) космополитической, вбирающей в себя особенности цивилизации XX века и уходящей в будущее, 3) адаптируясь в новую действительность новой родины» [Борев, 2000, с. 166].

Вторая проблема – маятниковое состояние. Этот вопрос относится к началу пребывания писателя в эмиграции, он не может найти свое место в новой обстановке. Он считает себя «пассажиром», жизнь носит временный характер. ... «Все это ненадолго. Скоро вернемся». Но жизнь показывала обратное и медленным, тяжелым ходом своим говорила: «Нет, не скоро...» [<http://philolog.petsu.ru>].

Третья проблема – язык. Выбор языка, на котором писатель-эмигрант продолжает свой творческий путь очень важен. Если писатель пишет на родном языке, то он может потерять своих потенциальных читателей. А если писатель решает привлечь внимание международного сообщества, то возникает два вопроса: 1) он должен владеть иностранным языком, 2) через этот язык он должен найти способ для общения с людьми, представителями других культур.

В истории Ирана, как и других стран мира, происходило много событий, которые сами по себе оказали влияние на все сферы жизни народа и страны. Мы выбрали три волны перед исламской революцией. Эмиграция вообще была распространена в периоде Сефевидов, потому что, с одной стороны, обстановка для процветания искусства отсутствовала, и, с другой стороны, Индия тепло принимала иранских художников.

Причины возникновения литературы зарубежья в этот период можно объяснить так: религиозные предрассудки, нежелание вкладывать средства в искусство и литературу, отсутствие поддержки художников, писателей и поэтов. Иранские художники в Индии были многочисленны, потому что по приказу Акбара шаха персидский стал официальным языком и кроме этого, «Другим важным фактором эмиграции ученых и поэтов из Ирана в Индию было присутствие министров и иранских командиров во дворе империи Моголов и это очень помогало иранцам получить высокий пост. Самые известные иранские командиры были: Наваб Бейрам Хан, Мирза Хасаноллах и Хадж Мохаммад Годси» [Шахаби, 1937, с. 80.]. Первый иранский поэт Ахмад Газали Туси Мешхеда и вслед за ним Шейх Абу-ль-Фейз стали придворными поэтами во дворе Джалалуддина Мухаммада Акбара¹ и создавали известный индийский стиль и как ветвь персидской литературы того времени. В числе известных поэтов-эмигрантов были: Орфи Ширази, Назир Нейшабури, Малек Гоми и Баба Талей Исфагани.

Другим из наиболее важных литературных периодов был период Конституционный и ранний Пехлеви. В это время появляется новый тип литературы – роман и короткий рассказ. По словам Хасана Мир-Абедина «появление иранского романа – духовный плод Конституционных мышлений. Под влиянием социальных и культурных мотивов и изменения старых типов образуется новый тип литературы. Создание персидского романа в этот период отражает масштабные изменения в отношениях иранца с миром и его положение в обществе» [Мир-Абедина, 2001, с. 21]. "Первые иранцы, которые впервые написали роман и пьесу были эмигрантами (Мирза Фатх-Али Ахундзаде, Абдол Рахим Талев, Зейн-оль-Абедин Марагеи) или политическими изгнанниками (Мирза Хабиб Исфакани, Мирза Ага Хан Кермани). Из числа известных писателей того времени можно указать на имя Мирзы Фатх-Али Ахундзаде – первого азербайджанского писателя иранского происхождения, который оказал большое влияние на писателей Мирза Агахан Кермани и Талебова. Другой популярный жанр литературы того времени был путевой очерк. "Дневник путешествия Ибрахимбека" написан Зейн-оль-Абедином Мерагеи и стал известным, потому что автор изображал жизнь иранского народа и критиковал обстановку в стране того времени.

Другая волна эмиграции наблюдается при правлении Резы-шаха. В период правления Пехлеви многие писатели опубликовали свои произведения через студенческие организации за рубежом. В начале была создана политическая, а потом социальная литература зарубежья, которая показывала ностальгическое отношение к прошлому» [Тондро, 2000, с. 11].

В истории России выделяются три волны. Большинство исследователей отнесены к первой волне эмиграции октября 1917 г., хотя некоторые из них отмечают, что эмиграция из России началась еще задолго до 1917 г. "Перед Октябрьской революцией было другое значительное событие в истории

¹ Третий король Империи Великих Моголов.

России – Февральская революция, которая была буржуазно-демократической ... [Квакин, 1991, с. 176.] ... для советских историков, "история с 1917 г. по 1991 г. была историей другого государства – государства под названием СССР на территории России" [Пронин, 2009, с. 16.].

Первая волна эмиграции – после Октябрьской революции: этот период известен как время политической цензуры. Основной причиной эмиграции были неприятие революции и гражданская война и условия жизни в те годы. Среди эмигрантов были такие известные имена как И.А. Бунин, А.И. Курпин, И. Северянин и многие другие.

В 1920–1924 гг. Берлин после Парижа стал вторым центром пребывания известных людей (Андрея Белого, Бориса Зайцева и Нины Берберовой). Особенностью литературной жизни Берлина было широкое общение советских писателей, эмигрировавших из России. «Здесь был образован, подобно петроградскому «Дому искусства», – «Дом литераторов», где читали свои произведения Маяковский, Есенин, Эренбург, Пастернак, Ходасевич, Ремизов, Шкловский и многие другие» [Даниелян, 2005, с. 4.]. В конце 1920-х гг. литература и произведения писателей-эмигрантов получили форму романа. Главные темы – Россия и мемуары, а также русская культура (Гиппиус "Живые лица", Бунин "О Чехове").

Вторая волна эмиграции – после Второй мировой войны. «Своеобразие этой эмиграции проявилось в ее политизированной, идеологической окраске, связанной с судьбами многих тысяч людей, оказавшихся на оккупированных территориях, в фашистском плену, на положении перемещенных лиц» [Ионцев и др., 2001, с. 253]. Она происходила вследствие сталинского террора и Второй мировой войны, в результате которых более сотен тысяч не вернулись на родину. Среди них были и художники, литературоведы, часть которых были рассеяны в Европе и Германии. Представители этой волны вынуждены были покинуть свою родину. Из числа авторов-эмигрантов Дмитрий Кленовский, Леонид Ржевский (Суражевский), Сергей Максимов, Николай Нароков и поэт Иван Елагин были более известны.

Третья волна – после хрущевской «оттепели» в периоды 1970–1990 гг. Этот процесс продолжался до 90-х гг. Основные причины – политические реформы Горбачева, распад СССР а также глубокий контраст интеллигенции и государства. «Многие писатели либо насильно были высланы и лишены гражданства, либо вынуждены были уехать по личным, творческим, политическим мотивам» [Скарлыгина, 2009]. Другие писатели предпочитали эмигрировать для получения возможности опубликовать свои произведения (С. Соколов, З. Зиник) и др.

Отличительная черта третьей волны заключается в том, что всегда вспоминаются имена двух писателей – лауреаты Нобелевской премии – Иосиф Бродский и Александр Солженицын, в первой волне только Бунин был Нобелевским лауреатом. «Русским писателям новой эмиграции было о чем рассказать зарубежному читателю хотя бы уже потому, что они являлись полномочными представителями советской цивилизации, носителями советского опыта жизни, незнакомого первым двум "волнам"... именно в 70–е, начале 80–х гг. наступило острое ощущение завершенности русского эмигрантского литературного цикла» [Николютин, 1993, с. 183].

Заключение

Литература зарубежья – сильная ветвь отечественной литературы, которая росла за границами страны. Такие характеристики как отражение чувств (одиночество, смерть, любовь) и жизни эмигрантов, ностальгия, возвращение к прошлому, критический взгляд и протест против господствующей ситуации отличают ее от родной литературы.

Список литературы

1. Насрудудинова Л.Х. Литература русского зарубежья. Учебно-методическое пособие. Казань: Изд-во «Казан. гос. ун-т», 2007. 72 с.
2. Тондро-Салех Шахрох. Литература зарубежья, беседа с Пейманом Вахабаде. Тегеран: Газета Шарг. 2006. 19 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Москва: ООО изд. Оникс, ООО изд. Мир. 2010. 735 с.
4. http://www.independent-academy.net/science/library/borev_emigracija.html. (дата обращения: 14.05.2016).
5. Абеди Пейман. Колокола изгнания. Тегеран: 2011. URL: <https://radiokoocheh.com/article/134755> (дата обращения: 23.08.2015).
6. Ахмадзадех Шиде. Эмиграция в литературе и искусстве. Тегеран: Сохан. 2010, 169 с.
7. Боров. М. Эмигрантология. Феномен Юрия Дружникова. Варшава, Москва, 2000. 166 с.
8. <http://philolog.petsru.ru/zaitsev/texts/arts/izgnan72/htm/izgnan72.htm> (дата обращения: 25.09.2015).
9. Шахаби Али-Асгар. Литературные отношения Ирана и Индии. Тегеран: Хекмат, 1937. 80 с.
10. Мир-Абедини Хассан. Сто лет написания рассказа в 2-х томах. 2-ое издание. Тегеран: Чешме, 2001. 757 с.
11. Тондро Салех Шахрох. От одной чужбины в другую чужбину. Тегеран: Мармар, 2000. 136 с.

12. Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа. Саратов: Изд-во «Сарат. гос. ун-т», 1991. 176 с.
13. Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980-2005 г. Екатеринбург: Изд-во «Рос. гос. проф-пед. ун-т». 2009. 361 с.
14. Даниелян Э.С. Литература русского зарубежья (1920-1940). Ереван: Лингва, 2005. 200 с.
15. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В. Эмиграция и репатриация в России: Попечительство о нуждах Российских репатриантов. Москва, 2001. 490 с.
16. Скарлыгина Е.Ю. Солженицын и третья русская эмиграция: (К вопросу об одной монографии). Москва: Вопросы литературы, 2009. С. 381–405.
17. Николытин А.Н. и др. Русское литературное зарубежье. Сб. обзоров и материалов, Вып. 2. РАН. Москва: 1993. 238 с.

Mahbobzadh S.

Master Student, University of Tehran, Iran

Yahyaour M.

Professor of Russian Language and Literature,
University of Tehran, Iran

PERSIAN AND RUSSIAN MIGRANT LITERATURE AND IT'S HISTORY

As a historical phenomenon, migration has always been with human beings since the beginning of time, having influence on various aspects of human lives. Literature, too, was not left uninfluenced by migration, hence the emergence of a new form of literature called “migrant literature”. This type of literature, which has developed alongside other literature inside the country, is distinct from the domestic literature in terms of reflection of feelings, nostalgia, retrospection, having a critical eye, and protesting against the present situation in the society.

Ключевые слова: литература зарубежья, эмиграция, отечественная литература.

УДК 821(1–87)

Пейсахович Анна Дмитриевна

Магистрант, факультет современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 239-63-30
E-mail: elvenwo@yandex.ru

Графова Ольга Игоревна

Старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел.: 8 (342) 239-62-83
E-mail: grafova.olly@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ИДИОСТИЛИЯ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА Т. ХЬЮЗА «ЯСТРЕБ ПОД ДОЖДЕМ»)

В данной статье рассматривается возможность применения исследования идиостилия поэта в качестве предпереводческого анализа. Мы изучаем идиостилю Т. Хьюза в рамках коммуникативной стилистики и приводим примеры переводческих решений, принятых на основе данного анализа.

Ключевые слова: идиостилю, предпереводческий анализ, поэтический перевод, коммуникативная стилистика, Тед Хьюз.

Введение

Перевод поэзии всегда являлся сложной задачей для практиков и теоретиков перевода. Исследователи поднимали вопрос о самой возможности создания адекватного перевода художественного произведения. Например, Р.О. Якобсон отмечал, что «поэзия по определению является непереводимой. Возможна только творческая транспозиция либо внутриязыковая – из одной поэтической формы в другую, либо межъязыковая – с одного языка на другой, и, наконец, межсемиотическая транспозиция – из одной системы знаков в другую, например, из вербального искусства – в музыку, танец, кино, живопись» [Якобсон, 1978, с. 24]. С другой стороны, перевод уже стал неотъемлемой частью культурного обмена между странами, поэтому ученые все чаще обращаются к методам и критериям перевода, исключая возможность «непереводимости» в силу общности мыслительных процессов, лежащих в основе текстопорождения.

Следовательно, возникает необходимость поиска методов предпереводческого анализа и критериев самого перевода, которые позволят начинающему переводчику передать содержательные и выразительные особенности оригинала. Мы считаем, что исследование идиостиля в качестве предпереводческого анализа – это один из потенциальных способов решения данной проблемы.

В статье мы рассмотрим взаимосвязь идиостиля и перевода, а также возможность применения исследования идиостиля как предпереводческого анализа на материале ранней поэзии Т. Хьюза. Мы обратимся к методам коммуникативной стилистики для анализа идиостиля, лингвистическим, литературоведческим, а также общенаучным методам.

Основная часть

Несмотря на большое количество различных взглядов на лингвистические аспекты перевода и методы его осуществления, многие авторы единодушны в восприятии переводчика как посредника между автором и читателем. Э. Пим заметил, что среди всех символов, используемых для обозначения переводчика, «наибольшей теоретической значимостью обладает фигура "никто"»¹ [Pym, 1992, p. 51]. То есть идеальный переводчик – это человек-невидимка, хамелеон, способный переосмыслить и подстроиться под язык автора оригинала. Однако каждый человек обладает индивидуальными особенностями текстопорождения. Согласно О. Каде, «при коммуникации (и, естественно, при двуязычной коммуникации, включающей перевод) действуют субъективные факторы, связанные с индивидуальными чертами коммуникантов, а именно: отправителя, получателя и переводчика» [Каде, 1978, с. 75]. Отсюда возникает вопрос: как соотносятся индивидуальности автора и переводчика? Многие исследователи выходили на данную проблему и указывали на необходимость передачи жанрового своеобразия, стиля и авторского языка. Например, по мнению Якова Иосифовича Рецкера, целостный или полноценный перевод должен оперировать равноценными с оригиналом средствами, «в отличие от пересказа перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем» [Рецкер, 1974, с. 7].

Н.С. Гумилев достаточно резко высказывался о репрезентации личности переводчика в тексте. По его мнению, с одной стороны, переводчику самому необходимо быть поэтом, а с другой стороны, он должен оказаться «внимательным исследователем и проникновенным критиком, который, выбирая наиболее характерное для каждого автора, позволяет себе, в случае необходимости, жертвовать остальным. И он должен забыть свою личность, думая только о личности автора» [Гумилев, 2014, с. 646]. Таким образом, Н.С. Гумилев был сторонником максимально точного воспроизведения индивидуального авторского стиля в переводе.

К.И. Чуковский считал, что в художественном переводе необходимо не только воспроизвести идеи и образы автора произведения, «но и его литературную манеру, его творческую личность, его стиль» [Чуковский, 2011, с. 21]. Однако переводчик должен не раствориться в подлиннике, не самоустраниться, а наиболее глубоко понять оригинал, отыскать не формальные, а функциональные соответствия использованным приемам. Ему нужен не только талант, но и «особая гибкость, пластичность, *общежитность* ума» [Чуковский, 2011, с. 52]. Переводчику, как и писателю, необходимы жизненный опыт, пристальное наблюдение за окружающими людьми, их поступками и переживаниями, умение провести психологический анализ, но главное, переводчик должен уметь ограничивать свое «я», слиться с волей автора.

¹ «...the figure of —nobody is of particular theoretical profundity» [Pym 1992: 51].

Как начинающий переводчик может добиться этого «слияния»? Мы считаем, что одним из практических решений данной проблемы является комплексное исследование идиостиля автора в качестве предпереводческого анализа.

Выбор данного подхода продиктован историческим развитием поэзии и самим характером поэтических произведений, созданных во второй половине XX – начале XXI вв. В большинстве теоретических работ по поэтическому переводу в качестве материала для исследования используются произведения, созданные до середины XX века. Во второй половине XX века в англоязычной поэзии все большую популярность приобрели верлибры или свободные стихи. Верлибр предоставляет каждому поэту свободу создать свою собственную неповторимую форму выражения, выходящую за рамки традиционного понимания метра и размера. Таким образом, переводчик сталкивается с рядом проблем, характерных для конкретного автора: «в рамках универсального увлечения свободным стихом осуществляется активный поиск новых ритмов – живых, индивидуальных, гибко согласующихся с развитием мысли и эмоции» [Венедиктова, 1988, с. 17].

Также характерной чертой современной поэзии является особое отношение к слову и языку: «поэты создают такой контекст, в котором слово оказывается выразительнее и содержательнее, чем в практическом языке, при этом они исследуют свойства языка, испытывают возможности словоупотребления, произношения, грамматической организации высказывания» [Зубова, 2010, с. 342]. Из вышесказанного следует, что анализ (в том числе предпереводческий) современной поэзии неразрывно связан с таким понятием как индивидуальный стиль, отражающим совокупность особенностей текстопорождения конкретного автора.

Сегодня один из перспективных методов изучения индивидуального стиля предложен коммуникативной стилистикой текста, которая комплексно изучает речетекстовое произведение как «форму коммуникации и явление идиостиля» [Болотнова, 2009, с. 55].

Согласно исследованиям Н.С. Болотновой и А.В. Болотнова, в общей модели идиостиля можно выделить три основных стиля, которые актуализируют три базовые категории понятия: форму, содержание и функции, которые могут быть предметом изучения и описания.

1. Культурно-речевой стиль языковой личности. Зависит от «принадлежности личности к определенному типу речевой культуры» [Болотнова, 2012, с. 189] и связан с формой репрезентации индивидуального стиля. Опираясь терминами Ю. Н. Караулова, данный стиль проявляется на уровне лексикона, семантикона, грамматикона, а также выражается через стилистические приемы, характерные для данного автора.

2. Коммуникативный стиль. Зависит от «доминирующих в речевом поведении человека коммуникативных тактик и стратегий» [Болотнова, 2012, с. 189], следования определенным коммуникативным нормам, предпочтений в выборе речевых жанров, ориентации на адресата. В коммуникативном стиле реализуется полифункциональность идиостиля языковой личности в тексте.

3. Когнитивный стиль. Отражает тип мышления человека и содержательный план идиостиля, который проявляется в тексте в виде картины мира, чувств, эмоций, интеллекта, оценок, целей и мотивов языковой личности автора текста.

Мы считаем, что комплексный анализ трех составляющих идиостиля позволяет переводчику, в особенности начинающему провести всестороннюю подготовку к осуществлению перевода, осмыслить содержание и форму оригинала, что обеспечит улучшение качества перевода. Рассмотрим результаты анализа идиостиля ранней поэзии Т. Хьюза (сборник «Ястреб под дождем»), английского поэта-лауреата.

К особенностям культурно-речевого стиля Т. Хьюза относятся: авторское словообразование, разнообразие конструкций предложений, форма верлибра, анжамбеман, такие стилистические приемы как аллитерация, различные виды рекурренции, сравнение, метафора. Определить коммуникативный стиль поэтического текста довольно сложно. В каждом произведении заключена своя история, свой сюжет, реализованные через образы. Поэзия воплощает переживания, убеждения автора, но не навязывает их читателю. Таким образом, коммуникативное задание выбранных для перевода произведений – выражение отношения поэта к действительности.

Рассматриваемые произведения – стихотворения. Они складываются «в условиях высокоразвитой культурной коммуникации» [Кожина, 2011, с. 353], то есть являются вторичными по генезису, а по степени свободы – нерегламентированными.

При исследовании когнитивного стиля мы обратились к литературоведению, чтобы наиболее полно охарактеризовать эмоции, чувства и идеи, отраженные в стихотворениях. Мы выявили пять основных идей, характеризующих содержательный план текстов сборника: 1) конфликт естественного

мира и человека, 2) столкновение жестокости и хрупкости, 3) отношения мужчины и женщины 4) человек и война, 5) рождение человеческой мысли. В произведениях, относящихся к первой категории, Т. Хьюз предпринимает попытки найти и осознать место человека в мире. Стихотворения второй категории демонстрируют отсутствие гармонии, когда жестокость (человека, природы, судьбы) оказывается сильнее хрупкости бытия (человеческой души, счастья, самой жизни). Произведения третьей категории представляют отношение поэта к любви, для него это запутанное, обреченное чувство. В четвертой категории рассматривается надлом общества и человека, обусловленный ужасом, бессмыслием и неотвратимостью военных действий. Стихотворения пятой категории раскрывают механизм обращения идеи в слово.

Обратим внимание на примеры решений, принятых при переводе произведений из категории «человек и война» с учетом выявленных черт индивидуального стиля. В данных стихотворениях поэт обращается к опыту двух мировых войн, изменивших жизни многих людей. Война для Т. Хьюза – это разрушение, боль, смерть и утрата. Человек – заложник обстоятельств, его судьба предопределена и трагична. Т. Хьюз не поучает, не призывает своих читателей сложить оружие и стать пацифистами, через лирических героев автор предлагает свое видение влияния военных действий на простых людей. Данные глубинные идеи реализованы с помощью формальных особенностей идиостиля. Форма верлибра в сочетании с разнообразием грамматических конструкций (которые обеспечивают энергетическую силу речи, «состоящей из длинных предложений, бегущих сквозь строки и даже строфы»¹ [Hough, 1957, p. 86]) приближает поэтическое произведение к монологу-исповеди, вскрывающему раны как конкретного лирического героя, так и всего послевоенного общества.

Сочетание длинных и коротких предложений можно встретить в произведении «Six Young Men»²:

*Though their cocked hats are not now fashionable,
Their shoes shine. One imparts an intimate smile,
One chews a grass, one lowers his eyes, bashful,
One is ridiculous with cocky pride –
Six months after this picture they were all dead.*

*All are trimmed for a Sunday jaunt. I know
That bilberried bank, that thick tree, that black wall,
Which are there yet and not changed. From where these sit
You hear the water of seven streams fall
To the roarer in the bottom, and through all
The leafy valley a rumouring of air go [Hughes, 2003, c. 45].*

Длинные предложения в сочетании с анжамбеманом и асиндетоном обеспечивают плавное развертывание визуальных образов, описания фотографии. Короткое предложение акцентирует детали: люди на фотографии были счастливы, никто из них не мог подумать, как скоро оборвутся их жизни.

Переводчику необходимо учесть данную особенность:

*И хотя их треуголки больше не в моде,
Их ботинки блестят. Один светится улыбкой,
Один жуует травинку, один опускает глаза смущенно,
Один смешон, горделиво красуясь –
Спустя шесть месяцев все они были мертвы.*

*Все подстрижены для воскресной прогулки. Я знаю
Тот поросший черникой берег, то огромное дерево, ту черную стену,
Они все еще там и не изменились. На месте, где сидели шестеро,
Ты слышишь, как потоки семи ручьев обрушивают пену
С ревом вниз, и через всю арену
Зеленой долины ветер разносит слухи.*

¹ “...with long sentences running through many lines, even stanzas.” [Hough 1957: 86].

² «Шесть Юношей»

В данном фрагменте переданы не только синтаксическое разнообразие, но и стилистические приемы, необходимые для раскрытия образов. В словосочетании «*shoes shine*» хорошо заметен повтор звука [ʃ], в переводе аллитерация воссоздана при помощи звука [б] – «*ботинки блестят*». Рекуррентность «*one*» при описании солдат с фотографии акцентирует разнообразие и непохожесть их характеров, но в то же время уравнивает их перед судьбой. Рекуррентность указательного местоимения «*that*» эмфатизирует неизменность, вечность окружающего мира в контрасте с мимолетностью и краткостью человеческой жизни. Рифма не является характерной чертой идиостиля ранней поэзии Т. Хьюза, однако, в переводе важно учитывать и нерегулярные свойства, так как они приводят к дезавтоматизации восприятия произведения автора. Метафора «*gumouring of air*» имеет аудиальную направленность, создает впечатление, что историю погибших солдат нам рассказывает сама природа, безмятежная и далекая от человеческих конфликтов и страданий. В переводе мы прибегли к олицетворению, чтобы сохранить производимый оригиналом эффект.

Значимую роль в поэзии Т. Хьюза играют сравнения, обнаруживающие непростые взаимоотношения лирических героев и окружающей их действительности. В стихотворении «*Griefs for Dead Soldiers*»¹ сравнения «*a world lonely as her skull and little as her heart*» [Hughes, 2003, p. 44] переданы следующим образом: «*мир, одинокой, как ее череп, и сжавшийся, как ее сердце*». Автор заточает чувство одиночества в череп, потому что оно зарождается в мыслях вдовы, «маленьким» становится сердце, когда из него уходит любовь, сердце сжимается, поэтому было выбрано данное определение.

Заключение

После рассмотрения идиостиля произведений Т. Хьюза можно заключить, что все стилистические приемы, особенности лексики и синтаксиса автора служат развертыванию идейного содержания стихотворений, то есть при анализе идиостиля необходимо уделить пристальное внимание соотношению и взаимосвязи всех его стилей: культурно-речевого, коммуникативного и когнитивного.

Эмоциональную составляющую произведений формируют не только тщательно подобранные слова, но и форма стихотворений. Например, анжамбеман расставляет дополнительные смысловые ударения, а рекуррентности добавляют динамизм строфам.

Анализ идиостиля является аналитическим и системным подходом, который ставит в центр осмысления личность творца. «Биографичность» данного метода позволяет переводчику изучить текст изнутри с точки зрения мотивов и интенций автора, и избежать искажения исконного авторского замысла и стиля. Комплексный анализ трех составляющих идиостиля автора или поэта позволяет осмыслить оригинальный текст на всех уровнях его воплощения. Осмысленный и отрефлексированный переводчиком анализ идиостиля дает более глубокое видение художественного текста как «целого». Таким образом, передача особенностей авторского языка является необходимым условием воспроизведения эмотивно-идейного единства оригинала в переводе, а детальное изучение идиостиля позволяет переводчику избежать значительного искажения стиля автора.

Список литературы

1. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
2. Болотнова Н.С. Когнитивные исследования в коммуникативной стилистике текста: основные этапы и результаты // Русская речевая культура и текст: Материалы VIII Международной научной конференции (16–18 мая 2012 г.) / Под ред. Н.С. Болотновой. Томск, 2012. С. 181–192.
3. Венедиктова Т.Д. Поэтическое искусство США: Современность и традиция. Москва: Изд-во «Моск. ун-т», 1988. 88 с.
4. Гумилев Н. Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. С. 642–647.
5. Зубова Л.В. Языки современной поэзии. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. С. 340–343.
6. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Москва: Международные отношения, 1978. С. 69–90.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
8. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожин. 2-е изд. Москва: Флинта, 2011. 696 с.
9. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. Москва: Международные отношения, 1974. 216 с.

¹ «Скорбь о Павших Солдатах»

10. Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. Санкт-Петербург: Авалонь, Азбука-Аттикус, 2011. 448 с.
11. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Москва, 1978. С. 16–24.
12. Hough G. Landmarks and Turbulences. New York: Encounter, 1957. P. 83–87.
13. Hughes T. Collected Poems. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2003. P. 19–49.
14. Пым А. Translation and Text Transfer: An Essay on the Principles of Intercultural Communication. Frankfurt am Main: Peter Lang Pub Incorporated, 1992. 228 p.

Peisakhovich A.

Master Student, Perm State University

Grafova O.

*Senior Lecturer, Linguodidactics Department,
Perm State University*

***RESEARCH OF INDIVIDUAL STYLE AS PRE-TRANSLATION ANALYSIS (AS EXAMPLIFIED
IN COLLECTION OF POEMS OF T. HUGHES “THE HAWK IN THE RAIN”)***

The article is devoted to the possible implementation of the poet’s individual style analysis as pre-translation analysis. T. Hughes’ individual style is studied within the scope of communicative stylistics. Examples of translator’s decisions based on this analysis are also provided.

Key words: individual style, pre-translation analysis, poetic translation, communicative stylistics, Ted Hughes

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.
2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997–2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,0, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
4. Графики, диаграммы не допускаются.
5. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
6. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 6–15 страниц, а для аспирантов – 6–8 страниц.
7. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:
 - 1 – код УДК;
 - 2 – фамилия, имя, отчество автора (полностью);
 - 3 – ученая степень, ученое звание;
 - 4 – должность, место работы (если таковое имеется).
 - 5 – контактная информация (адрес, e-mail, телефон – для размещения на сайте в сведениях об авторе);
 - 6 – название статьи;
 - 7 – аннотация (3–5 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах;
 - 8 – ключевые слова по содержанию статьи (5–8 слов или словосочетаний);
 - 9 – ссылки.Сведения, указанные в подпунктах 2–8, приводятся как на русском, так и на английском языках.
8. Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связываются отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографию, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках фамилию автора, год и страницы, например: [Иванов, 2005, с. 25].
Пристатейные ссылки размещаются после текста статьи, предваряются словом «Список литературы», оформляются **в алфавитном порядке**.
При ссылке на данные, полученные из сети **Internet**, указывается электронный адрес первичного источника информации и дата обращения в круглых скобках, например: (дата обращения 22.12.2014). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «Там же» или "Ibid." (для документов, напечатанных латинским шрифтом). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч.» или "Op. cit." (для документов, напечатанных латинским шрифтом). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».
9. При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., которые отделяются пробелом от фамилии. Годы указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е гг., а не двадцатые годы. Не год или годы, а г. или гг. Не век или века, а в. или вв. Исключаются сокращения: др., проч., т.е., т.к. Следует писать полностью: другие, прочие, то есть, так как. Из сокращений допускаются: т.д., т.п., см. Знак % ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %; в иных случаях: «процент ... превышал 30». Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом (4 700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд. Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.
10. Статьи аспирантов, соискателей и кандидатов наук принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией (оригиналом) научного руководителя или ведущего специалиста, заверенной подписью и печатью организации, в которой работает рецензент. Рукопись направляется на рецензирование специалистам в данной области исследования. К публикации принимаются статьи, прошедшие рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Список литературы

1.

Ivanov I.I.

*PhD, Senior Lecturer, Linguodidactics Department,
Perm State University*

FUNCTIONAL POTENTIAL OF ENGLISH VERBS OF TRANSPORTATION

The article explores functional potential of English verbs with incorporated actants to cycle, to ferry, to jet, which are part of the semantic field “transportation”. Corpus analysis showed that the syntactic valence of the verbs in question exceeds their semantic valence and it allows us to conclude that the verbs in question have a high functional potential.

Key words: functional potential, incorporation, actant, verbs with incorporated actants, syntactic and semantic valency, functional potential index.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с порядком публикации на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (1 месяц).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.